СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXIII, № 4.

Олафъ Брокъ.

ОПИСАНІЕ ОДНОГО ГОВОРА

ИЗЪ ЮГОЗАПАДНОЙ ЧАСТИ

ТОТЕМСКАГО УѢЗДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1907 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Предисловіе.

Настоящая статья представляетъ въ окончательной обработкѣ первую часть того матеріала, который я собралъ во время путешествія по Россіи, предпринятаго по приглашенію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ лѣтомъ 1902 г.; могу только жалѣть, что независящія отъ меня обстоятельства сильно задержали появленіе работы.

Изъ предварительнаго отчета о поѣздкѣ (см. Отчетъ о дѣятельности Отд. Рус. Яз. и Слов. за 1902 г.) видно, что главною цѣлью ея поставлялось, по совѣщанію съ академикомъ А. Шахматовымъ, собираніе матеріала для описанія, съ одной стороны, одного типичнаго южновеликорусскаго, съ другой, одного типичнаго же сѣверновеликорусскаго нарѣчія. По разнымъ соображеніямъ я считалъ цѣлесообразнымъ обработать сперва сѣверновеликорусскій матеріалъ. Особенно подчеркну, что образъ обработки и легче и правильнѣе поддается критикѣ при такомъ относительно ясномъ, скажемъ вычеканенномъ, въ звуковомъ отношеніи, говорѣ какъ описываемый ниже сѣверновеликорусскій; критика отъ него, какъ болѣе прозрачнаго, легче перейдетъ къ слѣдующему позже описанію южновеликорусскаго говора, чѣмъ шла бы обратнымъ путемъ.

Критикѣ слѣдуетъ подвергать, конечно, не столько полноту собраннаго матеріала; само собою разумѣется, что самый матеріалъ собирается уроженцемъ страны гораздо легче, чѣмъ иностранцемъ, хотя бы этотъ послѣдній имѣлъ въ своемъ распоря-

женіи гораздо больше времени, чѣмъ что могъ я удѣлить своей задачѣ. Зато можно задать себѣ вопросъ, не можетъ ли иностранецъ, являющійся, такъ сказать, безъ предразсудковъ и традиціонныхъ въ самой странѣ понятій, давать иногда полезныя указанія, и въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ, и въ образѣ обработки матеріала, даже такого, который самъ по себѣ, для уроженца страны, не представляетъ, можетъ быть, никакихъ замѣчательныхъ новостей. Во всякомъ слу́чаѣ, этотъ вопросъ служилъ для меня базисомъ съ котораго я взялся за отмѣченную задачу; слѣдовательно, съ этой же точки зрѣнія и справедливая критика прежде всего должна смотрѣть на мой трудъ и судить о результатахъ.

— О подборѣ мѣста для наблюденій надъ типичнымъ сѣверновеликорусскимъ говоромъ, нужное уже сказано въ предварительномъ отчетѣ. Основа моего описанія собрана у 56-илѣтняго человѣка изъ деревни «Paṅkóvo» (на планѣ Панькова, сокращается въ описаніи часто въ Паньк., П.), въ трехъ-четырехъ верстахъ къ югу отъ Шуйскаго на Сухонѣ, Тотемскаго уѣзда. Назывался онъ сначала «Sťepán Ondŕé[i]ef Oŕéxin», позже, когда знакомство стало интимнѣе, «Sťopán Ondŕíi̯of Oŕéxin (или -xof)», что и ожидается, какъ увидимъ, по звуковому развитію говора. Въ первыхъ формахъ имѣемъ всѣмъ ясное вліяніе окружающей Степана среды; именно, онъ служилъ звонаремъ при церкви с. Шуйскаго. Намъ будетъ можно иногда и въ другихъ случаяхъ замѣчать такое вліяніе извнѣ; но, вообще, главный предметъ моихъ наблюденій, вся жизнь котораго протекла безвыѣздно въ Шуйскомъ и самой близкой къ нему окрестности, сохранялъ съ очевидно рѣдкою вѣрностью свой природный говоръ, — тотъ самый идіомъ, который составляетъ вообще, безъ крупныхъ особыхъ оттѣнковъ и разницъ, основу языка всей окружающей мѣстности, насколько я имѣлъ случай наблюдать и прислушиваться.

Для болѣе подробнаго контроля въ нѣкоторыхъ явленіяхъ, особенно въ интересномъ вопросѣ объ o:ô (§ 5) служила ста-

рушка изъ Ихалицы («іхаĭіса», сокращается въ описаніи въ «Их.») на Сухонѣ, верстъ 50 ближе къ Тотьмѣ; жила она въ 1902 г. въ Шуйскомъ, 71 года; нѣкоторое время проживала раньше въ Петербургѣ — какъ, пожалуй, бо́льшая часть жителей этихъ мѣстностей — была также въ Москвѣ, но, какъ оказалось, хорошо помнила и хранила природный говоръ.

А такое свойство слѣдовало отмѣтить, такъ какъ вліяніе чужихъ идіомовъ уже стало такъ сильнымъ, что тѣ особенности, около которыхъ сосредоточивается главный интересъ изслѣдователя, въ наше время уже, а особенно, конечно, у молодыхъ, исчезаютъ. Дѣйствуетъ въ этихъ мѣстностяхъ очевидно Петербургъ сильнѣе Москвы. Это зависитъ естественнымъ образомъ отъ того, что ищущіе работы, которые какъ сказано весьма многочисленны, отправляются до сихъ поръ почти всѣ въ сѣверную столицу, а не на югъ; Петербургъ для нихъ является до сихъ поръ естественнымъ центромъ тяжести. На жизнь нарѣчія вліяетъ при томъ, конечно, и школьное преподаваніе; но и такимъ путемъ дѣйствующее внѣшнее вліяніе носитъ, очевидно, сѣверновеликорусскій, а не южный характеръ. Это и даетъ намъ главныя линіи общаго развитія и теченія; общія черты сѣверновеликорусскаго языка остаются непоколебимыми, напр. оканье, а особыя черты въ родѣ гласной «о̂» исчезаютъ, отчасти довольно скоро. На это слѣдуетъ указать уже здѣсь, для правильной оцѣнки разныхъ явленій; о подробностяхъ укажу, кромѣ разныхъ отдѣльныхъ параграфовъ, на § 16, гдѣ главныя черты этого вліянія извнѣ собраны въ краткій обзоръ.

— Какъ сказано, описанный ниже говоръ отличается вообще простотою, звуковою прозрачностью. Описаніе потому и не представляетъ крупныхъ трудностей для русскаго читателя. Нѣтъ сомнѣнія, что обработка покажется поэтому многимъ ужъ чрезчуръ элементарной, мѣстами съ лишними и потому банальными изложеніями и подробностями. Но эта элементарность и въ связи съ ней обширное изложеніе соотвѣтствуетъ высказаннымъ мнѣ со стороны русскихъ друзей желаніямъ; а соображенія, подска-

зывавшія эти желанія, я вполнѣ одобряю. Съ тѣмъ большимъ интересомъ, а надѣюсь и результатомъ, можно углубляться мѣстами въ тѣ тонкости, которыя представляетъ при тщательномъ изслѣдованіи и самый «простой», «прозрачный» говоръ.

Изслѣдованіе такихъ болѣе тонкихъ, иногда по этому трудныхъ вопросовъ, на фонѣ вообще элементарной обработки, нерѣдко имѣетъ главную свою цѣну не столько какъ часть описанія отдѣльнаго говора, нарѣчія, сколько тѣмъ, что можетъ навести читателя на болѣе живое, потому и болѣе правильное понятіе о первоначальномъ развитіи явленій, теперь уже болѣе ясныхъ и крупныхъ въ своихъ результатахъ, на другихъ нивахъ славянской лингвистики. Потому я и не отказался отъ него и тамъ, гдѣ оно не доводитъ до опредѣленныхъ, легко схватываемыхъ грамматическихъ правилъ, и даже тамъ, гдѣ самый вопросъ являлся для меня уже слишкомъ поздно, чтобы собрать на мѣстѣ достаточный матеріалъ для его окончательнаго освѣщенія.

Но, чтобы такія болѣе тонкія подробности не испещряли транскрипцію ненужнымъ образомъ—что по моему опыту не привлекаетъ читателей—, я довольствовался вообще какъ можно болѣе простой транскрипціей, а разсужденія о болѣе тонкихъ наблюденіяхъ распредѣлялъ по отдѣльнымъ параграфамъ, употребляя тамъ, въ ковычкахъ, условные знаки, освѣщающіе приблизительно то, что схватило ухо. Такимъ образомъ, отдѣльные параграфы принимаютъ отчасти видъ самостоятельныхъ статеекъ; но это не можетъ мѣшать читателямъ, которые по заглавіямъ параграфовъ легко могутъ справляться съ общимъ планомъ работы.

I. Фонетика.

§ 1. Обозначеніе и характеръ гласныхъ. Для передачи описываемаго говора употребляются слѣдующіе гласные знаки:

i ê e ä (à) a, y; ö (ȯ) o ô ù u.

Указывая на общія замѣчанія, сдѣланныя на первыхъ страницахъ моей работы «Угрорусское нарѣчіе Села Убли» (изд. Отд. рус. яз. и слов. въ 1899 году), могу безъ обстоятельныхъ разъясненій здѣсь же прибавить главное значеніе этихъ знаковъ, по распредѣленію Sweet-Sievers.

i — гласная передняго ряда верхняя;
ê, e — гласныя передняго ряда среднія;
ä — гласная передняго ряда низкая;
a — гласная задняго ряда;
(à — оттѣнокъ послѣдней, по направленію къ ä; можно его сравнить съ западными т. н. «высокими» a).
y — гласная верхняя, частью средняго, частью задняго ряда; см. ниже.

Съ участіемъ губъ:

ö — гласная передняго (иногда средняго?) ряда средняя;
o, ô — гласныя задняго ряда среднія;
(ȯ — оттѣнокъ o по направленію къ ö, «съ примѣсью ö»).
ù — гласная верхняя средняго ряда;
u — гласная верхняя задняго ряда.

Изъ звуковъ, обозначаемыхъ этими знаками, насчетъ ê и ô можно указать на § 4 и § 5; § 13 говоритъ объ условіяхъ, вызывающихъ ȧ, ä, ȯ, ö и u̇, поэтому и подробнѣе о самихъ этихъ гласныхъ.

Остается задача распредѣлить основныя гласныя говора, прежде всего гласныя ударяемыя, по категоріямъ, называемымъ Свитомъ «narrow» и «wide», Сиверсомъ, въ первыхъ изданіяхъ его извѣстной книги «Grundzüge der Phonetik», «eng» и «weit», а въ пятомъ ея изданіи «gespannt» и «ungespannt»; см. его разсужденія въ 252 сл., съ которыми считаю возможнымъ согласиться во всемъ существенномъ, почему и примыкаю къ послѣднимъ терминамъ: гласныя «напряженныя» и «ненапряженныя».

Попытка распредѣленія по этимъ категоріямъ, исключая отношенія e : ê (см. § 4) и o : ô (см. § 5), связана съ трудностями. Въ нашемъ говорѣ, а вообще въ великорусскомъ, не видимъ разницу въ напряженіи связанной съ другими разницами, какъ напр. въ нѣмецкомъ она связывается съ различіемъ по количеству (ср. Сиверсъ, 255). Поэтому мы должны довольствоваться косвеннымъ сравненіемъ, съ гласными другихъ языковъ, и полученнымъ такимъ путемъ общимъ впечатлѣніемъ. Но и этого рода опредѣленіе, разумѣется, не безъ цѣны.

Высокія гласныя i и u не различаютъ въ описываемомъ говорѣ категорическихъ оттѣнковъ. Ихъ нужно опредѣлить вообще какъ «напряженныя». i находимъ на мѣстѣ стараго i (напр., naṕíšom напишемъ, zvońíť, spusťíłaś, poxorońíu̯, otstŕík отстригъ)—стараго ы послѣ гортанныхъ (mužyḱí, vodľe ŕiḱí-to, рѣки)—и стараго ѣ (pospíľi поспѣли, śíľi сѣли, ńedvíť медвѣдь, i̯iś ѣсть, ui̯íďöt уѣдетъ); а всюду оно, подъ удареніемъ, рѣшительно напряженно; такъ же въ положеніи безъ i̯ (j) въ началѣ слова: ínaće иначе, íva и под.

Узкою считаю вообще и гласную «у». А эта гласная обращаетъ на себя особое вниманіе и съ другихъ сторонъ. Выступаютъ въ «у» разные оттѣнки, въ зависимости отъ окружающихъ, особенно

предшествующихъ согласныхъ; указываю насчетъ этого на то, что сказано въ прежнихъ моихъ работахъ, особенно, касательно московскаго, на «Угрорусское нарѣчіе и т. д.», стр. 5. Послѣ губныхъ въ твердомъ слогѣ, напр. ьуџ былъ, vу́- вы́-, гласная «у» принадлежитъ несомнѣнно заднему ряду, соотвѣтствуя по артикуляціи спинки языка ближе всего «и», которое лежитъ однако повидимому немножко далѣе взади. Послѣ «ɨ» (см. § 7), напр. въ stoɨу́, sɨу́šуš, находимъ тотъ же оттѣнокъ. А послѣ прочихъ «зубныхъ», въ твердыхъ слогахъ, «у» лежитъ нѣсколько далѣе впереди, около границы артикуляціонныхъ поясовъ, по которымъ распредѣляю «заднія» и «среднія» гласныя. Въ московскомъ произношеніи считаю ы въ такомъ положеніи, напр. сынъ, принадлежащимъ среднему ряду, по Свитъ-Сиверсу, и соотвѣтствующимъ въ артикуляціи спинки языка ближе всего, даже вполнѣ гласной ŭ; а въ настоящемъ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи я склоненъ считать «у» и въ такомъ положеніи, напр. въ žonу́, sу́pa, принадлежащимъ еще заднему ряду, но уже граничащимъ съ гласными средняго ряда. Такого опредѣленія нужно повидимому придерживаться и относительно неударяемыхъ слоговъ, напр. род. roЬôty.[1]) — Среднему ряду принадлежитъ за то рѣшительно гласная «у» послѣ «зубныхъ» въ *мягкомъ* слогѣ; а и послѣ губныхъ она двигается подъ вліяніемъ палатализаціи такъ замѣтно впередъ, что можно колебаться относительно приписки ея къ заднему или же къ среднему ряду.

То «у», которое является на мѣстѣ стараго і послѣ шипящихъ въ твердомъ слогѣ, принадлежитъ по звуку къ *заднимъ* оттѣнкамъ звуковъ у. Особенно ясно это выступало въ примѣрѣ какъ повелит. ruš́ý (наст. ruš́ú, неопр. ruxáť), гдѣ гласная втораго слога не различалась по звуку отъ перваго «у», объ артикуляціи котораго сказано выше. Однако, въ связи съ особымъ положеніемъ

1) Въ этой точкѣ произношеніе говора, такимъ образомъ, какъ будто различается слабо отъ Московскаго; но такъ какъ рѣчь идетъ о весьма тонкихъ оттѣнкахъ, въ которыхъ и личность говорящаго легко играетъ извѣстную роль, то самъ не смѣю придавать имъ значенія.

языка при образованіи звуковъ š, ž, такое «y» имѣетъ навѣрное болѣе открытое [1]) образованіе чѣмъ «y» первоначальное; отъ этого, пожалуй, и зависитъ, что звукъ «y» послѣ названныхъ шипящихъ — особенно подвижной. Такъ, въ неопр. šyť, y, какъ и старое y, двигается впередъ подъ вліяніемъ слѣдующей палатализаціи (см. выше), но такъ сильно, что образуется уже на границѣ гласныхъ «передняго» ряда, гдѣ «y» стараго происхожденія не отмѣчено.

Изъ гласныхъ задняго ряда, «a» вообще сходно съ a образованнаго русскаго языка. О напряженности или ненапряженности не смѣю здѣсь судить. Звукъ можно сопоставить съ «нормальнымъ» европейскимъ «a», исключая положенія, въ которыхъ окружающія палатальныя артикуляціи сдвигаютъ его въ направленіе къ гласнымъ передняго ряда (§ 13).

Извѣстныя трудности представляетъ, наконецъ, окончательное опредѣленіе гласной «o». Это несомнѣнно — лабіализованная гласная задняго ряда, по отдаленности языка отъ нёба — средняя (ср. «mid-back-round»), при томъ вообще ненапряженнаго образованія («wide»). Но и внутри этой рамы можетъ, повидимому, существовать немалая подвижность. Во многихъ случаяхъ я не боялся идентифицировать гласную, напр., съ сѣвернонѣмецкимъ o въ «Stock» — Сиверсовымъ o[2]; такъ, напр., въ óźoro, kartóf'eľ, óboloko; если степень закрытости «o» въ нихъ сильнѣе названнаго нѣмецкаго примѣра, такъ разница во всякомъ случаѣ незначительна. За то, во многихъ случаяхъ отмѣчена гласная, несомнѣнно болѣе закрытаго звука; такъ, напр., въ ŀop лобъ, dóžd'iki; нерѣдко такой оттѣнокъ встрѣчался и въ слогахъ передъ ударяемымъ. Между тѣмъ, Паньковскій источникъ повидимому колебался относительно этой черты произношенія, а и у крестьянъ другихъ деревень оказалось невозможнымъ достигнуть по этому вопросу прочнаго результата, съ разграниченіемъ оттѣнковъ. Однако считаю правильнымъ указать на собственныя свои сомнѣнія, тѣмъ

1) Ненапряженное? Мнѣ кажется такъ, но не смѣю утверждать.

болѣе что и въ южновеликорусскомъ склоняюсь считать «о», если не всюду, то часто, оттѣнкомъ болѣе закрытымъ по звуку, чѣмъ въ указанныхъ у Сиверса примѣрахъ.

Прим. На славянскія «о» слѣдуетъ вообще, насчетъ степени закрытости, обращать извѣстное вниманіе; напр., относительно чешскаго о датскій профессоръ Гольгеръ Педерсенъ указалъ недавно въ отличной статьѣ о чешскомъ произношеніи (Den böhmiske Udtale, въ Nordisk Tidsskrift for Filologi, Tredie Rœkke, B. XI), что его нельзя отождествить съ сѣвернонѣмецкимъ; оно менѣе открыто этого. — Возвращаясь къ описываемому говору, добавлю, что отмѣченный болѣе закрытый оттѣнокъ «о» по звуку равнялся приблизительно природному мнѣ оттѣнку о, напр. въ норв. словѣ «aaben» (выг. приблизительно «о̄рn̥»), гдѣ бо́льшая закрытость о въ сравненіи съ сѣв.-нѣм. считается обыкновенно результатомъ лишней степени лабіализаціи. Насколько этотъ же моментъ играетъ главную роль и при упомянутыхъ болѣе закрытыхъ русскихъ о, или же въ этихъ съ усиленной лабіализаціей соединяется и болѣе закрытая артикуляція внутри рта, не берусь рѣшить. Между тѣмъ, я склоненъ считать усиленную лабіализацію главнымъ дѣйствующимъ моментомъ. Насчетъ лабіализаціи указываю вообще на § 14. Я тамъ отмѣтилъ, какъ, по наблюденіямъ извѣстнаго англичанина Свитъ, въ московскомъ произношеніи извѣстныя согласныя (гортанныя и губныя) передъ ударяемымъ о лабіализируются[1]) надъ мѣрой лабіализаціи самого о, что вызываетъ слабый призвукъ «u̯» между согласною и гласной. По бѣглымъ наблюденіямъ надъ произношеніемъ образованныхъ русскихъ, я согласуюсь съ Свитомъ въ существованіи этой «лабіализаціи», и весьма жалѣю, что не обратилъ во́ время должнаго вниманія на этотъ вопросъ;

1) А вмѣстѣ съ тѣмъ и «веларизируются». Ср. кромѣ Свита наблюденія Финка (Finck, въ журналѣ Phonetische Studien).

однако, мои наблюденія не позволяютъ пока примкнуть къ указанному Свитомъ ограниченію; сильную лабіализацію я слышалъ не только, напр., въ такóвъ, Попóвъ, но и послѣ зубной, напр. въ «ну что-Вы»; а вообще границы этого явленія мнѣ неясны. А главное, для поставленнаго выше вопроса, это то, что такая лабіализація иногда существуетъ; она переносится въ эмфатической рѣчи весьма слышнымъ образомъ на первую часть слѣдующей гласной массы («tak͡o͡of»), оставляя вторую болѣе открытой; при менѣе эмфатической рѣчи, гдѣ слогъ короче — не можетъ ли сильная степень лабіализаціи окрасить всю гласную, до конца ея? [1]).

§ 2. Ослабленные оттѣнки гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ; «состоянія безразличности» языка. Въ предварительномъ отчетѣ уже сказано, что описываемое нарѣчіе, при общемъ сравненіи съ изслѣдованными мною южновеликорусскими говорами, отличается ясностью, вычеканенною артикуляціей гласныхъ, также внѣ ударяемаго слога. Можно въ немъ поэтому, какъ предварительное правило, установить, что гласныя вообще—«полнаго образованія». Точныя наблюденія позволяютъ, между тѣмъ, заключить, что внутри рамки этого предварительнаго правила существуютъ извѣстныя оттѣнки; а эти оттѣнки можно до извѣстной степени группировать. Такимъ образомъ они и цѣнны; они даютъ намъ матеріалъ для обсужденія зависимости извѣстныхъ гласныхъ отъ окружающихъ звуковъ и для опредѣленія, хоть до извѣстной степени, взаимнаго «вѣса» слоговъ.

Ухо наблюдателя прежде всего поражаетъ та черта, что гласныя задняго образованія, а особенно гласная о, въ положеніяхъ

1) Пользуюсь случаемъ чтобы добавить вопросъ, распространяется ли произношеніе съ упомянутой сильной степенью лабіализаціи у образованныхъ какъ «мода»? Я отмѣчалъ его по преимуществу у молодыхъ, бойкихъ людей, а не столько у степенныхъ. Указываю, впрочемъ, на § 14.

послѣ ударяемаго слога, чаще всего, можетъ быть, въ закрытомъ слогѣ, а иногда и въ открытомъ концѣ слова, подвергаются нерѣдко ослабленію артикуляціи, такъ что приближаются болѣе или менѣе къ гласной, обозначаемой мною въ другихъ работахъ знакомъ «ъ» — звуку, который опредѣляется въ употребляемой нами системѣ какъ гласная задняго ряда верхняя ненапряженнаго образованія («high-back-wide»; округляя губы, получаемъ открытое u, напр., нѣм. Hund), и который образованному русскому хорошо извѣстенъ изъ южновеликорусскихъ говоровъ, въ извѣстныхъ неударяемыхъ слогахъ; ср., напр., «ъ» въ транскрипціи Корша изъ московскаго произношенія, въ его статьѣ «О русскомъ правописаніи», Изв. отд. р. яз. и слов. 1902, кн. 1, стр. 74. Пользуясь для наглядности знакомъ «ъ» тамъ, гдѣ о звучало какъ или приблизительно какъ упомянутая гласная high-back-wide, я отмѣтилъ, напр., «xl'êbъm», «xógъm», «z-d'êl'ъm» съ дѣломъ, и такъ часто въ окончаніи творительнаго; «ć'êl'ъi̯», «ćésnъi̯» честный, «pl'ŏšátъi̯» плѣшивый, Их. «dôbrъi̯», и такъ весьма часто въ этомъ окончаніи прилагательныхъ, им. муж. р.; ср. род. дат. жен. р., «boγátъi̯», «étъi̯» и др.; мѣст. «śíńъm»; примѣры другихъ закрытыхъ слоговъ: «étъt» (ср. § 15), «xól'ъt» холодъ, «kógъr» коробъ, «góгъt», «pól'ъn» полонъ; въ открытомъ концѣ слова, напр. «zd'êl'anъ» сдѣлано, «śênъ» сѣно, «śésťerъ» шестеро, «d'ĭťátkъ» дитятко, и даже «xól'ъdnъ» холодно. Не всюду эта склонность развивается одинаково сильно; движеніе въ направленіе къ «ъ» можетъ быть такъ незначительно, что наблюдатель легко не замѣчаетъ его. А и въ такихъ случаяхъ оно выступаетъ достаточно ясно, если представляется возможность сравнить неударяемый оттѣнокъ съ ударяемымъ въ сосѣднемъ слогѣ; такъ, напр., въ выраженіи pórgrostu, гдѣ было бы преувеличеніе писать «pórгъstu», такъ какъ и второй слогъ сохраняетъ гласную, которую нужно опредѣлить какъ «o», а слѣдуетъ поэтому довольствоваться указаніемъ, что неударяемое о оттѣняется, при сравненіи его съ ударяемымъ, въ направленіе къ «ъ», т. е. извѣстной изъ южновеликорусскаго «ирраціональной» гласной задняго ряда. — По нѣкоторымъ примѣрамъ

можно заключить, что направленіе этого передвиженія гласной о послѣ ударяемаго слога зависитъ до извѣстной степени отъ характера окружающихъ звуковъ; такъ, въ случаяхъ какъ róbok, łóvok, słátok, dółok (дологъ) ослабленное по артикуляціи о передвигается скорѣе, по сравненію съ ударяемымъ, взадъ и внизъ, между тѣмъ какъ описанное только что движеніе отъ о къ «ъ» идетъ скорѣе вверхъ (и впередъ) по рту. А что́ главное для насъ — это пока установленіе того факта, что въ описываемомъ говорѣ замѣчается въ слогахъ послѣ ударяемаго извѣстная, хотя и слабо развитая склонность ослаблять артикуляцію гласной о, въ сравненіи съ артикуляціей ударяемаго слога.

Въ прочихъ гласныхъ задняго образованія послѣ ударяемаго слога, подобное передвиженіе въ направленіе къ «ирраціональному» произношенію не проявлялось такъ часто; но встрѣчается оно и въ нихъ. Для «а» такое оттѣненіе отмѣчено, напр., въ дат. твор. bábam; для ы, напр., въ выраженіи «kaby gôr ńé-było», гдѣ «у», которое по § 1 послѣ b — гласная рѣшительно задняго ряда, приближалось сильно къ «ъ». «у» послѣ š, ž (въ твердомъ слогѣ заднее) отличается по предшествующему параграфу уже въ ударяемомъ слогѣ отъ первоначальнаго ы (задняго ряда) извѣстною особенною, хотя и трудно замѣтною «открытостью»; а сопоставляя *неударяемое* šy, žy съ *ударяемымъ* vy, напр. въ výšyło вышито, можно было наблюдать уже рѣзкую разницу, вслѣдствіе сильнаго ослабленія второго, неударяемаго слога.—Въ гласной «у» слѣды подобнаго ослабленія артикуляціи послѣ ударенія отмѣчены впрочемъ и для оттѣнковъ болѣе передняго образованія, напр. въ d'ópyšk° (второе о безъ голоса, см. § 6), гдѣ «у» по § 1 лежитъ приблизительно на границѣ «заднихъ» и «среднихъ» гласныхъ; въ примѣрѣ какъ beŕózyńkä я наблюдалъ такое же ослабленіе у, которое здѣсь, какъ мы знаемъ изъ § 1, гласная рѣшительно *средняго* ряда.

Привлечемъ теперь къ сравненію и гласную «u». Какъ отмѣчено въ предшествующемъ параграфѣ, нашъ говоръ не различаетъ въ ней опредѣленныхъ категорій; нормальною слѣдуетъ

считать эту гласную, какъ ударяемую, такъ и неударяемую, какъ и «напряженнаго образованія» (narrow). Однако, внимательный наблюдатель найдетъ и здѣсь маленькое различіе. Ударяемое и — *у́же* неударяемаго. Слабые слѣды этого различія отмѣчены и для и предъ удареніемъ, о чемъ ниже; а ясные слѣды, легко слышные, отмѣчены мною только для положенія *послѣ* ударяемаго слога слова. Въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ то búdu, búdut разница была такъ замѣтна, что въ рамкѣ употребляемой схемы гласную слога послѣ ударяемаго здѣсь слѣдовало бы опредѣлить какъ «ненапряженную» (wide). А и еще далѣе можетъ развиваться въ единичныхъ случаяхъ это ослабленіе, связываясь съ извѣстнымъ пониженіемъ цѣлой спинки языка; примѣръ этого я отмѣтилъ въ выраженіи ót-rodu, въ которомъ и, не перемѣняя замѣтно степени лабіализаціи, имѣло внутреннюю артикуляцію, приближающуюся сильно къ положенію языка въ гласной о.

Итакъ, даже при относительно немногихъ отмѣченныхъ случаяхъ несомнѣннаго, поражающаго ухо различія въ послѣднихъ гласныхъ категоріяхъ, — сопоставляя ихъ съ многочисленными случаями при гласной о, имѣемъ безсомнѣнное право вывести заключеніе объ извѣстной склонности всѣхъ гласныхъ задняго ряда, съ присоединеніемъ и «у» средняго ряда, ослаблять вообще *въ слогахъ послѣ ударяемаго* свою артикуляцію. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что въ упомянутыхъ ослабленныхъ оттѣнкахъ слѣдуетъ видѣть приближенія языка къ «состоянію безразличности», его «Ruhelage» (ср. Шахматовъ, Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ, Р. Фил. Вѣст. 1903, въ оттискѣ стр. 31). Склонность эта развивается труднѣе въ высокой гласной и, чѣмъ въ гласныхъ средней высоты, особенно о. Самое «состояніе безразличности», оказывается, для гласныхъ задняго (и средняго, хоть въ у) ряда нужно искать около той-же самой артикуляціи «ъ», въ которой представляется оно и въ южновеликорусскомъ; это «ирраціональная», не вполнѣ опредѣленная гласная, центромъ которой можно

ставить нелабіализованное «high-back-wide», можетъ быть, уже на границѣ «mid» (средняго) ряда.

— И въ *слогахъ передъ ударяемымъ* можно было отмѣтить черты, указывающія на направленіе, отмѣченное только что для слоговъ послѣ ударяемаго. Такъ, сопоставляя и перваго слога въ формахъ uć́ú : úć́iš (учу : учишь), я отмѣтилъ извѣстное, хотя и минимальное ослабленіе артикуляціи въ неударяемомъ. Сравненіе двухъ а въ šaĺá, ссала, хотя не оставляло сомнѣнія, что оба слога содерживаютъ «гласную а», но позволяло отмѣтить, что неударяемое а, въ отношеніи къ ударяемому, выказываетъ слабенькое оттѣненіе въ направленіе къ о. Есть, такимъ образомъ, основаніе предположить, что и слоги передъ ударяемымъ не вполнѣ такъ «вѣски» по артикуляціи, какъ самый ударяемый; это какъ будто подкрѣпляется еще и наблюденіемъ надъ гласной «у», о которомъ въ слѣдующемъ примѣчаніи. Однако, различіе по ясности артикуляціи между ударяемымъ слогомъ и слогомъ передъ нимъ, судя по отмѣченнымъ примѣрамъ, представляется во всякомъ случаѣ ничтожнымъ, по сравненію съ разстояніемъ между ударяемымъ слогомъ и слогами, слѣдующими за ними; въ этихъ послѣднихъ ясность — вѣроятно въ связи съ экспираціонной силой — склонна убавляться въ легко констатируемой степени.

— Я ограничился пока гласными задняго ряда; но разумѣется само собою, что если причина упоминаемыхъ явленій понята правильно, то можно или даже слѣдуетъ ждать ея слѣдовъ и при гласныхъ, образуемыхъ въ передней части рта. Дѣйствительно, и въ этихъ гласныхъ наблюдается часто различіе, хотя и слабое, между ударяемымъ и неударяемымъ слогами, а прежде всего между ударяемымъ слогомъ и слогами послѣ него. Особенно интересно въ этомъ отношеніи сравненіе высокой гласной і со среднею е. Первую слѣдуетъ въ ударяемомъ слогѣ рѣшительно опредѣлить какъ і напряженное (ср. § 1); вторая по своей природѣ — е ненапряженное (ср. § 4). А между тѣмъ какъ і неударяемаго слога оттѣняется въ направленіе къ ненапряженности («wide»), то для е въ положеніи

послѣ ударенія, напр. въ i̯éstŕep ястребъ, vôśem восемь, ná-b́eŕek ná-берегъ, мѣст. ḿísťe мѣстѣ, f sámom d́íľe и под., приходилось опредѣлять оттѣнокъ какъ немножко болѣе закрытый (ср. «ê»),[1]) различающійся иногда довольно сильно отъ é. Напротивъ, *передъ* ударяемымъ слогомъ, напр. въ tŕeťéi̯, е звучало такъ же открыто, какъ въ самомъ ударяемомъ.

Послѣднее, повидимому, опять указываетъ на упомянутое выше различіе между слогами послѣ ударяемаго и такими же передъ ударяемымъ. Прибавлю здѣсь же, что неопровержимое доказательство въ пользу заключенія о такой разницѣ лежитъ, по моему, въ упоминаемомъ въ § 13 явленіи, а именно въ движеніи а и u въ направленіе къ ä, ů, а особенно о къ ö и е послѣ (между) палатальныхъ звуковъ; степень развитія этой черты зависитъ очевидно въ немалой степени отъ отношенія слога къ ударенію: чѣмъ слабѣе «вѣсъ» слога, тѣмъ сильнѣе гласная слога и приближается къ извѣстной передней гласной артикуляціи, совмѣщающей въ себѣ *переднее* «состояніе безразличности» языка, соотвѣтствующее подобному состоянію для заднихъ гласныхъ. Указывая на вышесказанное о неударяемомъ і и объ е въ слогахъ послѣ ударяемаго, я склоненъ опредѣлить положеніе языка при переднемъ «состояніи безразличности» какъ гласную артикуляцію верхнюю передняго ряда (high-front), конечно не только ненапряженнаго образованія (wide), но и особенно ослабленную, а можетъ быть и оттянутую назадъ къ границѣ средняго (mixed) пояса.

Конечно, такое опредѣленіе дается только съ оговоркой. Главное для насъ, это отмѣтить, что черты произношенія въ нашемъ говорѣ указываютъ какъ будто на одно заднее и одно переднее состояніе безразличности языка при редукціи гласныхъ; ср. общеславянское развитіе ъ и ь, а также развитіе «ирраціональныхъ» гласныхъ на южновеликорусской почвѣ (Шахматовъ: Русское и Словенское Аканье); а слѣдовъ соединенія

1) Здѣсь намѣренно не употребляю терминъ «напряженный».

этихъ двухъ положеній въ одно общее для всѣхъ гласныхъ состояніе безразличности — ср., напр., развитіе неударяемаго нѣмецкаго ə, обозначаемое обыкновенно знакомъ e, напр., въ Gabe — я не нашелъ.

Прим. Въ словѣ «надо» не знаю, можно ли подвести отмѣченное произношеніе подъ упомянутыя здѣсь явленія. Форма колеблется въ моихъ запискахъ между «nádö» и «náde» («надэ»), а отмѣчена притомъ еще иногда и какъ близко къ «nády». Колеблющимся я остался и насчетъ «хлѣбце», отмѣченнаго частью какъ xl'ípće, частью какъ -ćä.—Больше интереса связывается съ формами корня by-. Въ § 1 сказано, что послѣ губныхъ согласныхъ, «у» имѣетъ задній свой оттѣнокъ, въ которомъ артикуляція языка приближается сильно къ артикуляціи, свойственной гласной u, а можетъ быть и совпадаетъ съ ней. Значитъ, если къ такой артикуляціи языка присоединяется и лабіализація, то переходъ у въ u — совсѣмъ естественное развитіе. Гдѣ у попадало между двумя губными, я дѣйствительно нерѣдко и наблюдалъ звукъ, въ которомъ у почти что скрывалось подъ употребленіемъ губъ (ср. § 14) и приближалось поэтому къ u; такъ, напр., въ byu̯, въ болѣе бѣглой рѣчи. Въ женск. byłá также, при скоромъ произношеніи, вышло почти чистое «bułá». Между тѣмъ, въ болѣе спокойной рѣчи говоръ сохранялъ несомнѣнныя у; а дѣйствіе губъ не было такъ полно развито, чтобъ переходъ въ u даже въ скорой рѣчи былъ совершенный. Изъ этого заключаемъ, что когда въ глаголѣ «бывать» встрѣчаются только формы съ bu-: «vnôgo (много) buváu̯ on po-sv'êtu» и под., то этого u нельзя объяснять какъ фонетическое явленіе — ср. въ южновеликорусскомъ; u вторглось по аналогіи изъ другихъ формъ; такое заключеніе подтверждается и тѣмъ, что случай этотъ стоитъ особнякомъ.

§ 3. Къ характеру слоговъ и ударенію. Какъ сказано, описываемый говоръ отличается вообще яснымъ произношеніемъ слоговъ, также неударяемыхъ. Однако, явленія, описанныя въ предыдущемъ параграфѣ, позволяютъ заключить, что слоги *передъ* ударяемымъ отличаются своей ясностью отъ слоговъ *послѣ* ударяемаго. Зато, если послѣ ударяемаго имѣется больше одного слога, легко развивается второстепенное удареніе, которымъ экспираціонная сила слога приближается опять къ силѣ слога подъ главнымъ удареніемъ.

Мой матеріалъ не позволяетъ судить, существуютъ ли правила для мѣстоположенія второстепеннаго ударенія; чаще всего, повидимому, оно является черезъ слогъ послѣ главноударяемаго, какъ напр. въ boγátoi̯ò, kółokòło (такъ и въ Их.); а отмѣчены и случаи какъ «vý́ťeŕeb̓il̓i ľón»; не безвѣроятно, что здѣсь вліяетъ на видъ сложнаго слова удареніе несложнаго[1]); однако, какъ сказано, мой матеріалъ по скудности не позволяетъ возстановить правилъ; я только при обработкѣ обратилъ должное вниманіе на этотъ вопросъ и долженъ оставить отвѣтъ на него — неблагодарную задачу — другимъ изслѣдователямъ.

Слабѣйшихъ слоговъ говора мы, во всякомъ случаѣ, въ правѣ искать непосредственно послѣ ударяемаго, напр. во второмъ слогѣ kóгор («kóгър», ср. § 2). Если съ этимъ сравнивать слово какъ kółokòło, то мнѣ казалось, что слогъ послѣ второстепеннаго ударенія приблизительно одинаковой силы со слогомъ непосредственно послѣ главноударяемаго; если слабѣе его, то во всякомъ случаѣ на малость.—Не смотря на близкое разстояніе слоговъ другъ отъ друга по силѣ, по «вѣсу», мы, такимъ образомъ, не лишены возможности ихъ отстепенить. Если ихъ обозначить коэфиціентами, то выходятъ, напр., слѣдующія условныя картины:

kó -	ło -	kó -	ło,		kó -	гор
1.	4.	2.	4. (5?)		1.	4. (5?)

1) Ср., когда s̄aná, ссана, получаетъ въ сочетаніи съ za- слабое второстепенное удареніе *передъ* ударяемымъ слогомъ: zà-s̄aná.

Для слоговъ передъ ударяемымъ слѣдуетъ повидимому пользоваться чаще всего коэфиціентами 3 и 2; изъ извѣстныхъ явленій, особенно долготы (см. ниже) и отношенія ’o: ö: e (въ § 13), можно бы предполагать или же спросить, не отстепеняются ли и эти слоги между собой; но отстепененія во всякомъ случаѣ были такъ слабы и трудно уловимы, что не берусь ихъ группировать.

— Долготу обыкновеннаго неударяемаго слога я наблюдалъ лишь въ открытомъ концѣ слова, въ единичныхъ случаяхъ, при сильномъ эмфазѣ; напр. púdā, íxaĭíćā и под.

За то, ударяемый слогъ удлиняется правильно, болѣе или менѣе, въ зависимости пожалуй отъ «эмфаза». Объ Ихалицѣ мой источникъ изъ этого села разсказала, что говорили тамъ въ ея дѣтствѣ и молодости болѣе «протяжно» чѣмъ теперь; а настоящее ея произношеніе, какъ и обыкновенное около Шуйскаго, по этой части вообще не удалялось замѣтно отъ того, что обыкновенно слышится у образованныхъ, т. е. стоящихъ подъ вліяніемъ столицы и высшей школы сѣверныхъ русскихъ. Объ удлиненіи отмѣтимъ, что нормально оно вліяетъ только на *гласную* слога. Для германскаго уха это особенно замѣтно въ примѣрахъ кахъ dom, гдѣ, значитъ, только o, а не m, удлиняется, далѣе «ja jevo bác» (при дракѣ), гдѣ такимъ же образомъ выходитъ произношеніе «bāc», а не, какъ германецъ былъ бы склоненъ, «bac̄», т. е. съ краткимъ a, но удлиненной паузой въ начинающемъ сочетаніе с звукѣ t; [1]) ср. еще kuńíća, гдѣ произношеніе условно можемъ писать «kuńī-ća», а не напр. «kuńít-śa».

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ сами собою даются и слѣдующія существенныя черты для характеристики слоговъ и ударенія. Произношеніе kuńíća показываетъ, что граница слоговъ лежитъ нормально между гласною и слѣдующей согласной, часто даже передъ цѣлымъ согласнымъ сочетаніемъ, т. е. что слоги изслѣдуемаго нарѣчія, какъ пожалуй вообще въ русскомъ, склоня-

1) Если c не только моя описка, вмѣсто ожидаемаго ć, то нужно считать выраженіе заимствованнымъ; на это указываетъ, м. б., и форма мѣстоименія съ je-, ср. Морфологію.

ются вообще къ «открытости» (ср. Sievers, Grundzüge der Phonetik, 5. Ausg. 537)[1]). Въ связи съ этимъ вѣроятно и стоитъ то свойство, что удареніе, также въ слогахъ, которые по самой своей постройкѣ теперь закрыты, нормально всюду такое, какое Сиверсомъ (см. 589 сл., особенно 594 и 598) называется «schwach geschnitten»: гласная слога не кончается рѣзко; а гдѣ слогъ закрывается согласною, послѣдняя не прерываетъ предыдущую гласную, пока эта еще звучитъ съ полною силой (ср. Сиверсъ 591). — Также въ ударяемомъ открытомъ концѣ слова, напр. nogá, гласная выговаривается съ тѣмъ же самымъ удлиненіемъ и постепеннымъ убавленіемъ силы какъ внутри слова, безъ того рѣзкаго перерыва, который называется Сиверсомъ «fester Absatz»[2]); значитъ, и гласная въ концѣ слова слѣдуетъ вообще обыкновенной системѣ говора. Однакожъ, при такомъ положеніи гласной отмѣчена мною *при рѣзкомъ утвержденіи* особенность, которую можно наблюдать нерѣдко, напр., и въ Московскомъ при рѣшительномъ утвержденіи или же нѣсколько отказывающемъ (съ пренебреженіемъ?) отвѣтѣ, а именно, что гласная прерывается рѣзко внезапнымъ замыканіемъ голосовой щели, т. е. получаетъ очень ясный «fester Absatz»: vodå и под.; см. Сиверсъ 393.

Объ интонаціи нужно сказать, что и она не отличается, въ Паньковѣ и окрестныхъ говорахъ, по скольку я слышалъ, замѣтнымъ образомъ отъ той картины, въ которой рисуется мнѣ интонація образованнаго русскаго въ спокойной рѣчи, и о которой находимъ нѣсколько данныхъ—да было бы гораздо больше!—въ «Очеркахъ» Богородицкаго с. 143 сл. Буду довольствоваться парой замѣтокъ. Въ повѣствовательныхъ, а еще болѣе въ вопросительныхъ выраженіяхъ ударяемый слогъ получаетъ обыкно-

1) Не говорю, конечно, о случаяхъ какъ dom и под., гдѣ сама постройка слога исключаетъ открытость его. О слогахъ передъ сочетаніемъ t+ś (ć) ср. въ § 8; о раздѣленіи внутри долгихъ согласныхъ см. § 7. Замѣтка о слогораздѣленіи еще въ § 15.

2) Обыкновенно употребляется повидимому «schwach gehauchter Absatz», ср. Сиверсъ 393.

венно, какъ цѣлость, нѣсколько высшій тонъ чѣмъ окружающіе, а внутри самаго ударяемаго притомъ находимъ ясную склонность къ извѣстному не сильному повышенію тона; число слоговъ слова остается повидимому безъ вліянія на эту черту языка. Въ утвердительныхъ а также въ повелительныхъ выраженіяхъ замѣтна, напротивъ, склонность отдѣлять ударяемый слогъ отъ окружающихъ низшимъ тономъ, какъ обыкновенно въ Россіи; можно, напр., передать «посмотри», posmotŕí, условною картиной

—

Внутри ударяемаго слога въ такомъ случаѣ повидимому нѣтъ повышенія тона, а если есть, такъ оно во всякомъ случаѣ весьма незначительно [1]).

Склонность къ отступленію отъ перваго изъ этихъ правилъ— о высшемъ тонѣ всего ударяемаго слога въ повѣствовательномъ предложеніи—выступаетъ повидимому въ случаяхъ какъ..... nogá, гдѣ главноударяемое слово, съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, стоитъ въ «паузѣ»; въ такомъ случаѣ наблюдаемъ, какъ— по крайней мѣрѣ часто—*предпосльдній* слогъ имѣетъ высшій тонъ, а ударяемый низшій, но такъ, что бо̀льшая его экспираціонная сила сохраняется не отмѣненной.

Прим. Падающій тонъ внутри ударяемаго слога находимъ при слитіи двухъ слоговъ въ одинъ, въ случаяхъ какъ buvā̃t, śiēt при buváat, śiéet, изъ buvájet бываетъ, śiéjet сіяетъ. Здѣсь слышится, по § 10, нисходящее удареніе, сравнимое съ сербскимъ ^, обыкновенно, пожалуй, съ двумя напорами экспираціи («zweigipflig»). А такъ какъ эти формы стоятъ особенно, то не можемъ ихъ безъ оговорки подтянуть подъ нормальную систему ударенія нашего нарѣчія.

1) Въ единичныхъ случаяхъ отмѣченъ даже тонъ падающій; такъ, напр., въ словѣ bok утвердительнаго отвѣта.

Остается упомянуть о движеніи экспираціонной силы внутри ударяемаго слога. Нормально его слѣдуетъ характеризовать, во всякомъ случаѣ въ спокойномъ, повѣствовательномъ выраженіи, какъ decrescendo, убавляющееся; такимъ образомъ, «верхушка» слога («der Silbengipfel», Сиверсъ 577 сл.) находится въ передней части гласной. Между тѣмъ, въ вопросительныхъ или сомнѣвающихся выраженіяхъ распредѣленіе экспираціонной силы повидимому мѣняется; слогъ, такъ кажется, переходитъ въ crescendo, и экспираціонная верхушка слога находится въ конечной части гласной, если не всегда, то во всякомъ случаѣ часто,—явленіе, заслуживающее основательнаго изслѣдованія въ разныхъ мѣстахъ. Лучшій матеріалъ для наблюденій относительно этого вопроса—слоги дифтонгическіе; таковые и навели меня въ описываемомъ говорѣ на слѣдъ упомянутаго явленія, а именно дифтонгическія сочетанія на почвѣ гласной «ô», о которыхъ подробно въ § 5. Напр., мѣстоименіе то, «tôo̯», подъ вопросительнымъ удареніемъ принимало видъ «tô̯o», названіе «Tôťma» или Túoťma» равнымъ образомъ въ выраженіи вопроса или сомнѣнія переходило въ «Tu̯óťma». Изъ приводимаго въ § 5 матеріала выходитъ вообще яркое впечатлѣніе, будто произношеніе decrescendo въ этихъ слогахъ въ повѣствовательныхъ и под. выраженіяхъ, «ôo̯» и под.,—не только обыкновенное явленіе, но правило съ рѣдкими исключеніями; а это согласуется съ только что сказаннымъ о слогахъ съ яснымъ монофтонгомъ. Поэтому я, хотя и не осмѣливаюсь съ имѣющимся матеріаломъ высказаться рѣшительно, однакожъ выдвину какъ возможность, какъ вопросъ, который во время обработки сдѣлалъ самому себѣ: не стояли ли въ сущности *всѣ* тѣ, впрочемъ не многочисленные, «исключенія», въ которыхъ отмѣчено мною обратное распредѣленіе экспираціонной силы (т. е. случаи какъ «na sxô̯ódax», съ crescendo въ ударяемомъ слогѣ), въ выраженіяхъ вопросительнаго (или сомнѣвающагося) характера?

Прим. Послѣ š гласная e лабіализируется, по крайней мѣрѣ въ передней части, ср. § 8; такимъ образомъ выхо-

дитъ случайное дифтонгическое сочетаніе öe. Въ такомъ слогѣ отмѣчено у меня, съ одной стороны «šöę́s» шесть, а съ другой «šöésťego» шестеро. Насколько и это переложеніе верхушки слога можно приписать смыслу того выраженія, въ которомъ стоитъ форма, я не въ состояніи рѣшить.

§ 4. Судьба стараго ѣ; произношеніе гласной «ê». Передъ тѣмъ какъ описать гласную «ê», являющуюся иногда на мѣстѣ ѣ, нужно дать обзоръ судьбы стараго ѣ вообще въ описываемомъ говорѣ.

Послѣ ударяемаго слога на мѣстѣ стараго ѣ всегда находимъ e, обыкновенное открытое (ненапряженное) e, какіе бы звуки ни окружали его. Напр. víďeť, прош. víďeu̯ víďeła; víďeľi; poǵíbeľ; pôsťe послѣ; часто въ мѣст. пад.: v-odnóm-to mísťe (новѣе mêsťe, вѣроятно аналогія изъ другихъ падежей, см. ниже), v bołóťe и др. Заслуживаетъ вниманія, что это e никогда, даже при самомъ медленномъ произношеніи, не переходитъ въ-'ö, -'o; ср. § 13; въ этомъ отражается еще разница отъ e, происходящаго изъ старыхъ e и ь. Отмѣтимъ единичный случай vładímŏr Владиміръ, гдѣ вѣроятно подѣйствовало какое-то вліяніе извнѣ.

Передъ ударяемымъ слогомъ нужно различать положенія передъ твердою и передъ мягкою согласной. Въ первомъ положеніи развитіе ѣ совпадаетъ съ развитіемъ стараго e (объ отношеніи o : ŏ и т. д. ср. § 13). Напр. bŏdá бѣда, bogú, ćołúju̯, ćvotnój, ćvötók, ďováu̯ дѣвалъ, gńózdô гнѣздо, ľosá, ľotá, ńostá, ńomój [1]), pósók, ŕoká, śokú сѣку, прош. жен. р. śokłá сѣкла, źovát. Передъ шипящими наблюдаемъ теперь колебаніе; такъ, при bogú находимъ bežýš, bežáu̯, bežát; но pöškóm пѣшкомъ; при неопр. uježdžát уѣзжать [2]) стоитъ повел. pojoždžáj поѣзжай; сколько здѣсь построено на внутреннемъ развитіи, а сколько на вліяніи извнѣ, разомъ не рѣшишь. Послѣднему за то повидимому не опасно при-

1) Любопытно раздѣленіе значенія по длинной и краткой формѣ: on ńomój= онъ нѣмъ; on ńêm = заикается.

2) О сочетаніи ždž ср. § 8.

писать происхожденіе формъ какъ ďełá ďełám ďełáx при род. ďêł, или какъ ṕeŕeľezáj̯u и др. отъ глагола перелѣзать. — Передъ мягкой согласной ѣ въ слогахъ передъ ударяемымъ развилось въ i; напр. ćiďíť, gńiźďê, ḿińéť мѣнять, (ḿiźíńeć), oďij̯áło, śićóš сѣчешь и другія формы того же глагола, śiḿâná сѣмена, stŕiľéľi стрѣляли. Вниманіе возбуждаетъ повел. b̓eǵí бѣги, въ противоположность къ śiḱí сѣки, къ которому присоединяются другія формы того же глагола: неопр. śikćí и прош. множ. śikľí.

Въ ударяемомъ слогѣ опять нужно различать положенія передъ мягкою и передъ твердою согласной. Въ первомъ случаѣ находимъ правильно i, которому можно привести многочисленные примѣры: xľíb̓eć, ср. xľêp хлѣбъ, f sámom ďíľe; ďíťi, ср. so fśêm ďêtkam; fstŕíća встрѣча, gŕíľi—ср. gŕêu̯ грѣлъ, j̯iś ѣсть—ср. 3. ед. j̯ês, о чемъ ниже, ľiń, ľíźeš лѣзешь, ḿedv́íť, po-ḿíľće мельче, ḿíśeć, ḿísťe, ḿiť мѣдь, ḿíťiť, ńeďíľa, ŕić, Их. ŕíćku рѣчку, śíľi ср. неопр. śiś сѣсть, śíḿö сѣмя, śíńi, мѣст. śíŕe отъ śêra, śiť, śíver (-v́or ср. § 13), stŕíťiu̯ встрѣтилъ, na sv́íťe — ср. им. sv́êt, v́eľíľi, v́íńik, v́íŕiť, ńe v́íŕťe j̯ömú, pov́íśiť, v́íťor v́íj̯öt, zďíś, źv́iŕ. Исключеніе представляетъ ťêń тѣнь, род. ťêńi и т. д., такъ какъ здѣсь не имѣемъ близкой формы, изъ которой можно бы объяснить ê вмѣсто i путемъ аналогіи. Иначе въ ńêtľi нѣтъ ли (хотя t — ясное ť), при которомъ имѣемъ правильное ńêt. Такою же аналогіей можемъ объяснить, что при мѣст. na sv́íťe находимъ na étom ľêťe; ср., напр., им. ľêto. А такимъ же путемъ, можетъ быть, и естественнѣе объясняется ê въ мѣст. f kľêtḱe въ клѣткѣ, гдѣ, впрочемъ, развитіе можно понимать и другимъ образомъ [1]). Ср. далѣе им. мн. sńêǵi, гдѣ, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, слогъ собственно твердый.—Стоитъ еще упомянуть, что при uḿí[j̯]öš умѣешь отмѣчено и ńe uḿéeš, форма, которая, вѣроятно, заимствована изъ образованнаго или школьнаго произношенія и потомъ подпала подъ законы говора (о пропажѣ j̯ см. § 10). А наконецъ нужно отмѣтить окончаніе сравнительной сте-

1) А именно—t твердое? Ср. § 12.

пени, напр., žyv́éje (медленно -jŏ, см. § 13), skoŕé[j]e, окончаніе, для объясненія котораго изслѣдователь долженъ предположить вторженіе какимъ нибудь образомъ, со стороны, другой гласной на мѣсто ѣ, хотя и не вижу откуда и какъ. Ср. въ Морфологіи, § 19.

Передъ твердою согласной, ѣ ударяемаго слога развилось въ «ê»; считаю удобнымъ привести сперва собранные примѣры, чтобы потомъ перейти къ произношенію самой гласной. Находимъ ê въ многочисленныхъ формахъ мѣст. ед. ч., напр. ćaŕê; ср. къ тому gd'ê гдѣ (слышанное одинъ разъ gd'é безсомнѣнно изъ образованнаго языка). Далѣе въ извѣстныхъ мѣстоименныхъ формахъ: mńê (новѣе mńe, ср. § 16), ťebê, ońê, śśê. Ср. числительное dv́ê. Крупная категорія съ ê встрѣчается въ глаголахъ на -ѣть, напр. ovdov́ęu овдовѣлъ, śid'ęła, xoťęu. Наконецъ, отмѣтимъ ѣ въ коренныхъ слогахъ: bęłoj bęłka бѣлка ćęłoj xŕęf xŕęp dęduško (но ср. d'éd'a дядя) dęfka (Их. dífka) d'ęło gńęv gŕęx oto-gŕęu, gŕęła и т. д.; jęs ѣсть, ср. неопр. jiś (о формахъ слова впрочемъ ниже) и obęt обѣдъ obędaťi; kŕętka kŕęsla ŕęs ŕęto ṕeŕe-ŕęs лѣзъ mńędnoj mńęłko, mńęłka (мелко,-ка) mńęra mńęsto mńęu мѣлъ—теперь чаще mńęŕ, ср. § 9 и § 16—ńęm (ср. выше) ńęt nev́ęska невѣстка pro-ṕęta пропѣта ŕępa ŕętkoj (ср. Их. ŕítko) ŕęzaťi śęno śęu жен. śęła, cęlъ, śęra śęroj sŕęp sḿęu, жен. sḿęła, sńęk, мн. sńęgi ср. выше, po-sṕęu sv́ęt ťęło ťęsto v́ęk v́ęko v́ękša vęs so-zŕęła zv́ęzdy род. zv́ęs, звѣзды. Внѣ перваго слога слова, какъ въ приведенномъ ńevęska, можно отмѣтить еще ćoŕov́ęk, poŕęno, sv́iŕęroj, ťeŕęga, žoŕęzo. Отдѣльно стоятъ kańf'ęty конфекты и mańęta, -ętka, монета.

Кромѣ названныхъ изъ Ихалицы формъ díſka, ŕítko неправильное развитіе ѣ въ i находимъ въ Паньковѣ въ словѣ nadíŕ. Уже -ŕ вмѣсто ожидаемаго -u (см. § 16) возбуждаетъ здѣсь вопросъ, стоимъ ли передъ результатомъ развитія въ самомъ говорѣ. Въ такомъ случаѣ нужно вѣроятно, какъ и въ первыхъ двухъ примѣрахъ, искать объясненія въ аналогіи по формамъ, гдѣ ѣ попадало въ «мягкій» слогъ.—Извѣстное изъ литературнаго рус-

скаго развитіе находимъ въ множ. числѣ слова gńózdô гнѣздо: gńózda; иначе въ zv́êzdy, zv́ês, ср. выше.

Подъ вліяніемъ столичнаго или вообще чуждаго произношенія является на мѣстѣ стараго, ударяемаго ѣ иногда и открытое е; ср. выше gďe, mńe; далѣе, при xľêp слышно было и xľep, при poob̓êdať и poobédať, которое теперь даже какъ будто звучало болѣе «домашнимъ»; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ моихъ источниковъ высказалъ, что произношеніе «-b̓ê- слышится только по направленію къ Владиміру». Въ мѣст. ед. ч. отмѣченъ примѣръ «v-odnój̯ šołuch́é»; при ďêło ďéło; а въ выраженіи «Box v́es», Богъ вѣсть, видимъ открытое е на мѣстѣ, гдѣ по развитію самого говора ожидается і. Изъ той же самой «церковной» сферы, изъ которой идетъ послѣднее выраженіе, вышло конечно и такое слово какъ dŕévnoj̯, деревянный. Указывая на эти разные случаи склоняюсь объяснить заимствованіемъ извнѣ, когда въ парѣ корней со старымъ ѣ отмѣчено мною всюду и только е, а не ê : і. Такъ, напр., ćep, множ. ćéṕi, цѣпь, и ŕézvoj̯ рѣзвый; ср. еще и rotoźéj̯?

Инымъ образомъ, а именно въ связи съ явленіями въ произношеніи ê, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь, нужно напротивъ повидимому объяснить колебаніе между ê и е, наблюдаемое въ положеніи послѣ j̯. Такъ, отъ глагола ѣсть отмѣчено j̯êu̯ j̯êła (множ. j̯íľi), 3. ед. наст. j̯ês (ср. выше), а при томъ, повидимому рѣже, j̯es; въ 1. ед. ч. наст. вр. j̯êm, но во 2. л. j̯eš; въ повел. опять j̯êš (-ťe); нѣсколько разъ я колебался, писать ли ê или е. Такимъ же образомъ отъ ѣхать отмѣчено j̯êxať, doj̯êxať, но j̯éxau̯, наст. j̯édu; ср. 1. ед. ч. наст. вр. j̯éždžu, въ которомъ колебался, писать ли е или ê [1]).

— Являющееся въ этихъ случаяхъ колебаніе между ê и е объясняется, какъ уже сказано, по всей вѣроятности изъ особыхъ чертъ въ *произношеніи* гласной ê, къ которому поэтому и перейду. О самомъ знакѣ ê, избранномъ мною какъ общее обозначеніе раз-

1) Когда 3. множ. ч. этого глагола имѣетъ форму j̯êźďat, то это вѣроятно аналогія, упоминаемая уже выше; ср. соотвѣтствующія обыкновенному правилу 3. ед. j̯izďit, пов. ńe j̯izďi.

ныхъ оттѣнковъ единаго съ исторической точки зрѣнія звука, припоминаю изъ ранѣе появившихся работъ, что имъ пользовались для обозначенія напряженнаго e (ср. Sweet: mid-front-narrow; Sievers: palatal-mittel-gespannt). Такая гласная артикуляція вообще и образуетъ, повидимому, «ядро» описываемыхъ слоговъ нашего говора; можно сейчасъ же прибавить, что это ê отличается особенно узкою, а потому и переднею артикуляціей, такъ что звукъ приближается сильно къ группѣ i (ср. Сиверсъ, 5. изд., 250 и 251), а степень напряженія безъ сомнѣнія сильнѣе обыкновенной для гласныхъ говора.

Какъ сказано, упомянутая артикуляція «ê» правильно составляетъ ядро описываемыхъ слоговъ. И не трудно было подмѣтить случаи, и въ скорѣйшей и въ болѣе медленной рѣчи, въ которыхъ гласную слога слѣдовало опредѣлить, съ одного конца до другого, какъ такую, относительно однообразную артикуляцію. Но безусловно чаще замѣчалось, какъ говору какъ будто было трудно удержать однообразную артикуляцію; гласная масса слога тогда превращалась въ рядъ переходящихъ другъ въ друга оттѣнковъ, въ родѣ болѣе или менѣе яснаго дифтонга, о которомъ можно было установить лишь то, что болѣе узкая его часть—передняя, болѣе открытая—послѣдняя, никогда не наоборотъ; а какую часть считать «слоговою», какую «неслоговою» или же только слабымъ переходящимъ звукомъ, это можно было обыкновенно установить для отдѣльнаго случая или извѣстныхъ группъ, но оказалось невозможнымъ подвести всѣ эти случаи подъ общее правило. Перейдемъ къ разсмотрѣнію матеріала.

Твердую норму для произношенія «ê» говоръ имѣетъ въ открытомъ концѣ слова. Первая, слоговая часть слога здѣсь—ê, къ которому присоединяется неслоговая гласная, которую нужно опредѣлить какъ ненапряженное, обыкновенное e описываемаго говора. Значитъ, точная транскрипція здѣсь дала бы «mńêe̯», «ťeb̓êe̯», «gńizd̓êe̯», «f-kotl̓êe̯», «v-noćêe̯» (въ ночи), «na-łošad̓êe̯», «fśêe̯», «gdêe̯» и т. д. Болѣе открытая, неслоговая часть нерѣдко, а пожалуй и чаще всего редуцируется такъ сильно, что звучитъ

лишь какъ умирающій переходный элементъ (Gleitlaut); а произношеніе совершенно безъ этого элемента и дающее такимъ образомъ возможность говорить о чистомъ -ê («mńê», «gńizdʹê») не только было рѣдкостью, а оставляло при томъ впечатлѣніе, будто оно «искусственно». — Конечное старое -ѣ съ другими гласными оттѣнками отмѣчено лишь въ двухъ единичныхъ случаяхъ, а именно одинъ разъ «ońię» и одинъ разъ «ćebię»; такъ какъ случаи отмѣчены при началѣ моихъ наблюденій и стоятъ особнякомъ между многочисленными вышеназваннаго типа, то не осмѣливаюсь придать имъ особеннаго вѣсу.

Внутри слова, все равно въ открытомъ ли или закрытомъ слогѣ, тѣ же самыя произношенія, какъ въ открытомъ концѣ, т. е. или (рѣже) какъ гласная, сохраняющая характеръ узкаго ê до своего конца, или же какъ ê, сопровождаемое неслоговымъ открытымъ ę, отмѣчены неоднократно. Напр. «xʹêp», «mêsto», «xoćêu»; «vêęk» вѣкъ, «ńevêęska» невѣстка, «poʹêęno», «pospêęła». Но судя по имѣющимся многочисленнымъ примѣрамъ, въ такомъ положеніи изъ передней части гласной обыкновеннѣе развивается i, между тѣмъ какъ послѣдняя часть выступаетъ то скорѣе какъ узкое ê, то скорѣе какъ e. Получается, такимъ образомъ, сочетаніе i͡ê или i͡e (i͡ee), а правила для распредѣленія этихъ типовъ не удалось мнѣ найти. При попыткѣ возстановить для этихъ сочетаній переходящихъ другъ въ друга оттѣнковъ, гдѣ слоговая, а гдѣ неслоговая часть, т. е., слѣдуетъ ли предпочитать обозначеніе ię (i͡ê) или же i̯e (i̯ê), наблюдатель опять остался безъ возможности окончательнаго для всѣхъ случаевъ рѣшенія. Есть однако одна главная черта, которая бросается въ глаза при пересмотрѣ собранныхъ примѣровъ. Именно, гдѣ слоговою частью слѣдовало считать гласную e, она выступала вообще какъ ê (т. е. «i̯ê»); а гдѣ ядромъ слога выступало i, тамъ слѣдующій неслоговой элементъ являлся вообще въ видѣ *открытаго* e (т. е. «ię»). Ср., въ точной транскрипціи: «vʹi̯ês» вѣсъ, «žoʹi̯êzo», «otogrʹi̯êła» отогрѣла, «ćʹi̯êsto», «krʹi̯êsła», «xʹi̯êp», «ʹi̯ês», «ʹi̯êsu», «ʹi̯êsom», «dʹi̯êło», «zvʹi̯êzdy» род. «zvʹi̯ês» (а въ открытомъ концѣ еще «odńi̯ê» однѣ)— съ дру-

гой стороны «v́i̯ęk» вѣкъ, «xľi̯ęp», «ńi̯ęt», «ṕeŕeľí̯ęs» перелѣзъ, «ťeľí̯ęga», «žoľí̯ęzo», «xoťí̯ęu̯»[1]) хотѣлъ, «ovdov́í̯ęu̯[1]) овдовѣлъ. Случаи съ другимъ распредѣленіемъ гласныхъ оттѣнковъ («ťí̯ê̯ło», «proṕí̯ê̯ta», и обратно «ćolov́i̯ék») рѣдки и приведены у меня подъ колебаніемъ. Я не отмѣтилъ, чтобы Ихалицкій говоръ отличался въ этой мѣнѣ отъ Паньковскаго.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, два главныхъ типа («i̯ê»: «í̯ę») встрѣчаются также въ одной и той же формѣ того же слова. Этимъ освѣщается ясно, какъ мы въ старомъ ѣ стоимъ передъ начатой, но еще не оконченной перемѣной произношенія, передъ слѣдами распаденія, которое не дало еще явныхъ, окончательныхъ результатовъ.

Я думаю, что для пониманія физіологической подкладки не отстоеннаго еще развитія, нужно обратить вниманіе на упомянутую въ § 12 особенность въ палатализаціонныхъ явленіяхъ говора; онъ какъ будто имѣетъ двѣ степени палатализаціи, одну особую именно въ слогахъ со старымъ, ударяемымъ ѣ. Объясненіе этого лежитъ вѣроятно въ томъ, что упомянутая выше, особенная для гласной ê узкость и напряженность, приближающія гласную сильно къ гласнымъ i, дѣйствуетъ на цѣлый слогъ, передается такимъ образомъ и предшествующимъ согласнымъ. Эти согласныя получаютъ такимъ путемъ степень палатализаціи, которую можно назвать «i'евою» (ср. въ § 12), т. е. при ихъ артикуляціи передняя часть спинки языка занимаетъ — болѣе или менѣе совершеннымъ образомъ, ср. тамъ же — положеніе гласной i; а вслѣдствіе этого, когда органы открываются къ слѣдующему e, хотя бы это было очень узко, легко развивается переходная гласная, принимающая естественнымъ образомъ видъ i; ср. къ этому образъ написанія формъ какъ «ľi̯ês», «v́i̯ês» и под. Что такой переходный звукъ развивается и передъ ê открытаго конца слова, показываетъ примѣръ какъ «žöńi̯êę», женѣ.

---

1) Въ этихъ сочетаніяхъ, передъ u̯, e становилось такъ слабымъ, что наблюдатель склонялся писать просто -íu̯.

Пока ê сохраняетъ довольно однородный характеръ до своего конца, упомянутый переходный звукъ отъ предшествующей палатальной согласной сохраняетъ повидимому, судя по собраннымъ примѣрамъ, вообще характеръ именно «переходной» гласной, т. е. остается неслоговою частью. А вотъ присоединяется то явленіе, которое особенно ясно наблюдается въ открытомъ концѣ слова, что ê склонно развивать въ послѣдней своей части болѣе открытый, ненапряженный оттѣнокъ (ср. «-ę̂»). Этотъ открытый оттѣнокъ не прибавляется, конечно, какъ удлиняющій элементъ, а, какъ сказать, выпарывается изъ имѣющейся гласной массы; такимъ образомъ закрытый элементъ ê сокращается, и въ отношеніи къ окружающимъ гласнымъ оттѣнкамъ становится слабѣе,— перестаетъ быть безусловно доминирующимъ элементомъ слога. Гласная масса этого переходитъ въ сочетаніе, которое можно написать «i͡ê», припоминая, что рѣчь не идетъ объ отдѣльныхъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга гласныхъ, а — по законамъ о связываніи звуковъ — о безконечномъ рядѣ гласныхъ оттѣнковъ, переходящихъ безъ разграниченій другъ въ друга, о массѣ, внутри которой только новые моменты вродѣ отношеній экспираціонныхъ, тонныхъ и количественныхъ, у говорящаго и для слушающаго производятъ группировку въ новыя звуковыя картины.

Припоминая далѣе изъ § 3 обыкновенное произношеніе ударяемыхъ слоговъ говора какъ «decrescendo», такъ что сильнѣйшая, самая вѣская часть слога лежитъ въ первой части его гласной, между тѣмъ какъ экспираціонная сила потомъ убавляется, не затрудняемся въ заключеніи, что именно это свойство вызываетъ типъ «ię»; ослабленный уже элементъ ê тогда, можно сказать, распредѣляется на окружающіе съ обѣихъ сторонъ гласные оттѣнки; или лучше вѣроятно выразимся такъ, что элементъ ê тогда поглощается или соединяется съ предшествующимъ, собственно только переходнымъ звукомъ i, къ которому ê по природѣ близко (ср. выше) — иногда даже такъ близко, что я насчетъ выше приведенныхъ примѣровъ «ńeźêę̨ska»,

«vêe̯k» колебался сначала, не имѣемъ ли здѣсь собственно «-ie̯» [1]).

Такимъ слитіемъ элементовъ i и ê гласной массы слога, послѣдняя ея часть, болѣе открытые оттѣнки e, выступаютъ яснѣе какъ самостоятельная, хотя и неслоговая гласная; когда она въ парѣ случаевъ, приведенныхъ выше, понята мною какъ ê, то я, въ связи съ даннымъ объясненіемъ описываемыхъ здѣсь явленій, склоняюсь считать это ослышкой, находящей свое извиненіе въ упомянутой въ § 2 склонности придавать неударяемому ненапряженному e нѣсколько болѣе закрытый оттѣнокъ.

Въ связи съ описаннымъ распаденіемъ гласной массы, явившейся на мѣстѣ стараго ѣ, я и думаю, что слѣдуетъ объяснять упоминаемые выше случаи, гдѣ, послѣ i̯- въ началѣ слова, на мѣстѣ ѣ повидимому имѣемъ e, чередующееся съ ê; ср. i̯ês—i̯es, i̯êxaŕ — i̯éxau̯ и под. Именно, изъ этихъ явленій ищу до извѣстной степени подтвержденія моего мнѣнія насчетъ образа распаденія стараго ѣ; нужно только припомнить особенныя условія, подъ которыми стоитъ здѣсь ѣ; i̯- не то же самое, что переходный звукъ «i̯» послѣ палат. согласной; изъ предполагаемаго, по даннымъ выше соображеніямъ и примѣрамъ, типа *i̯ie̯-, напр, *«i̯ie̯s», весьма легко объяснить развитіе существующаго i̯e-, напр. i̯es; ср. Сиверсъ, 5-е изд., 412 и 413, особенно сказанное тамъ о «Schallfülle».

Граница между двумя гласными элементами связей, переданныхъ мною какъ ie̯, и въ концѣ слова êe̯, можетъ выступать для слуха болѣе или менѣе ясно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ она была яснѣе, у меня являлся вопросъ, не стою ли я передъ развитіемъ того рода ударенія, который нѣмцы называютъ «zweigipflig», т. е. не имѣемъ ли послѣ главнаго экспираціоннаго напора перваго, болѣе закрытаго гласнаго элемента, экспираціонный минимумъ на границѣ двухъ гласныхъ, а потомъ новый, слабѣйшій

---

1) Ср. къ этому еще и отмѣченные отдѣльные случаи съ -i̯e̯ въ концѣ слова, приведенные выше.

напоръ во второмъ, болѣе открытомъ гласномъ элементѣ слога? Что такого рода циркумфлексъ существуетъ въ говорѣ, упоминается въ § 10 по поводу слитія двухъ а въ одинъ слогъ; но имѣемъ ли право подтвердить произрастаніе подобнаго явленія и въ упоминаемыхъ здѣсь слогахъ, не осмѣливаюсь рѣшить; при слогахъ съ однородной гласной, какъ описанное въ § 10 ā, наблюдатель имѣетъ сравнительно легкую задачу; а гдѣ рѣчь идетъ о двухъ гласныхъ оттѣнкахъ въ одномъ слогѣ, оттѣнкахъ къ тому близкихъ другъ къ другу какъ і и ê, ê и е, тамъ наблюдатель по моему опыту сильно подверженъ возможности ошибаться насчетъ вопроса объ одно-напорномъ или двухъ-напорномъ удареніи; вотъ, по моему, точка, гдѣ практическіе регистрирующіе приборы могли бы принести большую пользу. Однакожъ, хотя и не могу дать опредѣленнаго, положительнаго результата, но считаю правильнымъ отмѣтить, какъ извѣстныя наблюденія при этихъ слогахъ невольно вели ухо и мысль въ извѣстное направленіе; врядъ ли нужно прибавить, что именно этимъ путемъ слѣдуетъ вѣроятно объяснить себѣ возможность дальнѣйшаго и окончательнаго развитія стараго ѣ въ два самостоятельныхъ *слога*, что наблюдаемъ въ другихъ мѣстахъ славянскаго міра.

Слѣдуетъ еще отвѣтить на вопросъ, который вѣроятно появится: избралъ ли я правильную точку зрѣнія, исходя изъ «ê» и объясняя сочаніе i͡e развитымъ изъ него? Не правильнѣе ли считать сочетаніе вродѣ послѣдняго *старшимъ*, и, такимъ образомъ, перевернуть порядокъ предложенной мною выше цѣпи развитія? Палатализація предшествующей согласной, напримѣръ, въ такомъ случаѣ выступаетъ не какъ исходная точка для распаденія (распарыванія) ê, а скорѣе какъ окончательное «всасываніе» первой части старшаго сочетанія i͡e въ согласную.

По поводу этого замѣчу, что если исходить изъ сочетанія i͡e съ *открытымъ* (ненапряженнымъ) оттѣнкомъ е, тогда не вижу, какъ объяснить происхожденіе закрытости ê, существующей и по нынѣ. Если же предположить сочетаніе i͡e съ «закрытымъ», напряженнымъ оттѣнкомъ е, тогда имѣемъ по моему возможность

объяснить отмѣченныя явленія произношенія. Къ такому пути объясненія и привлекаютъ извѣстныя черты этого произношенія; такъ, столь различныя ступени развитія звука і въ началѣ гласной массы, въ нынѣшнемъ ея видѣ, указываютъ пожалуй на «остатки исчезающаго і», могущіе объяснять существующую передъ старымъ ѣ особую палатализацію. Но объясненіе этой послѣдней можно, какъ мы видѣли, найти и другимъ вполнѣ естественнымъ путемъ. А хотя бы избрали мы, какъ *старшую* исходную точку, сочетаніе i͡ e (т. е. «i͡ê»), но для пониманія явленій *описываемаго говора* по моему въ такомъ случаѣ лучше отправиться не прямо оттуда, а отъ точки, являющейся уже вторымъ звеномъ предполагаемой тогда цѣпи развитія: напряженное ê съ сильно развитой предшествующей палатализаціей и переходнымъ звукомъ, «j», между согласною и гласною «ê»; такимъ путемъ переходимъ опять въ тотъ же самый рядъ заключеній, который изложенъ выше.

Вѣскую подпору въ правильности этого ряда имѣемъ въ замѣчательномъ сходствѣ описанныхъ здѣсь явленій съ тѣмъ, что наблюдается при другой напряженной гласной средней высоты описываемаго говора: ô; о ней въ слѣдующемъ параграфѣ. Такая параллельность указываетъ, конечно, на общіе звуковые принципы для развитія въ томъ и въ другомъ случаѣ.

§ 5. Отношеніе гласныхъ о и ô; произношеніе послѣдняго. Передъ тѣмъ какъ описать своеобразную гласную «ô», стоящую иногда на мѣстѣ обыкновеннаго о образованнаго русскаго языка, умѣстно будетъ составить обзоръ той рамки, внутри которой существуетъ ô, и по которой судимъ объ исторической основѣ гласной. Прибавлю сейчасъ, какъ общее замѣчаніе, что гдѣ другого не отмѣчено, тамъ знаю только одну и ту же форму для Панькова и для Ихалицы.

Особаго вниманія заслуживаютъ прежде всего, какъ уже затронуто въ предварительномъ отчетѣ, найденные случаи мѣны (всегда ударяемаго) ô съ о. Они немногочисленны. Отъ nogá нога

отмѣтимъ множ. ч. nógi съ род. nôk; ср. далѣе уменьшительное nôška; отъ kosá (для косьбы) множ. kósy съ род. kôs; góry : gôr («kaby gôr ńé-było»); kozá мн. kózy : kôs (Их. впрочемъ kos). Такъ и въ нѣсколькихъ словахъ сред. рода: słóvo—род. мн. słôf; póľö поле—род. мн. частью poľéį, частью pôľ; móŕo море—môŕ. Съ отношеніемъ nogá : nôška сравнивается vodá : vôtka; troję : trôįka; можетъ быть, сюда идетъ и vdôfka вдовка. Здѣсь, однакожъ, почва не надежна, такъ какъ формъ того же корня съ ó случайно не отмѣчено; то же самое нужно сказать о porá пора, гдѣ род. мн. «s-têch pôr» какъ будто указываетъ на альтернацію, какъ въ примѣрахъ выше; Их. въ этомъ словѣ знаетъ только o, род. por, ср. выше слово kozá. Возможность наслѣдованной изъ старины альтернаціи не исключена при Их. sxôt сходъ: na sxóďe; но сравненіе со всѣмъ рядомъ случаевъ этой категоріи, см. ниже, дѣлаетъ здѣсь болѣе вѣроятнымъ, что ó появилось въ этомъ случаѣ позже на мѣстѣ старшаго, хотя и не первоначальнаго ô; ср. о вм. (первоначальнаго) ô въ вышеназванныхъ формахъ kos, por. Несомнѣнный случай альтернаціи за то, пожалуй, имѣемъ въ môį мой: po móįömu (Их. -įemu, см. § 13). Изъ Панькова отмѣчено еще съ одной стороны xôš хошь, съ другой xoť хоть, xóćöš хочешь и т. д.; а эта мѣна не имѣетъ, какъ видимъ, цѣны какъ дѣйствительная альтернація въ родѣ выше названныхъ.

Исключая эти очень немногочисленные случаи, находимъ теперь, какъ уже вкратцѣ сообщалось въ предварительномъ отчетѣ, одну изъ двухъ гласныхъ, или ô, или ó, проведенной безъ альтернаціи во всѣхъ формахъ тѣхъ примѣровъ, въ которыхъ мы могли бы, по этимологическимъ и звуковымъ соображеніямъ, ждать мѣны одной съ другой. Имѣемъ, такимъ образомъ, не только dôp добръ, но даже dôbroį, dôbraįa и т. д.; не только odťin potkôf, но и dva potkôva; не только róga, но и rok рогъ, въ противоположность, напр., къ kôń мн. kôńi, конь. Зависитъ, повидимому, отъ «прихоти», осталась ли форма съ ô или съ ó; иначе трудно судить, когда видимъ при pó-prostu, póťer померъ, póvot поводъ мн. povód'įa, póxorony—pôgŕôp погребъ, pômĺiť помнить, pôsĺe послѣ,

или когда при xoť ходъ стоитъ въ сочетаніяхъ -xôť: sxôdy, na sxôdach, pŕixôť, f pŕixôďe (объ особенномъ развитіи этого слова въ Ихалицѣ см. выше). Но, конечно, имѣемъ ли мы право говорить о «прихотяхъ», этого не можемъ рѣшить, пока не разъяснится окончательно все явленіе въ историческомъ отношеніи; а до полной ясности въ этомъ отношеніи единичное нарѣчіе не позволяетъ дойти; относительно этой стороны явленія нужно здѣсь довольствоваться указаніемъ, на какое именно направленіе указываютъ имѣющіеся факты.

Передъ тѣмъ какъ группировать найденные случаи съ ô, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что рамка существованія ô узка. Въ неударяемомъ слогѣ ô вовсе не встрѣчается, почему и въ словахъ съ ô не требуется знака ударенія. Далѣе, повидимому, ô не могло развиваться изъ 'o, явившагося намѣсто старшаго e въ извѣстныхъ положеніяхъ; слѣдовательно, не встрѣчаемъ «законнаго» ô послѣ палатальной согласной. Немногочисленные случаи, въ которыхъ можно теперь наблюдать ô въ такомъ положеніи (напр., мѣст. муж. śśôm всемъ, мѣст. женск. moj̓ôj̓ и другіе, единичные случаи), стоятъ, какъ увидимъ потомъ, въ такой тѣсной связи съ ясными категоріями флексійныхъ формъ, что аналогичное введеніе ô на мѣсто законнаго o представляется единственнымъ естественнымъ объясненіемъ; а въ другихъ случаяхъ, гдѣ не имѣемъ такой, сильно дѣйствующей флексійной аналогіи, ô послѣ палат. согласной не найдено; видимъ, напр., только формы какъ ḿoť медъ, ćeĺá пчела: мн. ćóĺy род. ćoĺ, śoĺô село: мн. śóĺa род. śoĺ и т. д.; при мѣст. o kôm, o комъ, стоитъ o ćom, o чемъ, такъ что, видимо, и въ флексійныхъ окончаніяхъ собственное отношеніе сохраняется вообще правильно. Наконецъ отмѣтимъ, что также затронуто въ предварительномъ отчетѣ: o изъ стараго ъ не подлежало, повидимому, развитію въ ô. Находимъ, такимъ образомъ, только roť ротъ, ĺop лобъ, roŕ ровъ, son сонъ, stoųp столбъ, mox мохъ, doš дождь; doć дочь, brof бровь мн. bróv́i; род. мн. drof дровъ; nokoť мн. nokóťja, Их. nogoť nogóťja; snoxá мн. snoxí: род. snox,

и т. д. Можно далѣе указать на падежныя формы какъ им. ед. муж. прилагательныхъ: ńȯmói̯ zł́oi̯ kosói̯ xudói̯ и др. (но род. дат. мѣст. ед. жен. -ôi̯); твор. ед. существительныхъ: gńozdóm stoł́óm ćeŕedóm и др. (но мѣст. ед. прилагательныхъ на -ôm). Тѣ случаи, гдѣ ô является въ слогѣ со старымъ ъ, весьма немногочисленны. Изъ коренныхъ словъ не могу указать примѣровъ; развѣ, можетъ быть, rôchł́oi̯ рыхлый, гдѣ, между тѣмъ, ни великорусская ни малорусская форма не указываютъ на ъ (см. Миклошичъ, Et. Wörterb., ruch-). Можно зато указать на нѣсколько случаевъ изъ старой ū'оваго склоненія; находимъ съ одной стороны только krof кровь; а съ другой, при Паньк. morkóf морковь, sv́okróf тамъ же ľubôf ľubôv́i, а въ Их. проведенное -ôf: ľubôf, morkôf, sv́okrôf, хотя и здѣсь съ слѣдами колебанія, такъ какъ род. пад. послѣдняго слова отмѣченъ какъ «u sv́ekróv́i». Относительно этой маленькой категоріи съ ея сильно колеблющимися формами, невольно склоняемся считаться съ какимъ нибудь аналогичнымъ введеніемъ ô на мѣсто законно ожидаемаго о; выставлю какъ возможность, что виновно въ вытѣсненіи законнаго о самое звуковое сочетаніе ó + f, такъ какъ это сочетаніе въ другихъ случаяхъ постоянно является, а тамъ вполнѣ законно, въ видѣ ôf; ср. род. мн. на -ôf и формы прилагательнаго вродѣ P'otrôf. Это, впрочемъ, пока только бѣглое предположеніе. О нѣсколькихъ случаяхъ, наконецъ, съ ô въ словообразовательномъ суффиксѣ -ъкъ будемъ говорить потомъ.

Упоминаемая только что особенность, что ô правильно развилось только изъ первоначальнаго о, а не изъ стараго ъ, сопоставленная съ выше названными, теперь малочисленными случаями альтернаціи ô : ó, естественно наводитъ на мысль—искать основанія для развитія ô въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя вызвали въ малорусскомъ мѣну о : ō; послѣдній условный знакъ всѣмъ понятенъ. Если же отправимся отъ этого естественнаго предположенія при группировкѣ найденныхъ случаевъ съ ô, то скоро увидимъ, что происхожденія ô невозможно объяснить только съ этой точки зрѣнія; ô имѣется и въ такихъ положеніяхъ, гдѣ оно

вызвано, должно быть, другими условіями, — какими именно, это мнѣ еще не ясно. Придерживаясь ясной параллельности съ Малорусскимъ, распредѣляю въ слѣдующемъ имѣющіеся случаи такъ, что подъ I собираются примѣры, ô которыхъ объясняется, прямо или косвенно (апалогіей), съ вѣроятностью или же безъ особой трудности происхожденіемъ въ теперь «закрытомъ» слогѣ; подъ II можно привести случаи, для которыхъ невозможно, или же не такъ просто приложить это объясненіе; подъ III собираю категорію съ «полногласіемъ», такъ какъ эти слова представляютъ извѣстный особенный интересъ.

I. Начнемъ съ коренныхъ слоговъ словъ мужскаго рода; исходная точка ô здѣсь лежитъ въ им. ед. ч., если имѣемъ право придерживаться «малорусскаго» правила.

xvôs хвостъ. kôt котъ. kôń, мн. kôńi; ср. прилагательное kôn'eį конній. kôł (о -ł см. § 9). krôt кротъ. nôš ножъ, съ уменьшительнымъ nôžyk. rôį рой, Их. впрочемъ roį. samałôf самоловъ, ср. łôvl'a. śönokôs сѣнокосъ, ср. «na śönokôśe». stôų столъ. pôp. zgôn сгонъ. ṕeŕevôs, na ṕeŕevôźe. ṕeŕebôr. ṕeŕevôt переводъ. nałôk налогъ. napôį. narôt родъ. narôdu. zastôį (ср. повелит. stôį стой). zavôt, na zavôd'e, мн. zavôdy; ср. прилаг. zavôtskoį. potkôf. rozgovôry (отмѣчено только множ. число). — mozôł'. topôr. ṕirôk. Их. sapôk[1]). Ср. еще въ «закрытыхъ» слогахъ внутри слова: pokôįńićok; oftôŕńik вторникъ. — *bôbr или *bôp (боберъ, ср. dôp добръ) не найдено; ср. уменьшит. bôbŕik; Их. здѣсь имѣла bóbŕik, а и въ Паньковѣ произношеніе повидимому колебалось. — Въ этой группѣ можемъ еще безъ трудности помѣстить рядъ сочетаній слова «ходъ»: pŕixôt, ср. f pŕixôd'e, zaxôt, vosxôt, между тѣмъ какъ простое ходъ отмѣчено только какъ xot; ср. далѣе sxôt sxôdy, na sxôdax (но Их. na sxód'e, ср. выше) и даже весьма новое pagoxôt, pagoxôda. Мой матеріалъ не содержитъ другихъ примѣровъ такой мѣны при переходѣ отъ

1) Здѣсь впрочемъ произношеніе оставило меня въ колебаніи, имѣемъ ли о или ô; также въ Их. got, dvor; объясненіе вѣроятно въ самомъ произношеніи ô, ср. ниже.

несложнаго слова къ сложному. — Прибавимъ еще въ этой группѣ словъ чужое prokurôn прокуроръ и имя Ontôn.

Подъ описываемую здѣсь категорію можемъ еще подвести нѣсколько мѣстоименныхъ формъ: môi̯ (ср. выше), tvôi̯, svôi̯; tôt тотъ. Далѣе краткій им. падежъ муж. рода причастій и прилагательныхъ: ńe môk могъ, rôs росъ (рости); P'otrôf Петровъ, ср. P'otrôvna, dôp добръ — а отсюда ô, можетъ быть, проведено и по всѣмъ прочимъ формамъ прилагательнаго, гдѣ коренной слогъ имѣетъ удареніе: dôbroi̯ и т. д. — šyrôk, ср. выше głybôk, surôf (suróvoi̯ суровый), gotôf gotôva, gôu̯ голъ; изъ этой же краткой формы, хотя бы и не была она отмѣчена у меня, вѣроятно можемъ объяснить еще ô въ xvôroi̯ хворый, tołkôvoi̯; а можетъ быть и въ vnôgo много?

Въ коренныхъ слогахъ съ первоначальнымъ ъ я нашелъ, какъ выше сказано, исключительно о. Но и тамъ, гдѣ имѣемъ дѣло со старымъ о, не трудно приводить примѣры съ открытымъ о: got годъ. nos. pou̯ (полъ; здѣсь впрочемъ колебался, не имѣемъ ли ô; ср. § 14?). dom. grom. bok. bop бобъ. bor. boi̯. brot бродъ. rot, род. ródu, родъ. mosk, мозгъ, мн. mozgí. rok róga, рогъ. vosk. Их. łoi̯. Паньк. mor. grop гробъ. goś гость. gvoś гвоздь. Ср. далѣе краткія формы прилагательныхъ какъ płox, сред. płóxo; strok строгъ; bos (bosói̯ босой), и др. Повидимому, такимъ образомъ, распредѣленіе о и ô зависѣло не отъ какихъ другихъ правилъ, какъ «прихоти», т. е. отъ той силы, съ которою случайное пользованіе въ рѣчи позволяло тому или другому оттѣнку выступать въ сознаніи говорящихъ. Это еще и подтверждается такими случаями колебанія, какіе видны, напр., при словѣ chot, какъ и изъ слѣдующихъ категорій.

Въ односложныхъ основахъ i'оваго или согласнаго склоненія ô повидимому вовсе не встрѣчается; напр., не только łoš ложь (ср. прилаг. łóžnoi̯), voš мн. fšy род. fšei̯, žołś род. žółsťi, brof бровь мн. bróv́i, doć дочь, Их. droš дрожь, съ первоначальнымъ ъ, но также drop (sv́ińćóvai̯a), koś кость, boľ, noć. Другое развитіе находимъ въ γospôť Господь. Можетъ быть, что сюда

можно относить нарѣчіе prôć прочь, имѣющее, въ такомъ случаѣ, гласную, какой можно бы ждать.

Въ женскихъ основахъ на -a уже по раньше даннымъ альтернаціямъ видно, что въ случаѣ открытости коренного слога (no-gá и под.) исходной точки для развитія ô нужно искать въ род. множ.: nôk; ср. къ тому формы какъ śirôt отъ śirotá и параллельное отношеніе gospodĺn: род. мн. gospôt. Изъ вызванной на основаніи этакихъ формъ мѣны o : ô можно безъ трудности объяснить, съ одной стороны rôža мн. rôžy, рожа, Их. zabôta, robôta (Их. robóta), rôšča (o šč см. § 8), ľgôta, съ другой стороны напр. osá оса, мн. ósy род. ós, ср. прилаг. «xúže óśja gńozdá»[1]). Труднѣе становится за то, пожалуй, такой путь для объясненія въ словахъ какъ oxôta (ср. Их. slovooxôtńik, slovooxôćeį) и vôľa; по крайней мѣрѣ здѣсь не можемъ уже его называть такъ близкимъ. — Далѣе, исходя изъ поставленной точки зрѣнія, ждемъ ô во всѣхъ формахъ, если ударяемый коренной (иногда и словообразовательный) слогъ — закрытый: sôsna, мн. sôsny а отсюда также ô въ род. sôśen; vôĺxa[1]); kołokôĺna колокольня; torgôvľa; postrôįka; P'otrôvna; названіе города (Их.) Tôťma; ср. къ этимъ примѣрамъ слова уменьшительныя вродѣ выше упомянутыхъ nôška, vôtka, vdôfka, и далѣе łôtka лодка, kôška; припомнимъ еще dvôįka, trôįka, ср. выше. Но и подъ такими звуковыми условіями встрѣчаемъ примѣры съ ó: óvći овцы; O'ĺįa Ольга[1]), bójna бойня, própka, nózŕi ноздри. Что старое ъ встрѣчается только какъ o (bóćka бочка, króša), согласуется съ выше сказаннымъ.

Параллельно съ основами на -a идутъ звуковыя условія въ среднихъ основахъ на -o, -jo. Къ выше даннымъ случаямъ альтернаціи o : ô въ такихъ основахъ, могу впрочемъ, какъ примѣръ

---

1) Въ связи съ этимъ словомъ можно упомянуть, что въ началѣ слова все слышалъ ó-: ósy, ós—óśeń—óćeń—on—ókuń—ózöro—Ósip—ókarak; также и въ «закрытомъ» слогѣ: óbruć—óvći, мн. отъ ovćá овца—Ól'ja Ольга—óśmero; но vô- въ трехъ найденныхъ случаяхъ съ ô, а именно vôĺxa—vôśem (род. ośmí)—vôstroį острый.

съ ô по ожиданію, прибавить только vôi̯śkö войско; въ словахъ какъ udovôĺstvo или Их. śirôtsvo можно считать ô заимствованнымъ изъ основныхъ словъ (ср. dovôĺno, род. мн. śirôt). Далѣе добавимъ слова tôĺkö, skôĺkö, stôĺkö (только и т. д.). — ъ и въ такихъ основахъ даетъ o: górło; род. мн. drof. Но ср. кромѣ того ó, напр., въ okóško.

ô изъ стараго o въ «закрытыхъ» слогахъ можно, конечно, ждать и въ словахъ другихъ категорій. Могу привести, напр., tôpkoi̯ топкій, spokôi̯no, dovôĺno (ср. выше), bôlše больше, Их. vostôšnoi̯ восточный, narôšno (Их. narôsno), pôźńöi̯ поздній, глаголъ popôtšyvaťi. Изъ формъ съ «закрытыми» слогами далѣе легко понимаемъ ô и въ открытыхъ слогахъ въ случаяхъ какъ łômok ломокъ, słobôdön свободенъ, ví̇nôvön виновенъ; при posóben я остался въ сомнѣніи, говорять ли o или ô («ńe posóben ví̇ťer»).

Изъ словообразовательныхъ суффиксовъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ я уже коснулся, обращу вниманіе только на окончаніе -ok. Старое ъ здѣсь, какъ и ожидаемъ, представляется какъ o: końók, głotók, mołotók, posók песокъ, vonók вѣнокъ, ćułók чулокъ, połók; ср. съ этимъ также o прилагательныхъ формъ какъ «łogók na xodú» и др., и аналогичное по происхожденію o, напр., въ род. мн. «vnôgo dostók» (doská: много досокъ). Но ó встрѣчается и тамъ, гдѣ неподвижность o литературнаго русскаго указываетъ на старое o: xodók, i̯odók ѣдокъ, i̯ozdók, śödók (Их. i̯ezdók, śedók ср. § 13). Тѣмъ болѣе странной представляется форма potyłôk, потолокъ, и къ тому, еще болѣе противно ожидаемому по предполагаемымъ правиламъ, ťeŕeżôk. Что здѣсь вмѣшалось и вызвало ô, не легко понять; припоминаю при этомъ случаѣ выше названныя прилагательныя формы šyrôk и głybôk.

Во флексіи существованіе ô въ «закрытомъ» слогѣ слѣдуетъ отмѣтить для нѣкоторыхъ случаевъ. Кромѣ единичной формы какъ domôi̯ домой, ô постоянно встрѣчается въ ударяемомъ окончаніи род. мн. -овъ: synôf psôf vozôf mužykôf, vnôgo ťekrutôf много рекрутовъ, sapogôf ćułkôf и т. д.; ср. напротивъ

форму какъ «gd'e d'er'óf n'êt ...», деревъ, съ предшествующей палат. согласной. Въ упоминаемой падежной формѣ ô утвердилось категорически; это прямо объясняетъ, почему при ожидаемомъ (послѣ палат. согласной) vorob̯ó̯f въ Их. находимъ и vorob̯ô̯f (vorob'é̯ воробей); въ kurc'óf частью слышалось чистое o, а частью я ясно наблюдалъ, какъ говорящій, не смотря на предшествующую «мягкую» согласную, старался какъ будто съ трудомъ произносить ô.

Въ мѣстоименномъ и прилагательномъ склоненіи находимъ ô въ мѣст. ед. ч. муж. и сред. рода: o kôm o комъ (но, конечно, po-c'óm) po-tôm, takôm и др. ô здѣсь, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, стало категоричнымъ и аналогично переходитъ и въ формы съ «мягкою» согласною передъ окончаніемъ: j̯ôm (ср. o нёмъ), svoj̯ôm, f'sôm всемъ. Для сравненія съ этою формой особенно годится творительный пад. существительныхъ, гдѣ подъ вполнѣ параллельными звуковыми условіями старое ъ постоянно является какъ o: stoł'óm, c'er'edóm, gn'ozdóm. — Далѣе укажу на дат.-мѣст. жен. рода: tôj̯ samôj̯ zlôj̯; по аналогіи съ такими также j̯ôj̯, moj̯ôj̯. Когда и въ творительномъ находимъ формы какъ drugôj̯ dorôgoj̯, другой дорогой, и bol'šôj̯, то невольно является мысль, что окончаніе расширилось сюда по аналогіи; стоитъ по крайней мѣрѣ сравнить форму какъ žonój̯ женой. Для сопоставленія съ дат.-мѣст. -ôj̯ опять имѣемъ форму, въ которой подъ вполнѣ параллельными звуковыми условіями старое ъ является какъ o, а именно им. ед. муж. рода прилагательныхъ: złoj̯, n̯omój̯ нѣмой, kosój̯, xudój̯ и т. д.

Можно бы наконецъ изъ спряженія глаголовъ привести форму какъ stôj̯ стой, гдѣ опять естественно искать причины ô въ закрытости слога. Но такое развитіе не постоянное правило; ср. напр. Их. tron̯ тронь. Притомъ, въ глаголахъ нельзя забывать извѣстнаго явленія въ ударепіи наст. времени, о которомъ подъ II, и которое небезвѣроятно имѣло вліяніе на оттѣнокъ гласной и внѣ собственной своей рамки.

II. По поводу примѣровъ вродѣ vôl'a, воля, я уже выска-

залъ, что иногда объясненіе происхожденія ô изъ формы, гдѣ гласная попала въ закрытый слогъ, дѣлается менѣе вѣроятнымъ. А и между прочими приведенными примѣрами, въ которыхъ я не стѣснялся пользоваться названнымъ объясненіемъ, можно было бы пожалуй отыскать таковыхъ же случаевъ.

Есть, между тѣмъ, случаи съ ô, при которыхъ попытка объяснить происхожденіе ô появленіемъ его сначала въ «закрытомъ» слогѣ поставила бы насъ на совсѣмъ колеблющуюся почву, и гдѣ поэтому правильнѣе просто признать, что особенное отношеніе долготы или ударенія, на основаніи котораго выросла гласная ô, могло существовать также въ *«открытомъ»* слогѣ.

Самый яркій случай этого рода—ударяемое окончаніе средняго рода -о. Мы находимъ въ немъ постоянно ô; не только въ существительныхъ (śôłô ŕôbrô śeŕebrô koĺösô mołokô и под.), но и въ прилагательныхъ и причастіяхъ (davnô rovnô šyrokô doužnô должно, ćvôłô цвѣло, nasažonô; «éto dobrô mołokô» или mołokô dôbroj̈ô, -je и под. [1]) и въ мѣстоименіяхъ (прим. onô, Ихъ. tô). Какъ исключеніе отмѣчено только rožostvó рождество, которое естественно объясняется вліяніемъ церковнаго произношенія; чужому вліянію можно приписать, можетъ быть, и числительное sto; о «paĺitó» пальто не стоитъ и говорить.

Въ род. падежѣ мѣстоименій опять паходимъ при ударепіи -ô: kovô кого, tovô, ćovô.

Но и въ глагольной флексіи находимъ ô подъ такими звуковыми условіями, что объяснепіе его происхожденія изъ положенія въ «закрытомъ» слогѣ нужно считать исключеннымъ. Многочисленные примѣры въ § 22 показываютъ, какъ рядъ глаголовъ различныхъ классовъ, если ударепіе въ наст. времени отодвигается отъ окончанія (ср. типъ ношу́: но́сишь и под.) и падаетъ при томъ на слогъ съ гласною о, имѣетъ эту въ видѣ ô. Указывая на списки глаголовъ въ § 22, могу довольствоваться нѣ-

1) Ср. далѣе длинныя прилагательныя формы въ родѣ pŕosnôj̈ô, mołodôj̈ô, parnôj̈ô mołokô.

сколькими примѣрами: tonú: tôńeš, koĺú: kôĺöš, gońú; gôńiš, xožú: xôdĭš, smotŕú: smôtŕiš, «ńe stôit» не стоитъ, xłoroćú: xłorôćeš и т. д. Гдѣ гласная о подъ тѣми же звуковыми условіями стоитъ на мѣстѣ стараго ъ, напротивъ, какъ обыкновенно при этой этимологической подкладкѣ, не имѣемъ перехода въ ô; напр. torćú: tórćeš. Но и тамъ, гдѣ имѣемъ старое о, можно указать случаи, гдѣ переходъ въ ô или не произошелъ или же опять утраченъ; напр. mogú: móžeš [1]). Поэтому и не можемъ здѣсь, какъ при выше названныхъ случаяхъ изъ флексіи, говорить о твердой «категоріи».

Я указалъ сперва на случаи, гдѣ ô въ открытомъ слогѣ, какъ принадлежащее флексійной системѣ, не возбуждаетъ искушенія объяснить его какою нибудь аналогіей изъ окружающихъ формъ съ закрытымъ слогомъ. А разъ этимъ образомъ установлено, что ô могло развиться самостоятельно внѣ «закрытаго» слога, можемъ безъ опасности пользоваться еще и отдѣльно стоящими случаями этого же качества для дальнѣйшаго подтвержденія нашего наблюденія. Привожу рядъ такихъ случаевъ. sôbe, напр. «o sôbe» про себя. bôĺe болѣе, но ср. dóĺe. Вѣроятно сюда можно отнести pô- въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, ср. выше; здѣсь впрочемъ случаи съ «закрытымъ» слогомъ, именно при помощи слѣдующаго согласнаго сочетанія, не вполнѣ исключены. ďevánôsto (a ср. -nóstoį, чужаго происхожденія?). vôśem восемь, ср. ośḿí. Gŕigôŕeį. pôilo. stôilo. xrakôťina (Их. xarkôťina, харкотина). О томъ, что и раньше упомянутыя слова вродѣ vôĺa, oxôta вѣроятнѣе принадлежатъ сюда, я уже коснулся выше.

III. Перейдемъ наконецъ къ «полногласнымъ» словамъ. Слова rôvnoį ровный и rózǵi род. rózok, розги, стоятъ въ моемъ матеріалѣ особнякомъ и не даютъ по этому повода къ замѣчаніямъ. А гдѣ имѣемъ «полногласіе» внутри слова, можно объ отношеніи o : ô сейчасъ же возстановить простое правило, что *передъ* r, l ô

1) И это, хотя ô могло бы имѣть подпору въ ô «закрытаго» слога въ прош. môk могъ.

вовсе не встрѣчается. Значитъ: bółoźe bórodu xvóros хворостъ, Их. xółodno, dórogo gółot голодъ, gółovéń голавль, gółovy górot kółokoło kórop mółot (mołodój) półosy stórony stóroš сторожъ, vółos žółop [1]). Одно только исключеніе отъ этого правила отмѣчено, а объясненіе его просто. Мы видѣли только что подъ II, какъ рядъ глаголовъ при отодвиженіи ударенія представляетъ мѣну o : ô, напр. xožú: xôdíš; такъ и въ poĺú: pôĺöš (полоть); а подъ вліяніемъ категоріи возникло ô и въ причастіи ispôłoto, отмѣченное впрочемъ только въ единичномъ случаѣ.—Значитъ, ô существуетъ только въ слогѣ *послѣ* r, l.

Что касается ô въ этомъ слогѣ, то его существованіе можно для большинства случаевъ параллелизировать съ извѣстными намъ уже для другихъ слоговъ чертами. Формы вродѣ ot morôzu можно, напр., объяснить на основаніи «закрытости» слога въ им. падежѣ, morôs морозъ; ср. всѣ имѣющіяся формы этого вида: korôĺ, gorôx, porôm и далѣе муж. р. прош. времени vołôk, mołôu̯ мололъ, nakołôu̯. Изъ послѣднихъ можно бы объяснить ô и въ женскомъ р., напр. mołôła [2]), и такимъ же образомъ, изъ краткой формы мужскаго рода, можно объяснить ô длинныхъ формъ вродѣ ńezdorôvoj, xorôšova ródu. Въ неопр. kołôť, porôť, mołôť закрытость слога неоспорима. ô словъ женскаго и средняго родовъ какъ bołôto vorôna korôva dorôga, род. dorôǵi, ср. еще mołôka, можно связать съ формой род. множ. ч.: korôf dorôk storôn (storoná) gołôf (gołová) [3]) połôs (połosá) skovorôt (skovorodá, мн. skóvorody). Ср. съ этимъ еще ô передъ уменьшительнымъ k, напр. въ korôtka, gołôfka, dorôška дорожка. И та же самая точка зрѣнія, объясненіе происхожденія ô изъ слоговъ, которые нынѣ «закрыты», идетъ хорошо и къ словамъ какъ połôtńanoj полотняный, gołôdnoj, xołôdnoj, mołôšnoj молочный.

1) Подобное сочетаніе еще въ ółovo; ср. однакожъ Torbiörnsson, Liquidametathese I, стр. 65.

2) Форму poróła, при porôła, нужно повидимому считать младшей.

3) Ср. прилаг. «toustogołôvaja rýba».

Но какъ въ другихъ звуковыхъ сочетаніяхъ, такъ и здѣсь встрѣчаются случаи, гдѣ объясненіе ô съ названной точки зрѣнія трудно. Такъ при упомянутой подъ II мѣнѣ ударенія въ глаголахъ: połoščú—połôščöš, borońú—borôńät и др.; далѣе въ отдѣльныхъ словахъ какъ smorôd'ina, xorôḿina; ср. еще примѣры какъ korôće, mołôže, гдѣ впрочемъ связь съ формами, имѣющими о въ закрытомъ слогѣ, не вполнѣ прервана.

При обозрѣніи всего матеріала выходитъ вообще, что правило насчетъ отношенія о : ô въ полногласныхъ сочетаніяхъ принимаетъ особую форму: какъ о *передъ* r, l неспособно перейти въ ô, такъ о *послѣ* r, l *неотступно является въ видѣ* ô, *какъ только этотъ слогъ носитъ удареніе.* Могу указать только на два исключенія: doróǵi и vołóśi̯a (род. пад. собирательнаго: vnôgo vołóśi̯a; ср. vółos), которыя не стѣсняюсь объяснить какъ плодъ чужого произношенія, показывающаго свое вліяніе въ говорѣ и въ другихъ случаяхъ.

Какъ же объяснить разницу, выходящую такимъ образомъ для двухъ гласныхъ о полногласныхъ словъ? Придерживаясь пока точки зрѣнія «закрытаго слога», мы съ нея легко понимаемъ, что о передъ r, l не переходитъ никогда въ ô: это всегда открытый слогъ. Но объ ô послѣ плавныхъ не можемъ, по выше изложенному, утверждать, чтобы оно стояло всегда въ закрытомъ слогѣ или же въ близкой связи съ формой, гдѣ слогъ закрытъ и откуда ô могло бы переходитъ путемъ аналогіи; нужно для этого, какъ и для другихъ звуковыхъ сочетаній, согласиться, что ô могло утвердиться и въ открытомъ слогѣ, а въ такомъ случаѣ выше названная точка зрѣнія для объясненія не подходитъ.

Есть, конечно, возможность, считать отношеніе о : ô полногласныхъ сочетаній результатомъ расторженія старой и образованія новой «группы» въ нарѣчіи [1]): частое появленіе orô, ołô тамъ, гдѣ второй слогъ былъ не только ударяемъ, но и закрытъ, отторгалось для лингвистическаго сознанія отъ собственнаго

1) См. Paul, Princ. der Sprachgeschichte, 3. Aufl., Kap. V и Kap. X.

своего основнаго условія, а именно закрытости слога, и стало для говорящихъ принадлежностью самого звуковаго сочетанія огó, оѣó, такъ что это во всѣхъ положеніяхъ принимало видъ огô, оѣô.

Для меня, между тѣмъ, правдоподобнѣе другое объясненіе, а именно, что стоящіе по обѣимъ сторонамъ плавнаго полногласнаго сочетанія звуки *о* имѣли *различное качество*, именно тѣ качества, которыя нужно вообще считать основаніемъ существующей еще въ говорѣ разницы ó : ô. Если можно принять эту точку зрѣнія насчетъ полногласныхъ формъ, и если съ этимъ сопоставимъ прочій матеріалъ по гласной «ô», въ томъ числѣ и несомнѣнныя параллельныя черты между ô нашего нарѣчія и «ō» малорусскаго и другихъ славянскихъ языковъ, то получимъ этимъ путемъ не безцѣнныя заключенія о старшемъ славянскомъ вокализмѣ и удареніи. Не лежитъ, однакожъ, въ моей задачѣ, какъ аналитика, продолжить здѣсь дальше изслѣдованіе объ этомъ.

— Остается, за то, говорить о произношеніи гласной «ô». Уже раньше отмѣчено, что въ немъ встрѣчаются нѣсколько чертъ, параллельныхъ съ тѣмъ, что мы видѣли насчетъ гласной «ê».

Избранный какъ общее обозначеніе разныхъ оттѣнковъ единаго, съ исторической точки зрѣнія, звука знакъ «ô» употребляется, какъ извѣстно, въ прежнихъ моихъ работахъ для закрытой, напряженной гласной о; ср. Свитовое mid-back-narrow-round, Сиверсовое gerundet mittel velar, gespannt (нѣм. so, франц. seau). Такая гласная артикуляція, повидимому, правильно и составляетъ «ядро» упоминаемыхъ здѣсь слоговъ, съ «ô»; наблюдалось достаточное количество случаевъ, въ которыхъ гласную слога слѣдовало опредѣлять именно какъ такую артикуляцію, довольно однообразную съ начала до конца. Но такъ же часто, если и не чаще, наблюдалось, что и Паньковскому и Ихалицкому говору какъ будто трудно удержать однообразную артикуляцію. Гласный элементъ поэтому, совершенно какъ при «ê», превратился въ нѣсколько переходящихъ другъ въ друга оттѣн-

ковъ, въ болѣе или менѣе ясный дифтонгъ, о которомъ и здѣсь, какъ неотступное правило, можно установить только то, что болѣе закрытая его часть лежитъ въ началѣ, а болѣе открытая въ концѣ, никогда не обратно. Далѣе видимъ здѣсь, какъ при «ê», что на вопросъ, какую часть считать «слоговою», а какую «неслоговою», отвѣтъ можно давать для каждаго отдѣльнаго случая, много для извѣстной категоріи, между тѣмъ какъ общаго правила для всѣхъ случаевъ оказалось невозможнымъ отыскать.

Какъ объ «ê», такъ и объ «ô» нужно сказать, что—хоть относительно—твердую норму произношенія имѣемъ, повидимому, въ открытомъ концѣ слова. Первую, слоговую часть слога составляло здѣсь обыкновенно дѣйствительное, напряженное ô, къ которому присоединяется неслоговая гласная, опредѣляемая мною какъ открытое о. Получаемъ такимъ образомъ, въ условно точной транскрипціи, «odnôo̯», «rovnôo̯», «ćovôo̯», «gńozdôo̯», «ćv́ȯłôo̯» и под., что отмѣчено въ многочисленныхъ случаяхъ; сравнивъ съ ними, тѣ немногіе примѣры, въ которыхъ обозначеніе анализированнаго сочетанія оказалось инымъ («xorošu̯ó» при «-šôo̯», «ťȯpłu̯ó», Их. «ŕešotu̯ô» при -«tôo̯» и «-tô» съ однообразнымъ до конца ô, Их. «oknu̯ó» при «-nôo̯», Их. «koľesúo̯»), нужно считать исключеніями. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, что изъ Их. отмѣчено, въ утвердительной и разсказывающей рѣчи, «tôo̯», а въ вопросительной «tô̯ó»; ср. «ćovôo̯» и «ćevu̯ó»; подобный случай внутри слова представляетъ «Tôťma» и «Túo̯ťma», въ противоположность къ вопросительному и сомнѣвающемуся «Tu̯óťma». Объ этомъ явленіи указываю на сказанное въ § 3. — Неслоговая часть сочетанія «-ôo̯» нерѣдко такъ слабо развита, что звучитъ скорѣе какъ слабый призвукъ [1]); въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ

---

1) Можно было бы предположить, чтобъ такой «off-glide», т. е. переходный гласный звукъ ослабленнаго качества, являлся и послѣ другихъ заднихъ гласныхъ, напр. въ формахъ какъ gńozdá, gńozdú, и такимъ образомъ не зависѣлъ отъ самой гласной, но отъ другихъ условій, напр. отъ положенія ударенія на открытомъ концѣ слова. Подчеркиваю по этому, что нашелъ его только при -ô.

тогда переходилъ въ то «ъ», что извѣстно намъ изъ § 2, какъ ирраціональное оттѣненіе полнаго о въ слогахъ послѣ ударенія.

Внутри слова, все равно въ «открытомъ» ли или въ «закрытомъ» слогѣ, при (болѣе рѣдкой?) формѣ съ выдержаннымъ до конца, однообразнымъ ô, можно привести рядъ примѣровъ, высказывающихъ то же самое произношеніе, какъ обыкновенное для открытаго конечнаго слога: «Ontôǫn», «potyłôǫk» потолокъ, «bôǫlše», «śönokôǫs», «na śönokôǫśe», «kôǫt», «gotôǫf», «na sxôǫtku», «porôǫm»; Их. «kôǫlʼoš» «porôǫła» «mołôǫła»; и т. д. А кромѣ этого рядъ записей обнаруживаетъ форму, рѣдкую въ открытомъ концѣ слова, а именно -ǫo-; такое произношеніе наблюдалось часто въ тѣхъ же формахъ, гдѣ встрѣчалось также «ôǫ» или (однообразное) «ô»: «porǫóm» (ср. выше), «bołǫóto» («-łôto»), «kǫoł», «gǫóńiš», «volǫók» («-łôk», волóкъ), «prǫósit» («-ôś-»), «dǫóbroǫ» («dô-»), «ot robǫóty», Их. «u łǫótki» («łôtki»), Их. «potyłǫók» (ср. в.), Их. «tvarǫók», и др. Когда въ единичномъ случаѣ вмѣсто ǫ этого сочетанія отмѣчено ô̯ («svoiô̯óm»), при томъ съ прибавленіемъ, что «ô близко къ u», то не стѣсняюсь привлечь и этотъ случай къ описываемому ряду. Больше вниманія заслуживаютъ тѣ нѣсколько примѣровъ, относящихся къ первымъ днямъ моихъ наблюденій, при которыхъ я о двухъ гласныхъ оттѣнкахъ ô + o въ томъ же самомъ слогѣ (а именно въ формахъ na sxôdax, na sxôtku) отмѣтилъ, что трудно рѣшить, слѣдуетъ ли считать элементъ ô или элементъ o «слоговою частью» дифтонга.

Для объясненія разнаго развитія того же самаго, въ историческомъ отношеніи, звука внутри слова, нужно пожалуй считаться съ факторами разнаго рода. Небезвѣроятно, во-первыхъ, что вліяютъ окружающіе звуки. Я отмѣтилъ, что въ окончаніи -ôf, все равно въ какомъ употребленіи (ср. род. множ. godôf, прилаг. gotôf), чаще обыкновеннаго слышится однообразная гласная ô, безъ открытаго оттѣнка въ концѣ. Близко тогда то заключеніе, что причина — въ закрывающемъ слогѣ губномъ звукѣ, мѣшающемъ до извѣстной степени открытію гласной; хотя и не всегда, ср. выше примѣръ «gotôǫf», далѣе напр. «ʼiubôǫf».—

Далѣе, нужно имѣть въ виду мѣну во внутреннемъ распредѣленіи тона и силы слога, связанную съ качествомъ предложенія (разсказъ, вопросъ и т. д.); несомнѣнные примѣры ея дѣйствія приведены выше по поводу открытаго конца слова, а также для закрытаго слога (ср. слово Tôťma). Для иностранца не всегда такъ легко рѣшить, особенно при отдѣльно стоящихъ словахъ и формахъ, высказано ли какое нибудь слово, о которомъ идетъ рѣчь, напр. вопросительно или утвердительно въ то мгновеніе, когда оно является на губахъ туземца—это навѣрно каждый діалектологъ знаетъ по опыту.

Прим. Эта сторона тѣмъ болѣе запутывается, если соображаться еще и съ движеніемъ тона, выходящимъ естественно по «собственнымъ тонамъ» разныхъ гласныхъ. Такъ у *i* высшій «собственный тонъ» нежели у ê, а у этого опять высшій нежели у *e*; поэтому, сочетаніе iê, ie или êe, все равно какая его часть слоговая, хотя бы голосовыя связки выдержали одинъ и тотъ же тонъ черезъ все сочетаніе, вмѣщаетъ въ себѣ условія выступать *для слуха* какъ нисходящее по тону; для этихъ сочетаеій (§ 4), между тѣмъ, не имѣю въ этомъ направленіи точныхъ наблюденій. Обратно, у *o* высшій «собственный тонъ», чѣмъ у ô и u; поэтому сочетаніе ôo или uo, все равно какая его часть слоговая, хотя голосовыя связки выдерживаютъ тотъ же самый тонъ съ начала до конца, носитъ въ себѣ условія выступать для слушающаго какъ восходящее по тону, а тогда вѣроятно легко и получаетъ восходящій тонъ въ артикуляціи голосовыхъ связкахъ. Въ Паньковскомъ говорѣ обыкновенный типъ этихъ сочетаній повидимому дѣйствительно и былъ съ восходящимъ тономъ; напр., слово kôt котъ именно анализировано какъ «kuôot», съ ровно, безъ перерыва, восходящимъ, на небольшой интервалъ, тономъ; то же самое отмѣчено въ прош. «rôos» росъ. Ихалицкая старушка между тѣмъ, повидимому, чаще пользовалась обрат-

нымъ движеніемъ тона, нисходящимъ, иногда на довольно значительный интервалъ. Значитъ, отмѣченные у меня немногіе факты, позволяющіе разсуждать объ этомъ вопросѣ, къ сожалѣнію далеко недостаточны для надежныхъ заключеній. Вообще, я только во время обработки матеріала обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, считаю однакожъ не лишнимъ указать на него, рекомендуя его вниманію, а можетъ быть и полнѣйшей разработкѣ другихъ.

Хотя такимъ образомъ можно указать на разные факторы, имѣющіе, можетъ быть, вліяніе на развитіе разныхъ типовъ въ произношеніи «ô», а чтобы найти болѣе твердую точку зрѣнія для обсужденія всего явленія, нужно опять обратиться къ параллелизаціи съ развитіемъ «ê». Обыкновенное въ открытомъ концѣ «-ôǫ» вполнѣ соотвѣтствуетъ «-êę»; за то главные типы произношенія внутри слова, съ одной стороны «-íę-» и «-i̯ê-», съ другой стороны «-ôǫ-» и «-u̯ô-», не вполнѣ параллельны; для полной соотвѣтственности требовалось бы «-úǫ-» и «-u̯ô-». Для перваго изъ этихъ, úǫ, можно пожалуй указать на пару примѣровъ изъ Их.: «Túǫťma» (ср. выше) и род. множ. «súǫśen» сосенъ; къ тому изъ Паньк. «ďestoťkúǫvaja» [1]); но хотя бы они были правильно поняты, во всякомъ случаѣ они слишкомъ немногочисленны, чтобы строить что нибудь на нихъ; а для произношенія «u̯ô» могу привести лишь единственный случай, отмѣченный въ началѣ моихъ наблюденій, прилагательное «ku̯ôn'ei̯» конній. Значитъ, полнаго согласія съ типами произношенія въ «ê» мы не находимъ; приведенные случаи только по тому имѣютъ интересъ, что еще ярче показываютъ намъ многообразность существующаго произношенія. А такъ какъ разные типы не разграничились по видимымъ правиламъ, а напротивъ — и главные и болѣе случайные типы — повидимому мѣшаются безъ ясныхъ правилъ, то можемъ, какъ и при «ê», предполагать, что стоимъ передъ

1) Впрочемъ, съ прибавкой, «не ôǫ ли».

начатой но еще не окончепной перемѣной въ произношеніи, передъ распаденіемъ, результаты котораго не имѣются еще въ окончательной, яркой формѣ.

Физіологической подкладки неоконченнаго еще развитія нужно, повидимому, искать подобнымъ путемъ, какъ при ê. О гласной «ô» въ чистомъ видѣ, безъ дифтонгизированія, т. е. какъ дѣйствительной «mid-back-narrow», я не могу сказать тоже самое что объ ê, а именно чтобъ она дѣлала на меня впечатлѣніе особой для пея узкости или напряженія; по моему она въ сущности тождественна напр. съ нѣм. ô въ «so»; ср. таблицу у Сиверса. За то важно отмѣтить одну *черту провожающей* ô *лабіализаціи*. Изъ ряда паблюденій и отмѣтокъ выходитъ, что предшествующая ô согласная — вѣроятно всегда, по крайней мѣрѣ очень часто — лабіализируется сильнѣе, чѣмъ гласная ô, что она имѣетъ, можно сказать, «u'овую» лабіализацію говора. А какъ между палатализованною къ i согласною и слѣдующимъ ê легко развивается переходный гласный элементъ i, такъ, при описанной сильнѣйшей степени лабіализаціи согласной, между этой и слѣдующимъ ô легко развивается переходный гласный звукъ (glide) u, который дѣйствительно отмѣченъ въ рядѣ случаевъ; ср. выше упомянутое «kuôot» котъ; прилаг. «kuôn'eį»; а въ концѣ слова форму какъ «nasažonuôo» насажено.

Далѣе знаемъ — что особенно ясно показывается въ открытомъ концѣ слова — какъ ô имѣетъ склонность развивать въ послѣдней своей части болѣе открытый оттѣнокъ (-ôo). Этотъ призвукъ, совершенно какъ при ê, не прибавляется, конечно, какъ удлиненіе, а удѣляется изъ имѣющейся гласной массы. Такимъ образомъ, закрытый элементъ ô, который нужно, конечно, считать здѣсь болѣе первоначальнымъ, легко теряетъ свое вполнѣ преобладающее положеніе въ слогѣ. Гласная масса слога переходитъ въ сочетаніе, которое можно писать «u͡ô»; въ немъ безконечный рядъ гласныхъ оттѣнковъ переходятъ другъ въ друга, безъ разграниченій, и только вновь приходящіе моменты, вродѣ экспираціонныхъ, тонныхъ и количественныхъ отношеній внутри этой

гласной массы, группируютъ ее для говорящаго и для слушающаго въ звуковыя картины вродѣ самыхъ обыкновенныхъ для говора типовъ ôo̯ и u̯o. Указываю на сказанное въ предшествующемъ параграфѣ о «i͡êe», что дѣлаетъ дальнѣйшее разъясненіе лишнимъ.

Какъ при ê, такъ и при ô наблюдатель невольно ставитъ себѣ вопросъ, не имѣемъ ли здѣсь дѣло съ «двухъ-напорнымъ» (zweigipflig) удареніемъ; это тѣмъ болѣе, что при ô въ томъ случаѣ можно бы думать о сохраненіи черты, которую исторически можно съ основаніемъ предположить хоть для старшей ступени развитія [1]). При «ê» я долженъ сознаться въ неспособности рѣшить, есть ли слѣды такого «циркумфлекса» или нѣтъ; и ô не вполнѣ рѣшило моихъ сомнѣній [2]); однако мои наблюденія указываютъ для него довольно опредѣленно на удареніе однонапорное.

§ 6. Гласныя безголосныя. Свитъ, въ своей статьѣ о русскомъ (московскомъ) произношеніи [3]), указываетъ, что гласная въ концѣ слова, послѣ безголосной согласной, нерѣдко теряетъ голосъ; напр. въ ру́ки, стару́шку. И въ описываемомъ говорѣ отмѣчены такіе случаи, впрочемъ немногіе. Но говоръ не согласуется съ ограниченіемъ явленія у Свита къ гласнымъ высокаго (high) образованія. Находимъ безголосныя гласныя и средняго образованія. Ср. напр. — обозначаю безголосность подставленнымъ ᵥ — l'íźet'ᵉᵥ лѣзете, d'ónyškᵒᵥ донышко, boétśᵒᵥ бояться. Случай

1) Именно, ô, какъ мы видѣли, до извѣстной степени вѣроятно того же самаго происхожденія, что малорусское «ō»; происхожденіе это связывается съ исчезновеніемъ ъ и ь, вслѣдствіе чего «открытые» слоги переходятъ въ «закрытые». А это слитіе двухъ слоговъ въ одинъ по всей вѣроятности сопровождалось не только извѣстнымъ удлиненіемъ гласной, но и двухъ-напорнымъ (или же «двухъ-тоннымъ») удареніемъ, слѣды котораго имѣемъ вѣроятно въ распаденіи собственно однородной гласной въ извѣстныя дифтонгическія сочетанія.

2) Особенно Ихалицкое произношеніе, съ упомянутымъ выше, въ примѣчаніи, нисходящимъ тоннымъ движеніемъ.

3) Russian Pronunciation, Transactions of the Philological Society 1877—79, см. стр. 552.

потери голоса отмѣченъ даже при ударяемости гласной: f-polk$^{u}_{\cdot}$ въ полку.

Объ этомъ явленіи, кромѣ замѣтки Свита, указываю на § 10 своего «Die Dialekte des südlichsten Serbiens» въ «Schriften der Balkancommission», Wien 1903; явленіе въ этихъ нарѣчіяхъ имѣетъ болѣе широкую форму и часто наблюдается и послѣ согласныхъ съ голосомъ, но, за то, повидимому, никогда не подъ удареніемъ; въ описываемомъ, сѣверновеликорусскомъ, говорѣ самое явленіе, поэтому, и слѣдуетъ обсудить нѣсколько иначе.

§ 7. О согласныхъ. Согласныя долгія. Описываемый говоръ не представляетъ въ артикуляціи согласныхъ крупныхъ принципіальныхъ различій отъ образованнаго русскаго языка. Употребляемые знаки поэтому и не требуютъ много объясненій.

Объ отношеніи j:j говоритъ § 10. «v» нормально — чисто губно-зубное; слѣды активнаго участья верхней губы при его образованіи были рѣдки и вѣроятно только случайны; далѣе объ этомъ въ § 11. Шипящія слогласныя подвергаются анализу въ § 8. О группировкѣ палатализированныхъ согласныхъ въ отношеніи къ «твердымъ» и связанныхъ съ тѣмъ вопросахъ говорю при явленіяхъ палатализаціи въ § 12.

Кромѣ «мягкаго», дорсально образованнаго l', сходнаго съ извѣстнымъ мягкимъ ль образованнаго русскаго, въ говорѣ имѣется и хорошо извѣстный вообще изъ великорусскаго, сильно открытый, съ присоединенной еще и гортанною артикуляціей звукъ «l». При его образованіи передняя часть языка сжимается въ длинную, узкую форму, касающуюся переднихъ частей нёба (луночной выпуклости или же самой передней части твердаго неба) только кончикомъ своимъ[1]). Область соприкосновенія очень мала, при узкости и тугости языка; за то характерныя для

1) Этимъ образомъ, т. е. «корональ но», загораживаніе звука происходитъ по моему обыкновенно; хотя можно образовать «l» того же самаго акустическаго дѣйствія и при загораживаніи спинкой языка выше по небу.

звука l открытія по боковымъ краямъ языка — большія, такъ что выдыханіе проходитъ по нимъ свободно, безъ слѣдовъ «тренія», и не получая отпечатокъ того особаго резонанса, который свойственъ болѣе закрытымъ видамъ l. Поэтому и задняя часть языка своей артикуляціей можетъ прибавить этому открытому l чистый оттѣнокъ любой изъ заднихъ гласныхъ (ср. Сиверсъ, 5 изд., 320); обыкновенно она по моему артикулируетъ какъ при гласной задняго ряда средней, т. е. соотвѣтствуя звуку o; можетъ однако быть, что эта задняя гласная въ ł нерѣдко лежитъ и выше, въ области гласныхъ u. Такая артикуляція заднихъ частей языка объясняетъ, почему къ ł такъ легко прибавляется и употребленіе губъ, которое обыкновеннно сопровождаетъ упомянутыя гласныя. А такъ какъ самый звукъ «l̓», при отсутствіи или же слабости характернаго l'оваго резонанса въ открытомъ его образованіи, легко исчезаетъ вполнѣ для уха, то переходъ ł въ o̯ или u̯ легко понятенъ и часто наблюдается. Такъ и въ описываемомъ говорѣ, о чемъ въ § 9.

— И долгія согласныя нерѣдки въ говорѣ. Гдѣ онѣ стоятъ между двумя слогами, ихъ нужно считать «геминатами» (Сиверсъ 5 изд. 556 сл.): распадаются съ одною половиною на каждый слогъ; точка слабѣйшаго выдыханія лежитъ внутри самой согласной. Что удлиненіе этакихъ согласныхъ при длительныхъ (напр. «s̄») удлиняетъ самый шумъ, а при мгновенныхъ (напр. «t̄») паузу передъ взрывомъ, разумѣется безъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Долгота согласныхъ построена здѣсь всюду на слитіи двухъ элементовъ, которые или уже раньше тождественны (n + n, s + s и под.) или же сперва подвергаются уподобленію.

Случаи перваго рода видимъ, напр., при n̄, ń̄: połôtńan̄oi̯, ośón̄oi̯ осенній, ńećáan̄o нечаянно, nóći tumán̄yi̯ö туманныя, dvugŕívön̄oi̯ (или -en̄oi̯, ср. § 13), okai̯án̄oi̯, pl̓eḿéń̄ik племянникъ, kôń̄ei̯ dóxtur[1]); при k̄: k̄ámńu къ камню, k̄upćám къ купцамъ;

1) Но ср. Их. okóńića съ обыкновеннымъ ń.

при ẕ̌: 2. ед. ч. ẕ̌oš, 2. мн. ẕ̌eťó и пр., ср. 1. ед. žgu жгу; при s̄: s̄ałá ссала, s̄ykáť, ср. skať, наст. sku и т. д.; при t̄: ot̄êγ dńej̯ отъ тѣхъ дней.

Случаи возникновенія долгихъ согласныхъ черезъ уподобленіе многочисленны; частью уподобляются глухія и звонкія согласныя одного образованія; а частью уподобляется и самое образованіе. Такъ какъ правила уподобленій какъ нельзя лучше освѣщаются именно развитіемъ долгихъ согласныхъ, то собираю здѣсь рядъ разныхъ случаевъ, такъ что возвращеніе къ этому предмету дѣлается лишнимъ (о другихъ явленіяхъ принадлежащихъ ученію о комбинаціи звуковъ ср. въ § 15).

z+s даетъ s̄: Их. is̄v́inćú:
t+d » d̄: od̄uu̯ отдулъ, étod̄urák,
«ťeb̄ê ďêła ńêd̄onás» нѣтъ до...
tôd̄'éń тотъ день, съ двумя удареніями.
g+k » k̄: ľók̄oj̯ легкій, vospaľéńj̯e ľók̄ix («ot sółnyška»).
k+g » ḡ: ḡoŕê къ горѣ.
d+t » t̄: śétudá сядь туда; первая часть согласной теряетъ свою палатальность, ср. § 12 и § 15.

Сопоставимъ съ этими еще и случаи какъ zďêłom съ дѣломъ, gdušê къ душѣ и т. д., и судьбу звонкихъ въ концѣ слова: drof дровъ, davnô-uš, got годъ, płuk плугъ[1]) и под.; видимъ тогда, что законы развитія въ этомъ отношеніи тѣ же самые, что въ образованномъ русскомъ языкѣ.

Далѣе находимъ:

v̄ изъ b+v: ovaŕíť обварить, ov̄'inćéť обвѣнчать.
m̄ » b+m: om̄anúť, ńe om̄ányvaj̯.
ẕ̌ » s+ž: ẕ̌onój̯-to съ женою.
š̱ » s(z)+š: roš̱ybú росшибу.
s̄ » š+s: boís̄'e боишься, kľeńós̄'e клянешься, opoj̯ás̄'ö опояшься и т. д., постоянно.

---

1) Называется также «ułúk».

Ср. š̰ въ š̰itām считаемъ, единственный отмѣченный случай этого звука въ моихъ запискахъ; c̄́ (ср. «č̰» образованнаго русскаго) въ c̄́oš, c̄́ot и т. д., отъ tkať ткать.

Примѣры ľók̄oj̦ легкій и g̅oŕê къ горѣ показали, что k + k или g + k, а также k + g даютъ другой результатъ, чѣмъ въ языкѣ образованнаго русскаго. Въ противоположность слѣдуетъ отмѣтить, что k + x не уподобляются; въ выраженіи «k xŕeśi̯ánam» къ крестьянамъ k и x сохраняютъ свои артикуляціи, а не сливаются въ долгое x.

Отдѣльно нужно ставить š въ «doš̰» дождь, род. doždžá (о сочетаніи ždž ср. § 8). Это š̰ явно склоняется къ потерѣ долготы; иногда произношеніе звучало почти чисто «doš».

§ 8. Согласныя «шипящія». Старые ч и ц въ говорѣ совпали въ одинъ звукъ, передаваемый ć. Его соственно не слѣдуетъ ставить подъ «шипящія», а скорѣе подъ «свистящія». Именно, оканчивающій его звукъ нормально тождественъ съ палатальнымъ, дорсально образованнымъ ś; первая его часть, конечно, дорсально образованное t. Между тѣмъ, переходъ отъ s черезъ ś къ переднему š («š»), какъ извѣстно, не прерывается ясно дѣлящею, физіологическою границей; ś въ своемъ образованіи стоитъ уже на границѣ ряда š; его можно оттѣнить то ближе къ собственнымъ звукамъ s (с), то ближе къ звукамъ š̆ («шь«), а это и объясняетъ, почему наблюдатель легко колеблется при рѣшеніи, слѣдуетъ ли опредѣлить согласное сочетаніе, въ которомъ совпали ч и ц, особенно мягкимъ «č» или же скорѣе какъ ć; для описываемаго говора я, какъ сказано, считаю послѣднее правильнымъ [1]). Примѣры съ ć встрѣчаются всюду въ описаніи такъ часто, что ихъ не нужно здѣсь приводить.

Насчетъ пониманія возникающаго въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ 3 л. ед. и множ. чиселъ возвратныхъ глаголовъ

---

1) Особенно удобно для опредѣленія — положеніе передъ i (ogurći, pomokći помочь и под.), если сравнить съ ś въ томъ же положеніи.

согласнаго сочетанія (дерутся, боятся и под.), я сильно колебался во все время моихъ наблюденій. Часто, повидимому, то t, которымъ начинается сочетаніе, образовано не дорсально, не мягко, по крайней мѣрѣ не съ полно развитою дорсальностью; въ такихъ случаяхъ обозначеніе «tś» лучше передаетъ характеръ сочетанія (dörútśö дерутся; транскрипція передаетъ медленное произношеніе; объ -ö: -e ср. § 13; bojátśe боятся, гдѣ впрочемъ вполнѣ развитое á по § 13 какъ будто указываетъ, что слѣдуетъ «мягкая» согласная). Между тѣмъ, и тамъ гдѣ слышалось такое t, которое по образованію какъ будто не соглашалось съ слѣдующимъ ś, нельзя было постоянно находить слогораздѣленіе между t и ś, что бы весьма упростило дѣло. Слогъ передъ сочетаніемъ кончался «schwach geschnitten», какъ выраж. эти Сиверсъ (см. 589 сл.), т. е. при уже ослабленной силѣ выдыханія въ гласной, а звукъ t, если и не постоянно, то пожалуй чаще переходилъ къ слѣдующему слогу. Понятно, что согласное сочетаніе тогда легко сливается и переходитъ въ обыкновенное ć; какъ таковое я и часто склонялся передавать его. Стою въ этомъ вопросѣ безъ полнаго, окончательнаго рѣшенія; то же самое нужно сказать и о извѣстныхъ числительныхъ формахъ, вродѣ «двадцать» и под.

Существуетъ въ говорѣ повидимому и сочетаніе корональнаго t съ слѣдующимъ š (объ этомъ звукѣ ниже), различное отъ (твердаго) «č». Такое сочетаніе отмѣчено въ Их. mʟátšöi младшій (объ ö ср. ниже, и къ тому § 13); въ этой формѣ мнѣ иногда казалось, что a имѣетъ качество «scharf geschnitten», ср. выше; но во всякомъ случаѣ, это не было постоянное произношеніе, а въ другихъ словахъ съ подобнымъ согласнымъ сочетаніемъ, ʟútše (или ʟútšə, ср. ниже о š) лучше, ʟútšöi, kabátšyk гласная передъ t не отличалась отъ обыкновеннаго, «schwach geschnitten», произношенія гласныхъ, съ обыкновеннымъ ихъ по § 3 извѣстнымъ удлиненіемъ подъ ударенiемъ. — И въ этомъ сочетаніи t, конечно, подпадаетъ подъ вліяніе слѣдующей артикуляціи; именно, сильно оттянутый въ š конецъ языка заставляетъ артикуляцію t

оттянуться назадъ отъ зубовъ; образованіе его, поэтому, становится альвеолярнымъ или даже церебральнымъ: ṭ; ср. то же самое развитіе въ сочетаніяхъ «štš», «ždž», о которыхъ ниже. А это приближеніе артикуляціи t къ артикуляціи š, конечно, нѣсколько стираетъ границу между сочетаніемъ t + š и «твердымъ» č.

Вниманія заслуживаетъ еще развитіе ć передъ n: potsvíšńik подсвѣчникъ. Какъ видно, элементъ t здѣсь потерянъ, ср. часто въ образованномъ русскомъ; остающійся шипящій элементъ тогда отходитъ къ заднимъ образованіямъ, ср. ниже о š, ž; хотя подъ вліяніемъ мягкаго ń, его артикуляція идетъ нѣсколько впередъ отъ обыкновеннаго[1]).

Перейдемъ къ щипящимъ š и ž. Насчетъ природы образованія этихъ звуковъ, о которомъ какъ извѣстно мнѣнія до сихъ поръ не вполнѣ ясны, надѣюсь высказаться подробнѣе при другомъ случаѣ. Исходя отъ изложенія датскаго фонетика Іесперсенъ (Otto Jespersen, Fonetik, Копенгагенъ 1897—99, 207 сл.), здѣсь только замѣчу, что московское произношеніе знаетъ, какъ извѣстно, переднія, «мягкія» шипящія въ щ, заднія, «твердыя», въ ш, ж. Шипящія š, ž описываемаго говора принадлежатъ также къ заднимъ («твердымъ»), что весьма ясно слышно.

Такое заднее положеніе языка легко дѣйствуетъ и на окружающіе звуки. Такъ, уже выше упомянуто, какъ предшествующее t, напр. въ kabátšyk, склоняется къ церебральной артикуляціи (ṭ). То же самое отмѣчено для d послѣ ž въ формахъ глагола ždu, жду. Особенно интересны формы, гдѣ послѣ этого d слѣдуетъ e или i, передъ которыми палатализація, съ своей стороны, старается вызвать дорсально образованное d. Въ такихъ случаяхъ два артикуляціонныхъ принципа явно борются: оттягиваніе d въ ḍ затрудняетъ дорсальное образованіе; послѣднее становится слабымъ и развивается только около самаго конца языка; оно звучало по этому очень неполно, хотя о его существо-

1) Ср. передвиженіе ш въ образованномъ русскомъ, напр. въ «здѣшній».

ваніи можно было убѣдиться по существующему слабому переходному звуку къ слѣдующему о (ср. § 12, о палатализаціи): «žḍ́oš» ждешь. А въ повелительномъ наклоненіи дѣйствіе ž пространяется сквозь этотъ оттѣнокъ звука d и на слѣдующую гласную, которая оттягивается отъ i назадъ въ область среднихъ (palato-gutturale) гласныхъ, какъ и i непосредственно послѣ š, ž; получилось такимъ образомъ «žḍ́y», мн. «žḍ́ýťe», со слабой палатализаціей въ церебральномъ ḍ.

Непосредственно послѣ š, ž находимъ только y, т. е. гласную средняго ряда, вмѣсто стараго i. Въ § 1 я указалъ, что такое y въ твердомъ слогѣ принадлежитъ къ заднимъ оттѣнкамъ этой гласной; отмѣченные единичные случаи передняго оттѣнка y въ этомъ положеніи, напр. повел. ržy (ржи, ржать), мнѣ остаются необъяснимыми [1]). y послѣ š и ž весьма частое явленіе; напр. повел. pokažý, v́ažý, ľižy и др.; zaŕešýľi зарѣшили и мн. др. О движеніи звука въ слогахъ неударяемыхъ указываю на сказанное въ § 2 по поводу примѣра výšyto вышито. — Въ связи съ этимъ явленіемъ стоитъ обратить вниманіе на дат. мѣст. слова dušá, душа, гдѣ аналогія, раньше или позже, ввела представителя стараго ѣ; о нормальномъ произношеніи этого въ ударяемомъ слогѣ, а особенно въ открытомъ концѣ слова, указываю на § 4. Послѣ š вышло здѣсь результатомъ произношеніе, которое ближе всего можно передавать «dušýę» — какъ ни объяснить переходныя ступени, черезъ посредство -êę ли или черезъ -ię; см. опять § 4. Ср. напротивъ ту же самую форму слова ofćá овца: «ofćíę» или, м. б., лучше всего «-ćêę».

И на слѣдующее e, š и ž имѣютъ вѣроятно оттягивающее немного назадъ вліяніе. Однако, болѣе сильный слѣдъ оставляетъ здѣсь другое свойство артикуляціи этихъ шипящихъ, а именно сопровождающее ихъ употребленіе губъ. Касательно степени этой лабіализаціи, я пробовалъ составить себѣ понятіе по-

---

1) Позволительно, можетъ быть, думать объ аналогичномъ дѣйствіи со стороны обыкновеннаго окончанія этой же формы, -i.

мощью наблюденія надъ звуками š, ž въ положеніи передъ лабіализованными гласными. Удобный случай былъ примѣръ какъ ťešóťa рѣшета; можно было въ немъ отмѣтить, какъ степень лабіализаціи ослаблялась немного, т. е. губы чуть чуть открывались при переходѣ отъ š къ слѣдующему o; значитъ, звуку š свойственна повидимому сильнѣйшая лабіализація, чѣмъ гласной o[1]). Съ другой стороны, мнѣ казалось, будто лабіализація ударяемаго u (y) сильнѣе š, хотя объ этомъ нужно высказаться съ осторожностью; вѣдь рѣчь идетъ о слабыхъ отстепененіяхъ, не поддающихся постоянно точному рѣшенію. Свойственная звукамъ š и ž лабіализація дѣйствуетъ до извѣстной степени и на другія гласныя, не только на e; слѣдъ ея замѣчается, такимъ образомъ, и въ слѣдующемъ за š, ž звукѣ y; но она не вызываетъ въ немъ акустическаго впечатлѣнія новой гласной, различной отъ первоначальной y. Лишь на e лабіализація названныхъ шипящихъ дѣйствуетъ болѣе сильнымъ образомъ. Подъ вліяніемъ ея e приближается къ «ö», гласной передняго ряда средней (ср. e), съ лабіализаціей. Такое приближеніе, но безъ полнаго перехода, отмѣчено, напр., ˊвъ žeḱćí жечь, въ двухъ послѣднихъ слогахъ слова ťažéĺše, тяжелѣе. Гласная понятно остается ненапряженной (wide), ср. характеръ самаго e. Болѣе полный переходъ видимъ уже въ первой части гласной числительнаго шесть, точная передача котораго дала бы приблизительно «šöe̯ś»; ср. соотвѣтствующее собирательное, которое звучало скорѣе «šo̯éśťero», гдѣ лабіализація дѣйствуетъ опять на первую, а въ этомъ случаѣ слабѣйшую (и кратчайшую) часть. Случай полнаго перехода въ ударяемомъ слогѣ видимъ вѣроятно въ род. мн. «vožd̯-žöi̯» (vožd̯žá возжа), гдѣ врядъ ли возможно объяснить ö изъ o.

Въ слогахъ послѣ ударяемаго, ослабленныхъ вообще по артикуляціи, какъ мы припоминаемъ изъ § 2, лабіализирующее дѣйствіе š, ž на e нерѣдко дѣлается почти что незамѣтнымъ. Въ такомъ положеніи я часто склонялся писать скорѣе «-šə», «-žə»,

1) Ср. однакожъ замѣтки о лабіализаціи въ § 14.

обозначая перевернутымъ е не столько лабіализованную, сколько оттянутую назадъ, въ средній рядъ, ослабленную гласную артикуляцію, которую можно сравнить съ неударяемымъ нѣмецкимъ е, напр., въ Gabe.

Воротясь къ раньше описаннымъ оттѣнкамъ, приближающимся къ «ö», я получилъ вообще впечатлѣніе, что, чѣмъ яснѣе произношеніе, тѣмъ менѣе выступала, повидимому, лабіализація. Поэтому, если и можемъ объяснить безъ затрудненія неударяемое ö, какъ въ «šöźďeśát» шестьдесятъ, изъ сопровождающей š лабіализаціи, и хотя форма вродѣ выше названнаго vožḍžö̯j̯ заставляетъ пользоваться тѣмъ же объясненіемъ, за то изслѣдователь въ формахъ какъ «žöńê» склоняется невольно искать объясненія ö инымъ путемъ, изъ о, явленіе, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Прим. При упомянутомъ выше произношеніи слова шесть, особое вниманіе возбуждаетъ слово шестъ («колъ»). Оно отмѣчено въ формѣ «šŷ͜ys», гдѣ первая (сильнѣйшая) часть имѣла напряженное, какъ обыкновенно, у (ср. § 1), а вторая ненапряженное, приближающееся сильно къ «ъ», см. § 2. Можетъ быть, судя по одной отмѣткѣ, надо понимать форму какъ «šỹs», съ двунапорнымъ удареніемъ (ср. особенно въ § 10). Не умѣю объяснить себѣ этотъ случай, представляющій какъ будто стяженіе или же результатъ старшаго і или ѣ.

— Уже выше мы касались бѣгло вопроса о гласной о въ положеніи послѣ š, ž. Я отмѣтилъ, что, судя по извѣстнымъ наблюденіямъ, имѣемъ извѣстное основаніе заключить, что степень лабіализаціи š, ž сама собой сильнѣе лабіализаціи свойственной гласной о. Но, и въ сочетаніи šo, žo нерѣдко наблюдается произношеніе «ö»; напр. mł́átšöj̯. Что такое произношеніе не объясняется вліяніемъ лабіализаціи, свойственной š, ž, это разумѣется по вышесказанному само собой. Сопоставляя взаимное отношеніе артикуляцій, скорѣе приходимъ къ заключенію, что

это явленіе нужно связать съ упомянутыми въ § 13 фактами: движеніе гласныхъ задняго ряда впередъ, въ болѣе палатальную артикуляцію, подъ вліяніемъ предшествующей передненёбной согласной, особенно сильное тамъ, гдѣ и за гласною слѣдуетъ согласная подобнаго, передняго образованія. Указываю на названный параграфъ.

— Остается еще сказать объ артикуляціи «щ»; ср. Программу для собиранія и т. д. § 123. Находимъ въ описываемомъ говорѣ какъ представителя «щ» сочетаніе, отдѣльныя части котораго — во-первыхъ š (задняго образованія, см. выше), потомъ супрадентальное, или можетъ быть лучше церебральное ṭ, къ которому опять присоединяется (заднее) š; значитъ «š + ṭ + š», что можно передать «štš» — или далѣе, болѣе удобно для транскрипціи, šč. Образуемое такимъ образомъ звуковое сочетаніе, съ голосовою параллелью žḍž, въ артикуляціонномъ отношеніи соединяется вполнѣ съ упомянутой выше категоріей š, ž; послѣ него находимъ y, не i: ščýraťь щипать и пр.; ему свойственна та же самая лабіализація, ср. транскрипціи вродѣ «ščǒǫrki», щепки; упомянутый выше, не вполнѣ ясный переходъ o въ ö послѣ š, ž выступаетъ и здѣсь, ср. вѣроятно 2. л. ед. połôščôš отъ połoskáťь.

Эти звуковыя сочетанія между тѣмъ часто, слѣдуетъ даже, можетъ быть, сказать правильно, подвергаются редукціи, которая является въ двухъ видахъ. Первый видъ состоитъ въ томъ, что редуцируется вторая щипящая, которая остается какъ сокращенный, переходный звукъ. Это отмѣчено во многихъ случаяхъ; напр. — обозначаю редуцированную шипящую уменьшеннымъ знакомъ — «ešṭˢó» еще (ср. при томъ eščé-by), «doḿíšṭˢo», «proštˢú» прошу, повел. «poištˢý» поищи, 2. ед. «xĺóšṭˢoš» (хлестать), «tóǫštˢə» толще; такъ, при полномъ ščo, что, иногда и «štˢo»; въ неударяемомъ положеніи притомъ чистое šṭo[1]). О послѣдней

1) Въ Их. или ясное ščo, безъ редукціи, или «š'ćo» или, наконецъ, «š'ťó-žo». Послѣднія формы, какъ видимъ, своею мягкостью и связаннымъ съ нею переднимъ образованіемъ звука t различаются существенно отъ вышеназванныхъ.

формѣ не знаю, считать ли ее параллелью старшаго происхожденія или же дальнѣйшимъ развитіемъ упоминаемой редукціи, съ полнымъ отпаденіемъ шипящей. Я склоненъ придерживаться перваго объясненія; хотя изрѣдка редукція достигаетъ такой степени, что склонялся писать просто «šṭ» (напр. въ proščái̯ťe, и не только въ Паньковѣ, но и у крестьянъ всей окрестности Шуйскаго), но за полное, рѣшительное изчезновеніе редуцированнаго ^{š} однакожъ не осмѣливаюсь ручаться. Какъ примѣры соотвѣтствующей редукціи ž укажу на «vožḍ^{ž}á» возжа, множ. ч. «vóžḍ^{ž}y», «ui̯ežḍ^{ž}áť» уѣзжать, «poi̯ȯžḍ^{ž}ái̯» поѣзжай. — Небезъинтересно добавить, насчетъ раздѣленія слоговъ, между которыми стоитъ сочетаніе šč, ždž (ср. въ § 3 и прим. въ § 15), что по моимъ наблюденіямъ первое š, ž примыкало обыкновенно къ предшествующему слогу; иначе однако въ «tou̯šṭ^{š}ə» толще, гдѣ слабѣйшая точка выдыханія была между u̯ и š: tou̯-šče.

Второй видъ редукціи поражаетъ ṭ, ḍ внутри этихъ сочетаній. Говоръ выказывалъ въ этомъ видѣ редукціи разныя степени развитія: ṭ, ḍ остаются въ полномъ образованіи—ṭ, ḍ начинаютъ исчезать, запираніе еще имѣется, но въ неполномъ видѣ (у меня [ṭ], [ḍ]) — ṭ, ḍ уже исчезли какъ самостоятельныя артикуляціи, но какъ слѣдъ запиранія остается нѣсколько болѣе узко образованное š, ž между двумя исконными — а наконецъ можетъ исчезать и это съуженіе, причемъ только особый напоръ выдыханія во второмъ š, ž этихъ сочетаній, т. е. слогораздѣленіе внутри долгой согласной (ср. § 7), мѣшаетъ полному слитію двухъ однородныхъ шипящихъ въ одну. Между этимъ видомъ редукціи и раньше упомянутымъ нѣтъ границы. Встрѣчаемъ и тотъ и другой въ одномъ и томъ же словѣ. Такъ, при названномъ «doḿíšṭ^{š}o» видимъ также «doḿíš[ṭ]šo»; далѣе напр. «proš[ṭ]šái̯u», «opuš[ṭ]šáu̯» опускалъ, «i̯éž[ḍ]žu», «obrýž[ḍ]žu» при «obrýžḍ^{ž}u» отъ brýzgať. Какъ сказано, запираніе внутри сочетанія можетъ исчезать совершенно, такъ что остаются только два однородныхъ шипящихъ, послѣдняя съ особымъ напоромъ выдыханія; такимъ образомъ, между двумя слогами, выходятъ дѣйствительныя «gemi-

nata», удвоенныя согласныя, о природѣ которыхъ была уже рѣчь въ § 7, по поводу «долгихъ» согласныхъ другого происхожденія; напр. 3. ед. «utaš-šýt», «kłádb̓iš-še», «v́éš-šy» вещи. Но и въ началѣ слова видимъ такое двойное š, напр. въ «š-šúk̓i» щуки. А если второй напоръ выдыханія исчезаетъ, что легко случается, напр., въ концѣ слова: «v́eš̱» вещь, то остается, какъ видно изъ послѣдней передачи, долгое š (ž). Можно ли помощью сокращенія этихъ собственно долгихъ длительныхъ объяснить формы какъ «ľoš» лещь и «továŕiš» товарищъ? И объясняетъ ли намъ то же явленіе š формы «voopšý» вообще?[1]).

§ 9. Отношеніе ł : u̯. Объ артикуляціи звука ł и физіологической причинѣ его перехода въ u̯ указываю на § 7. Такой переходъ наблюдается въ описываемомъ говорѣ, въ концѣ слога послѣ гласной. Напр. on mau̯ онъ малъ, но oná małá, ḿêu̯ мѣлъ, b̓iu̯ b̓íła и такъ конечно вообще въ прош. вр., Их. ṕéṕeu̯ пепелъ; внутри слова напр. odná móu̯ḿi[i̯]e, молнія (объ -e см. § 13). Между тѣмъ, u̯ вовсе не всрѣчается постоянно въ упомянутомъ положеніи. Насколько говоръ раньше имѣлъ его правильно, что очень возможно, мы теперь не въ состояніи рѣшить; а въ настоящее время видимъ полную смѣсь ł съ u̯. При выше названной формѣ для «молнія» видимъ также mółńii̯ä, ср. произношеніе образованнаго русскаго; при ućíu̯śe (-śö) видимъ ućíłśö; а въ иныхъ формахъ у меня отмѣчено и только ł: połnomóšnoi̯ полномочный, ot̄áłk̓ivať, mołćéť молчать, b̓êłka, ḿêłko, ḿêłka, b̓estołkôvai̯a, žołś род. žółsťi (желчь, чужое?), kôł колъ (такъ и въ Паньк. и въ Их.) и др.

Такъ какъ ł и u̯ по звуку довольно близки, то конечно не исключено, что я изрѣдка отмѣтилъ ł вмѣсто u̯ «по старой привычкѣ»; но что первое дѣйствительно очень часто встрѣчается на

1) Послѣдняя гласная этого слова заставила колебаться; частью она отмѣчена какъ у, что указало бы на «вообщи», а частью какъ «ö» или «ə», что указываетъ на «ще».

мѣстѣ ожидаемаго u̯, это безсомнѣнно. Я раньше сказалъ, что не можемъ теперь окончательно рѣшить, насколько замѣщеніе черезъ u̯ было раньше постояннымъ правиломъ. Есть однако указанія въ этомъ направленіи. Въ формѣ муж. р. прошедшаго времени, гдѣ находимъ, напр., и upáu̯ и upáł, pŕau̯ и pŕał и т. д., нужно считать ł младшимъ; а такъ вѣроятно и въ другихъ случаяхъ, какъ напр. ḿêł при выше назв. ḿêu̯ и под. Я по крайней мѣрѣ остался при убѣжденіи, что возстановленіе ł—явленіе совсѣмъ позднее.

Объясненія можно, конечно, для многихъ случаевъ искать въ вліяніи окружающихъ формъ съ правильно сохраняемымъ ł; такъ, напр., въ прош. времени, или въ прилагательныхъ вродѣ mau̯—małá и под. А у меня осталось изложенное въ § 16 впечатлѣніе, что переходъ совершается подъ вліяніемъ столичнаго и образованнаго произношенія, съ которымъ говоръ имѣетъ много и прямыхъ и косвенныхъ связей.

§ 10. Отношеніе j:i̯; [i̯] и испаденіе i̯ между гласными. Объ артикуляціонномъ отношеніи между длительной согласной j и употребляемой какъ согласная гласною i, «i̯», могу указать на то, что раньше писалъ, особенно на Сборникъ статей, посвящ. Ф. Фортунатову, 1902, стр. 134 сл. Между ясно различными конечными точками лежитъ безконечный рядъ варіантовъ, такъ что нельзя говорить о дѣйствительной границѣ. Что понимать какъ «j», а что какъ «i̯», поэтому легко переходитъ къ субъективному рѣшенію, если нарѣчіе не развило отдѣленныхъ другъ отъ друга, сознательныхъ категорій. А этого нѣтъ въ описываемомъ говорѣ, какъ и во всѣхъ тѣхъ славянскихъ говорахъ, надъ которыми до сихъ поръ сдѣлалъ наблюденія.

Что безсомнѣнная длительная согласная j, съ ясно слышнымъ свойсвеннымъ ей «треніемъ» выдыханія, встрѣчается въ говорѣ, я устанавливалъ не разъ. Такъ, чтобы привести нѣсколько примѣровъ, въ формахъ ихъ, имъ часто слышалось «jix», «jim»; тоже самое послѣ предлога, напр. «s-jim» съ нимъ,

«k-jim», ср. съ другой стороны «k-i̯ömú» къ нему. Далѣе, напр., въ глагольной формѣ (u)-jíďöt (-ďet) уѣдетъ, передъ i узкимъ, ср. § 1. Часто слышится, по всей окрестности, «mojí» мои. Передъ i, особенно передъ ударяемымъ, которое по § 1 нужно вообще характеризовать какъ напряженное, мы и склонны ожидать произношенія j; именно, чтобы получить впечатлѣніе j или i̯ передъ гласною, нужно, чтобы передъ нею имѣлась артикуляція болѣе узкая чѣмъ артикуляція самой гласной; а артикуляція, болѣе узкая чѣмъ напряженное i, уже сама собою обусловливаетъ положеніе языка, особенно удобное чтобы вызывать свойственное j «треніе» выдыханія. Такое объясненіе по крайней мѣрѣ очень привлекательно при разсмотрѣніи отношенія jíďöš ѣдешь: i̯édu ѣду. Однако, и въ положеніи передъ i не встрѣчаемъ постояннаго j. Такъ, въ упомянутыхъ мѣстоименныхъ формахъ часто приходилось передавать произношеніе «i̯ich», «i̯im»[1]).

А если нарѣчіе колеблется даже передъ ударяемымъ i, то, весьма естественно, еще менѣе можемъ ждать постояннаго j въ другихъ положеніяхъ. И въ такихъ встрѣчается j; но слѣдовъ опредѣленнаго правила я не нашелъ, и приходится вѣроятно заключить, что зависитъ чаще всего отъ энергіи артикуляціи или выдыханія, какой выходитъ результатъ, j или i̯. Такъ, отъ трехъ параллельно спрягаемыхъ глаголовъ ľiť, v́iť, ṕiť, я отмѣтилъ 1. л. ед. ч. какъ «ľju», «v́ju»—но «ṕi̯u»; «ель» передано то «i̯eľ», то «jeľ». А къ формамъ, относительно которыхъ наблюдатель не колебался, добавляются случаи, при которыхъ изслѣдователь не знаетъ, что собственно предпочитать; такіе отмѣчены, напр., въ имени «jogóŕei̯» («ближе, пожалуй, j-»), въ прилагательномъ óśi̯ö осье, въ вин. sv́iń̯i̯ú и др.

Между тѣмъ, не трудно было установить, что безусловно

1) Когда объ «имя» нарочно отмѣчено, что происносится «i̯íḿo, безъ j, но такъ, что передъ i слышится слабое съуженіе въ артикуляціи языка», то это явленіе вѣроятно правильнѣе связывается со сказаннымъ о словѣ «этотъ» въ § 15.

чаще говоръ употреблялъ вообще j̯, безъ упомянутаго согласнаго «тренія»; этотъ знакъ поэтому и слѣдуетъ, по типографическимъ соображеніямъ, провести въ дальнѣйшемъ описаніи, указывая на данное въ настоящемъ параграфѣ объясненіе. Особенно ясно выступаетъ «гласный» характеръ артикуляціи въ положеніи послѣ согласной, въ словахъ какъ podʹj̯ázok, родъ рыбы; произношеніе здѣсь сильно манило писать «podʹiázok», но отсутствіе особаго выдыхательнаго «напора» указало, что гласную артикуляцію i не слѣдуетъ считать особымъ слогомъ.

Прим. Такимъ же образомъ и мн. ч. ć̯i, чьи, производитъ впечатлѣніе «ćii». А еще далѣе это развитіе повидимому ведетъ, напр., въ имени Ólʹj̯a Ольга; оно звучитъ какъ «Ólʹij̯a», но такъ, что краткая гласная i между lʹ и j̯, насколько я могъ установить, произносится подъ тѣмъ же напоромъ выдыханія какъ предыдущій слогъ. Вполнѣ рѣшительно, однако, не смѣю утверждать послѣднее; но что во всякомъ случаѣ нельзя говорить о постоянномъ новообразованіи слога при подобныхъ условіяхъ, это доказываетъ, напр., odʹéńj̯e, одонье, гдѣ j̯ отмѣчено за ń рѣшительно безъ переходной гласной i.

Не безъ интереса при опредѣленіи характера звука j̯ далѣе и положеніе его въ концѣ слова послѣ i, напр. въ именахъ oĺekśi[j̯], ťimofʹí[j̯], ondŕí[j̯]: въ нихъ существующее при образованіи гласной i отверстіе между языкомъ и нёбомъ не съузилось послѣ i для новой, самостоятельной артикуляціи; выдыханіе продолжалось при томъ же самомъ положеніи артикулирующихъ частей, т. е. j̯ выражалось въ извѣстномъ удлиненіи гласной i, во время котораго выдыханіе, а съ нимъ и голосъ умирали; получалось приблизительно «ondŕí» и под. Подобное явленіе наблюдаемъ при -u[u̯], см. § 11.

— Особаго разсмотрѣнія заслуживаетъ судьба j̯ между двумя гласными, такъ какъ нашъ говоръ здѣсь уже удалился сильно

отъ общеславянскаго положенія вещей, не развивши однако еще вполнѣ послѣдовательныхъ результатовъ; степень развитія, до которой дошелъ говоръ, хорошо извѣстна и изъ другихъ нарѣчій Сѣверновеликорусскаго. Что значитъ собственно «междугласное ị̯ (j)», я уже разсмотрѣлъ въ упомянутой выше статейкѣ въ Фортунатовскомъ Сборникѣ. Чтобы достигнуть впечатлѣнія того, что называется популярно «ị̯» между гласными, какъ тамъ указано, не нужно всегда, чтобы дѣйствительно существовала артикуляція i. Что первоначальное «ị̯» напротивъ между двумя гласными часто выражается гораздо болѣе открытыми артикуляціями, это часто наблюдается въ описываемомъ говорѣ. Между двумя a, напр. въ срав. степ. skoґája скорѣе, въ жен. р. sḿêɬaja (sḿêɬoj смѣлый) и др., обозначеніе «-aẹa», повидимому, было бы вообще такъ же, если даже и не болѣе умѣстно. А и въ другихъ положеніяхъ, напр. въ формахъ наст. вр. znáju, znájöt, артикуляцію между двумя гласными часто слѣдуетъ характеризовать скорѣе какъ ẹ; она поэтому и выступаетъ слабо въ отношеніи къ окружающимъ гласнымъ. Ср. далѣе напр. «stoẹát» стоятъ, «goґüćaẹa śêra» горючая сѣра.

Этой редукціей въ степени закрытости гласной, употребляемой какъ согласная, вѣроятно и объясняется часто встрѣчающееся полное выпаденіе стараго ị̯ между двумя гласными, изъ которыхъ ни та ни другая — i. Говоръ выказываетъ разныя ступени этого развитія, которое наблюдается по всей окрестности Шуйскаго. Видимъ, напр., zájeć заяцъ, гдѣ ị̯ еще имѣется, въ болѣе узкомъ или, чаще, въ болѣе открытомъ оттѣнкѣ; но при томъ и záeć, гдѣ передъ e не имѣемъ болѣе той болѣе узкой артикуляціи, которая обозначала бы собою «ị̯». Также, напр., śiĺńéja и -ńéa сильнѣе; boj̯éĺiś и boéĺiś боялись. Такія двойныя формы можемъ, не вызывая недоразумѣнія, отмѣчать тѣмъ же знакомъ [j̯], который употребляется и для иной цѣли (см. выше); напр. tŕetj̯á[j̯]a третья, kaká[j̯]a, bo[j̯]éĺiś. Въ такихъ случаяхъ болѣе естественный и скорѣйшій темпъ выбрасываетъ «ị̯»; элементъ ị̯ выступаетъ при болѣе медленной рѣчи, а въ формѣ, какъ

упомянутое только что «boj̯éľiś», надо было признать его искусственнымъ, такъ какъ онъ выступалъ только при произношеніи слогъ за слогомъ. Еще яснѣе отражалась эта «искусственность», когда при особенно медленномъ, отчетливомъ произношеніи можно было слышать даже «bu-vá-j̯at» бываетъ: именно, послѣднее а обязано своимъ происхожденіемъ самому выпаденію первоначальнаго j̯; а несмотря на это нововведенное j̯ оставляетъ его въ покоѣ.

Какъ увидимъ въ § 13 насчетъ отношенія 'o:'ö:'e, то произношеніе, которое выступаетъ при особенно медленномъ темпѣ, когда выговариваютъ слогъ за слогъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что слышится при скоромъ темпѣ, нужно признать какъ бы искусственно архаизирующимъ; но въ обоихъ случаяхъ оно имѣетъ, конечно, подпору въ реальной подкладкѣ, въ существующемъ лингвистическомъ принципѣ, такъ что выраженіе «искусственный» прошу не понимать въ какомъ либо особенномъ смыслѣ.

Нѣсколько иначе нужно, конечно, обсуждать то отношеніе въ говорѣ, что, напр., при daj̯ú, daj̯óš находимъ daeťó (наст. вр. глаг. давать), при stoj̯ú — stoéť (стою — стоять); poj̯ú, poj̯óš, poj̯út, но 2 мн. poeťó; báj̯u — báeš (рѣже báj̯oš); мн. xoźéeva (xoźéin хозяинъ), но род. xoźéj̯of; ср. далѣе pťíća kakáa (какая) съ xorôḿinu kakúj̯u. Условія различія легко видны; не находимъ, напр., *moú вм. moj̯ú или *daóš вм. daj̯óš; передъ гласными u и o j̯ не выпадаетъ. Передъ u отмѣчено только одно исключеніе, и то передъ оттѣнкомъ ů (см. § 13), или лучше между двумя ů: śíńů[j̯]ů синюю; иногда и въ kľůj̯út клюютъ j̯ становилось слабымъ, такъ что форма склонялась къ -ůút; но обыкновенно j̯ здѣсь выступало ясно. Передъ полнымъ o я не имѣю примѣра потери j̯; но интересно въ этой связи, что по мѣрѣ того, какъ o, по § 13, приближалось подъ извѣстными условіями черезъ ö къ e, ослабѣвалась и артикуляція j̯ передъ нимъ, а при полномъ переходѣ въ e и вовсе выпадала. Ср. выше báj̯oš: báeš (баешь); далѣе, напр., «on vľaďí[j̯]öt źémľu» онъ владѣетъ землей, а при скорѣйшемъ темпѣ и vľaďíet; zďéľa[j̯]öm. При слѣдую-

щемъ а, i̯ можетъ исчезать, но только если а безъ ударенія: stoi̯áu̯, а не *stoáu̯. Передъ е можно сказать, что i̯ не только можетъ свободно исчезать, но въ практикѣ и вообще исчезаетъ.

Когда первоначальное междугласное i̯ (j) уже исчезало, столкновеніе двухъ гласныхъ вызываетъ отчасти дальнѣйшія перемѣны; нашъ говоръ выказываетъ въ этомъ отношеніи разныя ступени развитія. Отчасти гласныя остаются безъ перемѣны, какъ два полныхъ слога, съ разными «напорами» выдыханія. Такъ въ извѣстныхъ случаяхъ, упомянутыхъ выше; далѣе напр. ńećáan̄o нечаянно, zaboráńivaeš, pťíća kakáa, ťeŕéetśe (-će? см. § 8) теряется, ńe uḿêet, ṕeŕeľezáem, buváet бываетъ, ostavľéet оставляетъ, ńe znáem. Послѣ а, е легко уподобляется въ а: buváat, vysyłáat и под. — Далѣе, двѣ тождественныхъ гласныхъ могутъ сливаться въ одинъ слогъ. Получается тогда, конечно, собственно долгота. Если эта не носитъ ударенія слова, то она отчасти сохраняется: tołkôv́eńk̄ā̄ толковенькая (см. § 12), tvoŕíľnā źemľá («tvoŕíło — земля, гдѣ домъ построенъ»), porobótāš[1]) поработаешь; но она можетъ и исчезать, такъ что трудно было ее подмѣтить (это отмѣчено напр. въ zaboráńivāš, ср. выше), или даже совершенно (напр. robótat[1]) при -tai̯öt). Если же первая изъ гласныхъ ударяема, то вторая сама собою подчиняется ей по силѣ выдыханія, такъ что переходъ отъ двухъ слоговъ съ отдѣльными, самостоятельными выдыхательными напорами въ одинъ слогъ, съ долгою гласною подъ «дву-напорнымъ» (zweigipflig) удареніемъ, не опредѣляется ясной границей; рѣшеніе, имѣемъ ли то или другое, въ сущности субъективное: чѣмъ сильнѣе второй напоръ въ отношеніи къ первому, тѣмъ ближе подходимъ къ двумъ самостоятельнымъ слогамъ, и обратно. Случаи, въ которыхъ двѣ гласныхъ оставались еще отдѣльными слогами, указаны выше. Какъ односложное, долгое и двунапорное а отмѣчено, напр., въ «ńe znā̃m», «vysyłā̃t», «buvā̃t» («а po robôťe

1) Навѣрное описка вм. — bôtaš, ср. § 5; эти формы отмѣчены въ началѣ наблюденій, когда вопросъ о : ô мнѣ оставался еще неяснымъ.

páužna, buvât f-tŕi ćasá; a úžna buvât vôśem ćasôf i v-ďévet ćasôf»). Первая часть этого ударенія не только сильнѣе второй по выдыханію, но и выше ея по тону. — Между тѣмъ, второй напоръ («zweiter Gipfel») этого ударенія, повидимому, склоняется къ ослабленію; въ такомъ случаѣ произношеніе часто сильно напоминало сербское ^, нерѣдко по моему становилось просто тождественнымъ съ нимъ, такъ чтобы можно было писать «eto buvât», «my šitâm» считаемъ, «zaďövât» при -váet, задѣваетъ и под. Движеніе тона въ такихъ случаяхъ совершенно параллельно съ сербскимъ, т. е. довольно ровно падающее. Существуетъ ли еще, въ вообще падающемъ по силѣ выдыханія, вторая «верхушка», второй, слабѣйшій напоръ, не осмѣливаюсь рѣшить общимъ правиломъ, такъ какъ самъ колебался; въ иныхъ случаяхъ второй напоръ по моему совершенно исчезаетъ, такъ что выдыханіе представляетъ непрерывное decrescendo; а въ другихъ не смѣю этого утверждать. Но, и это согласуется съ наблюденіями надъ сербскимъ ^, если, напр., съ результатами экспериментальной фонетики у Gauthiot (Étude sur les intonations serbes, Mémoires de la Soc. de Ling. de Paris, t. XI, p. 336 sv.) сравнить замѣтки наблюдательнаго сербскаго уроженца Решетара въ Archiv f. slav. Phil. XXIV стр. 251 сл., по которымъ дву-напорное произношеніе сербскаго ^ едва-ли можно считать постояннымъ правиломъ, «особенно не при спокойной, не громкой рѣчи..»[1]) — Если же второй напоръ выдыханія вполнѣ исчезаетъ, единственнымъ слѣдомъ слитія двухъ гласныхъ остается извѣстная долгота. Можемъ наконецъ добавить, что въ единичныхъ случаяхъ и эта долгота исчезаетъ, несмотря на положеніе подъ ударенiемъ; въ бѣглой рѣчи отмѣчено, напр., «ńe znám, kakój . . .», съ такимъ же

1) Я, конечно, не осмѣливаюсь считать свое ухо достойнымъ соперникомъ съ регистрирующими аппаратами Rousselot. Однакожъ можно скромнымъ образомъ, безъ обиды никому, примкнуть къ высказанному Решетаромъ мнѣнію; оно согласуется съ моими наблюденіями. Небезынтересно при томъ, что и такой тонкій наблюдатель, какъ мой землякъ Стормъ, какъ будто отмѣтилъ только одну выдыхательную верхушку. Во всякомъ случаѣ считаю пока рискованнымъ строить слишкомъ много на результатахъ Gauthiot.

произношеніемъ какъ, напр., «дамъ», при «znãm», о которомъ выше.

Изъ обсужденія междугласнаго i̯ (j) я исключилъ пока случаи, гдѣ гласныя, между которыми имѣется «i̯», одна или обѣ—i. Именно, какъ указано подробно въ вышеназванной статейкѣ Фортунатовскаго Сборника, имѣемъ въ такихъ случаяхъ въ фонетическомъ отношеніи частью дѣло съ другими явленіями, чѣмъ когда «i̯» стоитъ между гласными не i.

Такъ, въ сочетаніи «ii̯a», i̯ можетъ обозначать собою особенное съуженіе, у́же стоящаго передъ нимъ i; но впечатлѣніе «i̯» получается и безъ такого съуженія, если слабѣйшая точка выдыханія лежитъ передъ окончаніемъ i-овой артикуляціи, такъ что частица i отрывается къ слѣдующему слогу. Послѣднее нужно считать нормой того «i̯», которое выступаетъ въ названномъ положеніи въ описываемомъ говорѣ, напр. въ głuxíi̯ö глухіе, stánu śíi̯eť.. сѣять, gńii̯ŭt гніютъ и мн. др. Незначительное передвиженіе въ выдыханіи, т. е. перемѣщеніе слоговой границы, здѣсь ведетъ отъ, напр., «śíi̯eť» къ «śíeť», безъ «i̯». Всюду можно было слышать и то и другое произношеніе бокъ о бокъ, а можно потому и колебаться, слѣдуетъ ли писать съ или безъ «i̯». Такіе двойные или сомнительные случаи, для которыхъ невозможно установить опредѣляющихъ границъ, обозначаются помощью [i̯]: Kí[i̯]of, on vładí[i̯]öt źémľu владѣетъ землей, pośí[i̯]ena посѣяна и т. д. Мѣстоположеніе ударенія на второй изъ гласныхъ, повидимому, не развиваетъ другихъ или болѣе твердыхъ правилъ; видимъ sḿiáu̯śe смѣялся при неопр. sḿii̯étśe (-ćе? см. § 8), gńii̯ŭt при gńi[i̯]ót гніетъ[1]).

Если же вторая изъ гласныхъ—i, то существованіе «i̯» (j) между гласными, повидимому, нужно считать рѣдкимъ явленіемъ

1) За то можно спросить, не вліяетъ ли качество второй гласной на существованіе или несуществованіе «i̯». По краткому моему знакомству съ говоромъ, я во всякомъ случаѣ считалъ бы слогораздѣленіе въ родѣ *gńi-ut или *śí-u, безъ «i̯» какъ будто неестественнымъ, между тѣмъ какъ sḿi-áu̯śe, gńi-ót по выше сказанному даются весьма естественно. Ср. объ i̯ въ положеніи между гласными не i.

Обыкновенно видимъ, напр., stoíš стоишь, dvoíx, dvoím, doíť, poíť, strôiť, ńe stôit не стóитъ; poi̯ú, no poroíš, dvoíť — výdvoiť, udváivať, moí, moíx. Однако, существуетъ и произношеніе съ яснымъ i̯ (j); уже выше указано на mojí, которое при moí нетрудно было выхватить въ спокойной, болѣе медленной рѣчи изъ произношенія окружающихъ Шуйское деревень; ср. далѣе форму какъ obôi̯i обои. Въ такомъ положеніи рѣчь идетъ, конечно, только объ i̯ (j), образованномъ дѣйствительнымъ артикуляціоннымъ съуженіемъ; иначе не могли бы его здѣсь объяснить. И въ такомъ положеніи можно найти двойныя формы какъ podoíi̯a подоила при -i̯i̯a; въ транскрипціи это указано черезъ -[i̯]i̯a; такъ и mo[i̯]ím.

Прим. 2. Въ этой связи могу указать на форму śećás сейчасъ, при болѣе рѣдкомъ śei̯ćás.

§ 11. Согласная v въ отношеніи къ w и u̯; знакъ [u̯]. Артикуляція чистой губно-губной длительной «w», какъ извѣстно, ясно различается отъ употребляемой какъ согласная гласной u («u̯»). Однакожъ, и между ними трудно возстановить рѣзкую физіологическую границу. Переходъ посредствуется безъ яснаго перерыва или прыжка.

Далѣе, чистая губно-губная длительная «w» ясно различается по артикуляціи отъ чистой губно-зубной длительной «v», при которой свойственное длительнымъ «треніе» выдыханія производится между нижней губой и верхними зубами, безъ активнаго участія верхней губы. Однако, и здѣсь нельзя сказать, чтобы переходъ w > v или обратно произошелъ непремѣнно яснымъ «прыжкомъ» въ фонетическомъ отношеніи; участье со стороны верхней губы имѣетъ возможность оттѣняться до безконечнаго.

Итакъ, конечныя точки этого звукового ряда, v — (w) — u̯, нетрудно различать другъ отъ друга ни для какого наблюдателя; а иначе съ тѣмъ рядомъ оттѣнковъ, который лежитъ между

этими точками въ непрерываемой артикуляціонной цѣпи, но который для описываемаго говора менѣе важенъ.

Именно, въ Паньковскомъ говорѣ, какъ и насколько я наблюдалъ, въ окружающихъ, встрѣчаемъ, съ одной стороны развитое изъ ł въ концѣ слога ясное u̯ (ср. § 9), а съ другой стороны ясную губно-зубную длительную согласную v, переходящую при потерѣ голоса въ также безсомнѣнное губно-зубное f.

Попадались однако случаи губной длительной, въ которыхъ я или колебался, не содѣйствуетъ ли верхняя губа активнымъ образомъ, или же узнавалъ дѣйствительное «w». Они немногочисленны. Они притомъ отмѣчены при обыкновенномъ v (напр. «sowój» и sovój, совой, «ďéŕewo» и -vo, ńezvánoj и -wa- и др.), такъ что не можемъ говорить о грамматическомъ правилѣ. Не смотря на это считаю не лишнимъ разсмотрѣть это явленіе. Отмѣтимъ, во первыхъ, что передъ звуками e и i въ моемъ матеріалѣ встрѣчаемъ только v, часто съ особымъ подчеркиваніемъ его чисто губно-зубнаго характера: ovdovêu̯, -vêła, vdovéć, śíver сѣверъ и мн. др.; единственное замѣченное исключеніе — пов. «zowí» при zoví. Передъ a склонность къ употребленію верхней губы уже иногда выступала («ńezwánoj», «vdowá», «korowáj», «sowá»), однако чаще въ слабой степени, такъ что наблюдатель оставался въ сомнѣніи, писать ли лучше v или w (такъ, напр., въ íva, ćerkvám, ćerkváx, travá, род. dóbrova, xudóva и др.). Но чаще всего, повидимому, и при томъ въ самой развитой формѣ склонность выступала передъ гласными o, u и y (rozgowór, sowý — sowú — sowój, vdowú — vdowój, zowút и др.).

Послѣдняя черта дѣлаетъ вѣроятнымъ, что склонность къ развитію w стоитъ въ связи съ извѣстной лабіализаціей, переданной отъ слѣдующей гласной; что дѣйствуетъ этакимъ образомъ и y (ы), согласовалось бы съ мнѣніями, высказанными Свитомъ о московскомъ, ср. его выше названную статью, стр. 550, въ отдѣлѣ «Rounding». Но это объясненіе одно недостаточно; оно бы не объясняло, что попадается «w», полное или приблизительное, и передъ a; при томъ, въ случаѣ какъ dvôr дворъ, при

отчетливомъ произношеніи[1]) можно было наблюдать, что лабіализація, даже сильная степень ея, можетъ переходить на v, не измѣняя его въ w, т. е. не уничтожая свойственное настоящему v «треніе» выдыханія «губно-зубное». Добавимъ еще, что въ началѣ слова встрѣчалось постоянно ясное v, все равно передъ какою гласною.

Наблюденія мои притомъ выставляютъ другой моментъ какъ главный при переходѣ v въ w: переходъ повидимому связанъ съ вообще болѣе слабымъ или лѣнивымъ произношеніемъ и артикуляціей. При отчетливомъ выговорѣ онъ вовсе не встрѣчался, или по крайней мѣрѣ весьма рѣдко, такъ что невозможно говорить о «склонности». Въ менѣе отчетливомъ произношеніи склонность развивалась, и находила тогда, можетъ быть, естественную подпору въ лабіализаціи, существующей повидимому передъ извѣстными гласными говора.

— Звукъ u̯ въ нашемъ говорѣ встрѣчается только въ концѣ слога. Особый интересъ имѣетъ u̯ въ концѣ слова послѣ гласной u. «u̯» здѣсь, какъ и -i̯ послѣ i, можетъ выступать въ двухъ видахъ. Или оно имѣетъ артикуляцію, нѣсколько уже предшествующаго u, т. е. обозначаетъ собой самостоятельную, новую артикуляцію; или же оно обозначаетъ собой только продолженіе имѣющейся ужъ въ предшествующемъ u артикуляціи, т. е. придаетъ этому u извѣстное удлиненіе. Первое отмѣчено, напр., въ doćúu̯ дочулъ, ťanúu̯; второе, напр., въ źáḃnu[u̯], poǵínu[u̯], podvínu[u̯]. Послѣднее произношеніе, повидимому, легче развивается въ слогѣ неударяемомъ; однако форма какъ du[u̯] дулъ, при duu̯, показываетъ, что такая артикуляція не чужда и ударяемому положенію. Повторяю, что u̯, исчезая какъ самостоятельная артикуляція, придавало предшествующему u извѣстную долготу; вмѣсто «du[u̯]» поэтому было бы можно писать и «dū», съ однонапорной, по силѣ падающей долготой; а первое обозначеніе по моему практичнѣе.

---

1) Насчетъ лабіализаціи ô и связанныхъ съ ней разсужденій см. § 5 и § 14.

§ 12. Моменты къ палатализаціи. О разномъ видоизмѣненіи разныхъ согласныхъ артикуляцій подъ вліяніемъ палатализаціи, можно указать на разныя работы; см. Sievers, Phonetik, 5. Ausg. P. 185 сл.; русскимъ легко доступно разсмотрѣніе Богородицкаго въ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку, Казань 1901, стр. 40 сл. Согласныя «мягкія» по своему отношенію къ соотвѣтствующимъ «твердымъ» распадаются на группы. Въ одной, палатальная артикуляція языка можетъ присоединяться къ артикуляціи, сохраняемой въ остальномъ неизмѣненной (губныя); въ другой, артикуляція языка измѣнена отъ соотвѣтствующей «твердой» (ср. напр. н : нь; это «зубныя» въ болѣе широкомъ смыслѣ слова); а въ третьей, наконецъ, образъ артикуляціи остается вообще неизмѣненнымъ отъ артикуляціи «твердыхъ», но мѣсто артикуляціи дѣлается болѣе переднимъ (гортанныя).

Разныя палатализованныя согласныя описываемаго говора не даютъ впрочемъ повода ко многимъ замѣчаніямъ, если сравнить ихъ съ произношеніемъ образованнаго (сѣвернаго) русскаго. О слышномъ обыкновенно между ť, ď и слѣдующей гласной переходномъ звукѣ (Сиверсъ, назв. кн., стр. 188), напр. въ ťeźeťó везете, а также въ сочетаніи -ťi- и др., отмѣтимъ, что онъ выступаетъ ясно, какъ упоминаемый Сиверсомъ характерный звукъ «chi» (χ), а съ голосомъ слѣдовательно какъ j; за то не замѣчается того развитія этого переходнаго звука въ согласную свистящую, которое такъ извѣстно изъ южныхъ и западныхъ русскихъ нарѣчій. — О палатальныхъ гортанныхъ, напр. ḱ въ tôlʹḱö (-ḱe) только, можно отмѣтить, что мѣсто закрытія во всѣхъ положеніяхъ тоже самое, что наблюдаемъ передъ i; это выходитъ особенно ясно при наблюденіи надъ k съ слѣдующимъ e: и въ такомъ положеніи слышится переходный звукъ «i» отъ ḱ къ слѣдующей гласной. При гортанныхъ можно, такимъ образомъ, говорить о «i'овой палатализаціи».

За то, если изучать степень палатализаціи по высотѣ спинки языка, нужно сказать, что говоръ не проявляетъ «i'овой палата-

лизаціи». Такъ какъ это обстоятельство довольно интересно и при томъ заключаетъ въ себѣ разницу отъ того Великорусскаго, которое опишу въ слѣдующей работѣ, то немного болѣе широкое изложеніе этого вопроса не будетъ безполезнымъ. Исходной точки для опредѣляющихъ наблюденій можно искать въ упомянутой уже принципіальной разницѣ между отдѣльными группами палатализованныхъ согласныхъ. При «губныхъ» палатализація присоединяется къ имѣющейся уже въ твердыхъ губныхъ артикуляціи губъ (или нижней губы), какъ особое прибавленіе: передній языкъ, который при «pa», «ba» и под. занимаетъ внутри губной то же самое низкое положеніе, какъ при слѣдующемъ a, при «ṕa», «ṕo», «ḿa» и под. поднимается сводомъ въ направленіе къ переднему нёбу. Но степень этого приближенія къ переднему нёбу можетъ, конечно, быть очень различна; ее удобнѣе всего изучать, прислушиваясь къ переходному звуку отъ палатализованной согласной къ слѣдующей гласной. Въ сочетаніяхъ какъ pi bi mi fi vi нашъ говоръ не имѣетъ особаго переходнаго звука между согласной и i; изъ этого заключаемъ, что положеніе передняго языка во время губнаго запиранія, при открытіи этого a далѣе во время произношенія i остается практически неизмѣняемымъ; артикуляція языка внутри согласной вполнѣ адаптирована къ слѣдующему i; выражая это условно помощью коэффиціента надъ губною, получимъ, напр., «p^{i}i», «m^{i}i» и т. д. А если перейдемъ къ тѣмъ же согласнымъ передъ e, которое нужно вообще, по § 1, въ нашемъ говорѣ считать во всякихъ положеніяхъ ненапряженнымъ («открытымъ») e, лишь съ слабыми оттѣненіями, то видимъ здѣсь тоже самое. И pe, be, me и т. д. не имѣютъ переходнаго гласнаго звука (въ родѣ минимальнаго i̯ или же закрытаго ê̯) отъ согласной къ открытому e[1]);

1) По крайней мѣрѣ въ ровной, свободной рѣчи; въ ударяемомъ слогѣ, при особой вычеканенности рѣчи, случалось, что ухо колебалось не множко, не занимаетъ ли языкъ въ губной согласной немножко высшее положеніе, чѣмъ въ слѣдующемъ e; однако, рѣшительно подтвердить этого не удалось мнѣ ни въ какомъ случаѣ.

поэтому опять заключаемъ, что положеніе языка во время губнаго запиранія, при открытіи этого и далѣе во время гласной е остается неизмѣненнымъ («p̊e», «m̊e» и под.). Значитъ, и здѣсь нужно довольствоваться собственно выраженіемъ, что согласная «адаптирована» къ слѣдующей гласной. Будемъ ли здѣсь говорить о «палатализованномъ» произношеніи губныхъ или нѣтъ, зависитъ поэтому до извѣстной степени отъ личнаго усмотрѣнія: и въ сочетаніяхъ ра, та и т. д. артикуляція языка адаптируется внутри губной согласной къ слѣдующей гласной («p̊a», «m̊a» и т. д.), но не считаемъ это явленіе достойнымъ особаго названія. Другое дѣло, когда въ нашемъ говорѣ гласная, слѣдующая за «мягкою» губною согласной, артикулируется съ болѣе низкимъ положеніемъ передняго языка, чѣмъ въ открытомъ е, т. е. при ä, а, о и др.; въ такомъ случаѣ выступаетъ по открытіи губнаго запиранія тотъ передненёбный переходный гласный звукъ, который доказываетъ, что современно съ артикуляціей губъ передній языкъ занимаетъ высшее положеніе, чѣмъ свойственное слѣдующей гласной, и при помощи котораго ухо прежде всего различаетъ, напр., «ṕa» отъ «pa»; тогда и стоимъ передъ не только «адаптированной» но и «палатализованной», въ узкомъ смыслѣ слова, согласной.

Изъ сказаннаго понимаемъ, что для губныхъ согласныхъ нашего говора, по отношенію къ высотѣ передняго языка, можно говорить не объ «i'овой», а объ «e'овой» палатализаціи, или если кто предпочитаетъ, о «степени открытаго е» для ихъ палатализаціи. Иногда это и выходило яснымъ образомъ для слуха. Напр., въ прош. ḿoo̯ (мелъ, кор. мет-) или въ 3. мн. b̓ogút бѣгутъ, ухо прямо могло хватить, какъ языкъ внутри ḿ, b̓ артикулировалъ е, такъ что переходный звукъ послѣ нихъ, развитый иногда до очень яснаго гласнаго оттѣнка, звучалъ какъ дѣйствительное, краткое е, т. е., въ грубой передачѣ приблизительно «me̯oo̯», «b̓e̯ogút» («m̊e̯oo̯», если обозначать при томъ и внутреннюю адапцію согласной).—Въ единичныхъ случаяхъ это наблюденіе можно было распространять и черезъ границу губ-

ныхъ; отмѣчу, что въ словѣ toṕéŕ теперь, гдѣ ŕ сохраняетъ голосъ до самаго своего конца, послѣ ŕ голосъ умиралъ въ коротенькомъ, но ясномъ гласномъ звукѣ — не i, но открытомъ e; въ грубой передачѣ «toṕéŕę» или под.; ср. ниже, объ отношеніи артикуляціи ŕ къ r.

Изложенное наблюденіе надъ палатализаціей губныхъ заставляетъ невольно спросить: какъ тогда писать, pi или ṕi, pe или ṕe и т. д.? «kopéi̯ka» или «koṕéi̯ka» «bérek» или «b́éŕek», «beréš» или «b́eŕéš» (ср. b́örú беру), «sołovéi̯» или «sołov́éi̯», «lébeť», или «ľéb́eť» лебедь, «méľńića» или «ḿéľńića», «pétľä» или «ṕétľä», «pogíbeľ» или «poǵíb́eľ», и т. д.? Отвѣчу только, указывая на выше сказанное насчетъ «адапціи» и «палатализаціи» въ узкомъ смыслѣ слова, что выборъ долженъ зависѣть отъ личнаго усмотрѣнія; недостатки и непослѣдовательность сопровождаютъ и тотъ и другой способъ передачи; за то новые знаки причинили бы и типографіи и читателю новыя трудности по, въ сущности, хорошо извѣстному и по крайней мѣрѣ легко понимаемому предмету. Почему я удержалъ знакъ палатализаціи, т. е. пишу ṕi, ṕe, b́i, b́e и т. д., выясняется изъ дальнѣйшаго изложенія.

Если прослѣдить вопросъ о гласномъ переходномъ звукѣ отъ согласной къ слѣдующей гласной далѣе, то и при r и l находимъ то же самое правило, какъ при губныхъ (ср. выше примѣръ toṕeŕ): r переходитъ прямо въ слѣдующее e, напр. въ dŕemľú, dŕémľeš, почему и здѣсь можно было бы обходиться безъ обозначенія «палатализованнаго» r; а и при ľ не слышался передъ e, напр. въ pôsľe послѣ, kľépľeš, неопр. gľédíť глядѣть, Vaśíľei̯ и под., характерный переходный звукъ, «off-glide», который такъ ясно наблюдается при этихъ же палатализованныхъ согласныхъ, напр., передъ a. Можно добавить, что отсутствіе его отмѣчено послѣ r еще и передъ ů (ср. § 13): kŕůćók, а послѣ l и передъ ö: k̂ľöščý клещи, pľöšývoi̯ плѣшивый[1]); послѣд-

1) Напротивъ, если первый слогъ выговаривался съ o, ср. § 13, переходный звукъ выступалъ ясно.

нее легко понятно, такъ какъ ö вѣдь имѣетъ ту же самую артикуляцію языка, какъ e, ср. § 8 и § 13. — Само собою разумѣется, что при r и l не можемъ объяснить обсуждаемое явленіе вполнѣ, какъ при губныхъ. Они не имѣютъ, какъ эти, отдѣленное отъ прочей артикуляціи положеніе передняго языка, которое можно регулировать независимо, вполнѣ про себя. Въ r, l при палатализаціи перемѣняется, какъ извѣстно, имѣющаяся артикуляція передняго языка, а именно, за переднимъ концомъ языка, который при непалатализованныхъ видахъ даетъ намъ характеристическую артикуляцію r, l[1]), еще поясъ передняго языка поднимается выпуклымъ сводомъ въ направленіе къ переднему нёбу. Что при этомъ движеніи первоначальная артикуляція конечной части языка нѣсколько мѣняется (при ŕ въ отношеніи къ r передвигается нѣсколько впередъ, при l̓ поясъ запиранія какъ будто увеличивается), можемъ оставить въ сторонѣ; а намъ важно, что «степень» палатализаціи здѣсь повидимому опредѣляется величиною («широтою») и большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ нёбу упомянутаго добавочнаго выпуклаго свода[1]). Отсутствіе переходнаго звука i'оваго характера къ слѣдующему e поэтому—достаточный указатель; напр., объ l̓ изъ этого можно заключить, не приближается ли оно въ такомъ случаѣ сильно къ извѣстнымъ (напр. нѣмецкимъ) «среднимъ» типамъ l? А вотъ это именно и оказалось безсомнѣннымъ для моего слуха.

Слѣды этого же явленія можемъ преслѣдовать еще дальше. Мы видѣли, что согласная r, по тому образу, какимъ она подвергается палатализаціи, хотя и не совпадаетъ вполнѣ съ группой губныхъ (см. выше), но примыкаетъ къ ней: палатализація состоитъ, главнымъ образомъ, въ добавкѣ къ уже имѣющейся артикуляціи еще новой. Такъ и понимаетъ Sweet дѣло въ

1) Оставимъ при томъ въ сторонѣ положеніе задняго языка въ ł ср. § 7.

2) Можно непосредственно провѣрять это особенно въ l; чѣмъ бо́льшая часть спинки языка прикладывается къ нёбу, чѣмъ меньше «открытымъ» оно такимъ образомъ становится, тѣмъ болѣе «палатализованно» оно звучитъ съ все высшимъ своимъ собственнымъ тономъ. Ср. къ этому Sievers, l. c. 314.

раньше упомянутомъ эскизѣ московскаго произношенія въ Transactions и т. д., см. стр. 548. Съ r уровняетъ англійскій наблюдатель также s, z. Хотя, по моему, слѣдуетъ сильнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ Свитъ, подчеркнуть его указаніе, что въ этихъ согласныхъ, кромѣ добавки новой артикуляціи, палатализація и передвигаетъ уже существующую, въ соотвѣтствующихъ твердыхъ типахъ, нѣсколько впередъ; именно, эта черта приближаетъ упоминаемыхъ мягкихъ согласныхъ въ артикуляціонномъ отношеніи къ группѣ «зубныхъ» (см. выше). Однако, наблюденіе опытнаго изслѣдователя позволяетъ во всякомъ случаѣ заключить, что то выраженіе, которое находитъ себѣ «палатализація» въ этихъ согласныхъ, стоитъ еще на границѣ того, что видимъ при мягкихъ губныхъ: добавки новой, вполнѣ самостоятельной артикуляціи. Въ связи съ этимъ интересно отмѣтить, что въ ć передъ e, напр. въ ćérkoſ, а особенно въ неударяемомъ слогѣ[1]), напр. творит. pťíćeį, dv̆onáćeť двѣнадцать, выпуклое положеніе переднаго языка, которое отличаетъ ś отъ s, напр. образованное русское «ся» отъ «са», и которое поэтому и различаетъ ć отъ c, иногда бывало такъ слабо развито, что не было слышно никакого гласнаго переходнаго звука, болѣе узкаго чѣмъ e, почему опять во многихъ случаяхъ являлось искушеніе считать «ć» настолько же «твердымъ» сколько «мягкимъ»[2]). Тоже самое видимъ въ глагольномъ окончаніи возвратномъ. При отчетливомъ, медленномъ произношеніи гласною окончанія выступаетъ -o, а при болѣе скоромъ это -o, по § 13, подъ вліяніемъ предшествующей палатализованной согласной, развивается часто, черезъ -ŏ, въ -e. А между тѣмъ какъ въ формахъ какъ boítśo (боится; о вопросѣ «t + ś» или «ć» ср. § 8) гласный передненёбный переходный звукъ между ś и o выступалъ ясно, онъ за то совершенно исче-

1) Ср., что неударяемое e, по § 2, немножко закрытѣе ударяемаго?

2) Послѣ ударенія, въ концѣ слова, напр. въ ťiźińeć, я отмѣтилъ очень слабую палатализацію, однако такъ, что никто не сомнѣвался бы, что она существуетъ. Не зависитъ ли слабость ея отъ низкаго положенія передняго языка, отъ того, что степень ея равняется гласной e, а не i?

залъ, когда конечная гласная достигала ступени -e, напр, ťagáiutśe, неопр. ťagátśe тягаться; и самая дорсальная выпуклость, которая вообще отличаетъ ś отъ s, была очевидно такъ слабо развита, что нерѣдко, или даже вообще можно было съ не меньшимъ правомъ писать «-tse», ср. въ кирил. обозначеніи «тсэ» или «цэ». — Слѣдуетъ добавить, что при ś безъ предшествующаго звука t, напр. въ śeŕedá, bíśer, а также при ź я не наблюдалъ соотвѣтствующей потери или ослабленія того особаго дорсальнаго положенія языка, которое различаетъ ихъ отъ s, z; оно въ нихъ всегда бывало легко замѣтнымъ, такъ какъ оно, даже при слабомъ развитіи, придаетъ этимъ звукамъ извѣстный легкій оттѣнокъ переднихъ звуковъ š (ср. § 8).

Въ спорадическихъ случаяхъ описываемая низкая степень палатализаціи повидимому можетъ приводить къ потерѣ самой палатализаціи передъ e даже въ звукѣ ń, не смотря на то, что послѣдній казался бы принципіально защищеннымъ особой своей, различной отъ n, артикуляціей. Я отмѣчалъ слово ńe, не, въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. въ предложеніи какъ «pťíću ńe kórḿät», произнесеннымъ съ такъ слабой палатализаціей, что русскій склонялся бы писать «нэ»; а такимъ же образомъ онъ долженъ былъ бы передать какъ «бóльнэ» развитую изъ больно черезъ bóĺńo, -ńö форму bóĺne. Въ podeťó пойдете я отмѣтилъ, что и при ď выше упомянутый, подобный j («голосовое χ»), переходный звукъ передъ e могъ становиться слабымъ, въ связи съ менѣе сильнымъ развитіемъ свойственной мягкому ď дорсальной артикуляціи языка; однако, полнаго перехода въ коронально образованное (твердое) d я не наблюдалъ.

— Теперь интересно подойти къ обсуждаемому явленію съ другой стороны, а именно обратить вниманіе на произношеніе согласныхъ передъ формами мѣстоименія «этотъ». Здѣсь вѣдь не можетъ быть рѣчи о «потерѣ» прежней палатализаціи; а спрашивается, выказываетъ ли произношеніе здѣсь то же самое, что въ выше упомянутыхъ сочетаніяхъ? О произношеніи «этотъ» въ абсолютномъ началѣ ср. § 15. Въ сочетаніи съ словомъ «вонъ» я

отмѣтилъ примѣръ «vońéta žoŕót», вонъ эта жретъ; но я долженъ на всякій случай высказать какъ возможность, что примѣръ собственно соотвѣтствуетъ «вонъ и эта...»; ср. t слова vôt, которое въ сочетаніи votéta, вотъ эта, оказалось положительно непалатализованнымъ. Но особый интересъ представляли сочетанія какъ «объ этомъ» или «съ этимъ». Изъ ихъ произношенія получается, такъ сказать, отрицательное доказательство, что въ выше обсуждаемыхъ сочетаніяхъ съ e, напр. sołov́éi̯, ḿéľńića и т. д., согласную передъ e нужно считать относительно палатализованной; именно, въ «ob-étom» и под. было ясно слышно, что въ b спинка языка не поднималась такъ высоко къ переднему нёбу, какъ въ слѣдующемъ e; она скорѣе выдерживала то же самое положеніе, какъ въ предшествующемъ o; послѣ b даже слышался еще гласный переходный звукъ отъ болѣе открытаго къ болѣе закрытому положенію языка, слабый призвукъ o, въ грубой передачѣ приблизительно «obo̯ étom».

Уже такое наблюденіе оправдываетъ проведенное употребленіе знака палатализаціи при губныхъ и r, также передъ гласными e и i. А при другихъ согласныхъ отмѣченные передъ e случаи слабѣйшей или даже отсутствующей палатализаціи нужно считать не полной системой, а лишь слѣдами, которые однако заслуживаютъ подробнаго разбора и вниманія со стороны изслѣдователя.

— Въ предварительномъ докладѣ я намекнулъ, между тѣмъ, на то, что въ описываемомъ говорѣ можно извѣстнымъ образомъ говорить о двухъ степеняхъ палатализаціи. Мы видѣли, какъ тѣ согласныя, въ которыхъ спинка языка при палатализаціи способна, вполнѣ или до извѣстной степени, регулировать разстояніе отъ нёба, т. е. прежде всего губныя, не только передъ i, но и передъ e артикулируютъ съ разстояніемъ, адаптированнымъ къ слѣдующей гласной. Ожидаемъ поэтому того же самаго передъ гласными, лежащими между этими границами. Такую гласную говоръ, по § 4, развилъ изъ стараго ѣ въ ударяемомъ слогѣ передъ твердою согласною. Оказывается, между

тѣмъ, что въ губныхъ, r и ł спинка языка передъ этимъ ê имѣетъ высоту не только этого напряженнаго ê, но гласной i. Это сейчасъ отличаетъ сочетанія ṕê, b̓ê и т. д. отъ сочетаній ṕe, b̓e и т. д., даже не считаясь съ разнымъ произношеніемъ гласныхъ. Въ сочетаніяхъ ṕê, b̓ê и т. д. выступаетъ въ отверстіи между взрывомъ согласной и слѣдующимъ ê переходный гласный звукъ характера i, какъ будто i̯ особой краткости; такъ, напр., въ v́êšu вѣшу, ćołov́êk, rúḱi b̓êłyi̯ö, а далѣе, напр., и въ xl̓êp хлѣбъ. Лишь послѣ m, въ парѣ случаевъ, я сомнѣвался насчетъ существованія этого переходнаго звука, и занимаетъ ли спинка языка въ согласной высшее положеніе, чѣмъ въ слѣдующемъ ê (такъ въ ŕoká šuḿêła и въ церковномъ l̓ićöḿêr); при r я колебался въ единичномъ случаѣ: goŕêu̯ горѣлъ. Но оставимъ эти немногіе сомнительные случаи въ сторонѣ; какъ правило выходитъ, пользуясь коэффиціентами, что наравнѣ съ выше описаннымъ рядомъ: p̣i, ṃi и т. д., p̣e, ṃe и т. д. p̣a, ṃa и т. д., къ чему присоединяется вѣроятно и ṛe, ḷe — находимъ другой рядъ: p̣ê, ṿê, ṛê и т. д.

Объясненія особой, высшей степени палатализаціи передъ ê (изъ стараго ѣ) можно конечно искать разными путями. Обстоятельное разсужденіе объ этой сторонѣ вопроса дано въ § 4.

— Передъ тѣмъ какъ оставить описаніе самихъ палатализованныхъ согласныхъ, слѣдуетъ добавить, что губныя въ концѣ слова всюду потеряли палатализацію. Говорятъ напр., brof бровь мн. bróv́i, śem семь, ćep мн. ćéṕi (цѣпь; объ e см. § 4), krof род. króv́i кровь; также l̓ubôf l̓ubóv́i. Въ повел. izgotôf изготовь, конецъ звучитъ вполнѣ какъ въ прилаг. gotôf готовъ; ср. также мн. izgotôft́e (-t́ö) изготовьте, гдѣ, значитъ, палатализація t́ осталась безъ вліянія на f. ćerkof съ род. ćerkvy вѣроятно получило твердыя окончанія подъ вліяніемъ отвердѣнія конечной губной. Ср. еще примѣръ какъ karáp корабль. — Палатализированная артикуляція далѣе теряется, если послѣ t́, d́ слѣдуютъ t, d. Такъ, сочетаніе «хохотать-то» звучитъ xoxotat̄o; ср. ńe kośít̄a, не косить-то, и др. Въ «but dôp», будь добръ, видимъ,

что ṭ теряетъ палатальность, хотя и не подвергается голосовому уподобленію къ слѣдующему d. — Что при этакихъ сочетаніяхъ свойственный палат. ť, ď призвукъ «χ» («j»)[1]) исчезаетъ, зависитъ конечно отъ того, что «взрывъ» не можетъ состояться, по причинѣ характера слѣдующаго звука; ср. явленія, упомянутыя въ § 15. Но это само собою не достаточно, чтобы объяснить полную потерю свойственнаго ť, ď дорсальнаго положенія языка; эта послѣдняя сторона скорѣе принадлежитъ къ явленіямъ «уподобленія по звуку» («Geräuschassimilation»), разные примѣры котораго уже приведены въ § 7.

— При изслѣдованіи, насколько и какъ далеко палатализація вникаетъ въ группу согласныхъ, опять оказывается удобнымъ имѣть въ виду выше упомянутую группировку согласныхъ по тому образу, которымъ отражается палатализація въ ихъ артикуляціи: зубныя (въ болѣе широкомъ смыслѣ) — губныя — гортанныя. Такое раздѣленіе раціонально и здѣсь.

Палатализація «зубной», въ настоящей жизни говора, постоянно переходитъ и на предшествующую «зубную»: źďiś здѣсь źďêłaju̯ i̯éśľi rośľí росли śńêk снѣгъ kuźńéć ćéŕńeńḱöi̯ черненькій ṕéťľä[2]) pôśľe послѣ draźńú kaŕťína smýśľiť źŕiť зрѣть, soźŕêła ugáśńet (-ńöt), ср. ńe gáśńi гасни, proťéŕľi протерли úmeŕľi ľiśť лѣзть nóźŕi ноздри płóťńiki[3]) dvóŕńik koŕźína. Тоже самое наблюдаемъ передъ ć: śéŕćo oguŕćí tońćováť танцовать otvińćú отвинчу sóńće f′itáńćii̯a квитанція. — Безсомнѣнныхъ исключеній я бы не могъ привести. Въ противоположность къ ńeśľí veźľí, z мнѣ казалось непалатализованнымъ въ połzľí ползли; можетъ быть, что это имѣетъ связь съ артикуляціей предшествующаго ł, гражданское право котораго, впрочемъ, само по § 9

1) См. въ началѣ настоящаго параграфа.

2) Въ ť спинка языка занимаетъ свойственное мягкому ť дорсальное положеніе; но взрывъ не состоится, или скорѣе дѣлается «латеральнымъ» (Сиверсъ 462 сл.); обыкновенно сопровождающій ť звукъ «χ» поэтому исчезаетъ. См. § 15.

3) Взрывъ ť здѣсь носовой; ср. Сиверсъ 465 сл. См. § 15.

и § 16 оспоримо въ звуковыхъ законахъ говора. Въ tŕású трясу я колебался насчетъ t, склонялся однакожъ считать его мягкимъ. Болѣе достойны вниманія, впрочемъ, нѣкоторыя сочетанія съ двойной согласной, st, передъ r, а именно примѣры stŕiľéť стрѣлять stŕíća встрѣча, ср. stŕíťiu̯ встрѣтилъ, stŕígła, ср. otstŕík отстригъ. Я не въ состояніи рѣшить свое сомнѣніе насчетъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, s не развилось въ полное ś, которое вообще легко различается отъ твердаго; скорѣе всего оно оставалось чистымъ s; а о согласной t между этимъ s и слѣдующимъ ŕ не смѣю высказаться. Въ подобномъ сомнѣніи я остался насчетъ d въ Ondŕí[i̯] Андрей, ср. еще Ondŕéef (-êf, см. § 10); n было здѣсь безсомнѣнно безъ палатализаціи. — Можно добавить, что звукъ š передъ ń, въ примѣрѣ какъ gŕêšńik передвигается немножечко впередъ, но не переходитъ въ совершенно мягкое «š» (ср. § 8).

Далѣе, зубная правильно палатализируется передъ мягкой губной. Напр., śvíŕêroi̯ свирѣпый, on śḿiį́ótśö, śḿêu̯ смѣлъ, ср. ńe śḿii̯, śvêt śvêtła źvíŕ звѣрь iźvóska известка źvozdá, р. мн. źvês, śḿírnoi̯, ср. pośḿiŕńéjö, śvitá свита (свить) śḿećú śḿéćoš (ḿotáť метать), śṕêta śvou̯ свелъ iźbíu̯ избилъ iźbiráť śḿiľá[i̯]a смѣлѣе ďvê ďvéŕi ďvonáćeť ćetvórtoi̯ kóŕḿat, ср. koŕḿíť, ďvínuť ŕvoš рвешь Matvíį[1]). Ср. еще чужое kańf êty конфеты. По правилу видимъ śṕi, śṕiš спишь, и далѣе śṕľu (ср. ниже). ć въ сочетаніяхъ какъ ćvötók цвѣтокъ, ćveĺí и под. не принадлежитъ, конечно, сюда, такъ какъ оно само собою «мягко».—Необъяснимое исключеніе видимъ въ d, вм. ожидаемаго ď, слова ḿedvíť, медвѣдь.

Если же передъ палатализованной зубной стоитъ губная, то, повидимому, палатализація обыкновенно не переходитъ на эту; но это правило не вполнѣ безъ исключеній и оставляетъ притомъ случаи, гдѣ не берусь рѣшить, была ли губная палатализована или нѣтъ. Съ безсомнѣнно твердой губной отмѣчено, напр., ḿê v-ľosáx въ лѣсахъ pťíća opťeka аптека bľíže (-žə, ср. § 8) ďe-

1) Взрывъ ť состоится нормальнымъ образомъ; ср. выше -tĺ-, -tń-.

ŕévńa dŕemĺú, 2. л. dŕémĺeš, mśtiť мстить[1]), mńoš, пов. mńi (mať мять), zapŕagú ťepĺí (прош. кор. теп-) źemĺá, вин. źémĺu, dešévĺe śémďešät ĺápťi, род. ĺapťéj. При словѣ śémďešät можно бы, конечно, возразить, что śem- можно же считать переведеннымъ изъ не сложной формы śem семь, о которой выше; но прочіе примѣры дѣлаютъ такое возраженіе лишнимъ. — И передъ ć находимъ «твердую» губную, напр. въ ďiśćóńka дѣвчонка, ośćám; есть, однако, одинъ случай, въ которомъ я колебался, именно kŕípće крѣпче; я склонялся считать p «твердымъ». — Неяснымъ осталось далѣе f въ fśê всѣ. Передъ ŕ я колебался нерѣдко; такъ въ bŕeśťí брести («скорѣе b»), bŕiť («скорѣе b»), śeŕébŕena[j]a («скорѣе b»); а и передъ ń имѣю пару такихъ случаевъ: ĺićébńića («b?»), ńe źébńi не зябни («b?»), а также въ прош. oźébĺi.— Рѣшительно «мягкая» губная отмѣчена только въ v́źeť взять, прош. v́źaų и т. д. — При составленіи этихъ примѣровъ я, также какъ въ другихъ ґруппахъ, не справлялся относительно первоначальнаго ихъ вида; примѣръ какъ mńoš съ исторической точки зрѣнія не совпадаетъ съ źémĺu, такъ какъ въ немъ стояло раньше ь послѣ m; но наше дѣло, главнымъ образомъ, состоитъ въ обсужденіи явленій съ точки зрѣнія нынѣ живущаго говора. За то съ этой же точки зрѣнія прямо видно, что передъ нынѣшнимъ, только что описаннымъ положеніемъ вещей господствовало другое. i, не ê, изъ ѣ въ kŕípće, а также 'e, не 'o, въ źemĺá źémĺu и др. указываютъ на «мягкіе слоги». Спрашиваемъ поэтому невольно, не обозначаютъ ли случаи, въ которыхъ наблюдатель колеблется насчетъ характера губной, остатокъ старины подъ еще не оконченнымъ развитіемъ. Это возможно, да не вѣроятно. Скорѣе нужно объяснить описанное колебаніе такъ, что склонность палат. губныхъ къ низкому положенію передней части языка (см. выше) дѣлаетъ различіе между «мягкой» и «твердой» губными неяснымъ и поэтому мѣшаетъ рѣшенію наблюдателя. Что касается случая какъ

1) Когда это слово стояло въ началѣ предложенія, можно было слышать слабый гласный элементъ, o, передъ m; уже въ родѣ этой паразитной гласной имѣемъ ясное доказательство, что m теперь «твердо».

śṕl̑u, то онъ вызываетъ по моему предположеніе, что ясная палатализація p и s основывается на близкой аналогіи другихъ формъ, напр. śṕiš.

Гдѣ передъ палат. зубной стоитъ гортанная, наблюдатель опять часто колебался. x безсомнѣнно было палатализованнымъ въ x́l̑êf хлѣвъ. Колеблющимся остался я насчетъ k въ kŕos крестъ, kl̑êtka, насчетъ g въ gd́ê, gŕêu̯ грѣлъ. «Твердо» k по моему было въ Ol̑ekśi̯i̯, Okśińi̯a, k-ťeb́ê, voskŕeśéńi̯ö, l̑on vol̑ok-ńistoi̯, ṕekl̑í, k-ćáŕú къ царю, l̑ékće, а также g въ mogl̑í. «Мягкость» слога въ историческомъ отношеніи доказывается тѣмъ, что его e не перешло въ ’o (ṕekl̑í и др.); но что въ настоящее время нужно считать гортанную «твердой», особенно ясно выходило въ случаяхъ какъ k ć-, гдѣ взрывъ k состоялся, что помогаетъ устранить всякое сомнѣніе о характерѣ согласной. Однако, и передъ ć отмѣчены случаи съ k другого качества; въ новообразованномъ неопр. zaṕŕekćí запрячь k стояло какъ будто въ срединѣ между «твердымъ», т. е. заднимъ, и «мягкимъ», т. е. переднимъ (адаптированнымъ къ i) k[1]); такъ вѣроятно и въ l̑ekćí, лечь, между тѣмъ какъ k въ śťeŕekćí стеречь по моему скорѣе было «твердо». Значитъ, и въ этомъ сочетаніи не успѣемъ устранить сомнѣніе.

А колебаніе оставляли и тѣ немногіе примѣры зубной передъ «мягкою» (переднею) гортанною, которые собраны у меня: f-kl̑êťḱe въ клѣткѣ (ê вѣроятно аналогично вм. ожидаемаго i, см. § 4?; ср. однако ниже d́êťḱi), úťḱi утки, sáńḱi санки; но и въ d́ifćónḱi дѣвчонки; въ d́êtḱi дѣтки t обыкновенно казалось твердымъ; а отмѣчены и случаи, въ которыхъ я колебался относительно его характера.

Губную передъ палат. гортанной я отмѣтилъ только въ двухъ случаяхъ, и въ обоихъ какъ «твердую»: d́êfḱi дѣвки, ščépḱi («ščőe̯pḱi», § 8). Объ обратномъ сочетаніи единственный отмѣ-

1) Что это не зависитъ отъ предшествующей гласной, видимъ изъ примѣровъ вродѣ gl̑ux́ix, гдѣ второе x рѣшительно «твердо», т. е. образовано въ заднемъ поясѣ, какъ напр. передъ a.

ченный случай ćerkv́éi̯ не позволяетъ заключеній; тѣмъ болѣе что низкая степень палатализаціи передъ е мѣшала окончательному рѣшенію о качествѣ k.

Итакъ, изслѣдованіе о вникапіи палатализаціи въ группу согласныхъ оставляетъ, при безсомнѣнныхъ положительныхъ результатахъ, и много колебанія. Колебаніе и сомнѣніе, конечно, отчасти можно приписать недостаточной способности наблюдателя; въ томъ отношеніи не стѣсняюсь ставить себя на сторону Свита, который (стр. 552) «долженъ сознаться въ неспособности дать надежныя подробности», о томъ же самомъ вопросѣ. А отчасти выходитъ, что колебаніе и неясность принадлежитъ не уху наблюдателя, но самому говору.

Указывая на данное выше изложеніе, довольствуюсь, въ остальномъ описаніи, ставить знакъ палатализированія лишь надъ послѣднюю согласную группы.

— Можно въ этой связи, но какъ на исторически уже установившійся фактъ, указать, что описываемый говоръ выказываетъ согласныя, палатализованныя подъ вліяніемъ извѣстныхъ предшествующихъ имъ согласныхъ. Дѣйствующимъ факторомъ въ этомъ явленіи постоянно оказывается палатализованная зубная, ś, ń или ľ; ея вліянію подверглась въ большинствѣ случаевъ гортанная; но развитіе не дало вполнѣ послѣдовательнаго правила. ń подъ вліяніемъ предшествующаго ľ видимъ въ bóľńö (-ńe), больно; но при томъ, напр., śíľno, а также boľnói̯; и обратное развитіе выказываетъ koł̓okôľna колокольня. ľ развивало ḱ въ tôľḱö, skôľḱö, stôľḱö (только и т. д.; также -ḱe, ср. § 13). Но видимъ x, не x́, въ vôľxa ольха. ś вызвало ḱ, напр., въ rúśḱöi̯ (-ei̯) русскій, ḿéŕśḱöi̯, ćáŕśḱöi̯ (ś въ свою очередь вѣроятно подъ вліяніемъ ŕ), dvoŕáńśḱöi̯ (ś п. вл. ń), ľuďśḱöi̯ людской, muśḱói̯ö[1]) pláťi̯ö; къ этой же категоріи принадлежитъ развитіе ḱ въ дат. mužyćḱú, ср. им. mužyćók мужичокъ. Чаще всего, однако, дѣйствовало ń на слѣдующую гортанную. Такъ,

1) Въ послѣднихъ трехъ прилагательныхъ окончаніе м. р. слышалось постоянно съ -öi̯, не съ -ei̯, какъ будто напоминая о первоначальной «твердости»

напр., b̓eŕózyńk̓ä березка, xorošéńk̓ö (-k̓e), «tam oná (т. е. рѣка Шуя) máľeńk̓a», rańóšeńk̓ö, davnóxońk̓e (медленно -k̓o, см. § 13), báťińk̓o (-k̓e) батенька, ćéŕńeńk̓öi̯ черненькій. Стоитъ обратить вниманіе и на гласную передъ такимъ сочетаніемъ, въ параллеляхъ какъ ṕíśönka пѣсенка, d̓ifćónka, rob̓ónka съ одной стороны, а съ другой dúšeńk̓ȧ, máḿeńk̓ȧ, Óľeńk̓ȧ. k̓ и ǵ въ такомъ положеніи спорадически развиваются въ ť, d̓; такъ, при máľeńk̓ii̯ä отмѣчено -ńťii̯ä; при d̓éńǵȧm d̓éńd̓ȧm, твор. мн. отъ d̓éńǵi[1]); въ первомъ примѣрѣ слышалось и произношеніе со звукомъ на границѣ k̓ и ť, такъ что трудно было рѣшить, къ какой категоріи собственно приписать его. Насчетъ этого явленія указываю на свою работу Die Dialekte des südlichsten Serbiens (Schr. der Balkancommission, Wien 1903), § 14, особенно стр. 43. Въ «Программахъ для собиранія и т. д.», С.П. 1900, ср. §§ 110, 140 и 145.

— Можемъ теперь перейти къ гласнымъ элементамъ передъ палатализованными согласными. Какъ извѣстно, между палатальной согласною и предшествующей гласной, особенно если эта принадлежитъ къ заднему ряду, легко развивается переходный гласный звукъ («on-glide»), напоминающій о и иногда развивающійся въ i̯ (напр. ať > ai̯ť и под.). Такой переходный звукъ, однако, въ описываемомъ нарѣчіи не выступалъ съ такою ясностью, что̀ заслуживаетъ особаго вниманія.

Изъ самихъ предшествующихъ гласныхъ, а о и u не видоизмѣняются замѣтнымъ образомъ подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной согласной; гласная а формы kłáľi, при сравненіи съ kłáła, поэтому не даетъ поводу къ замѣчаніямъ; иначе, если, кромѣ слѣдующей, дѣйствуетъ при томъ и предшествующій палатальный звукъ; но о томъ говоритъ слѣдующій параграфъ. Гласная i также не мѣняется замѣтнымъ образомъ въ мягкомъ слогѣ. За то задній видъ у, являющійся по § 1 послѣ губныхъ, ясно отражаетъ вліяніе слѣдующей палатальной согласной; если срав-

1) Обратное явленіе въ gľa, для.

нить, напр., vyu̯, вылъ, съ мн. ч. výľi или неопр. vyť, то «у» послѣднихъ занимаетъ болѣе переднее положеніе во рту; равнымъ образомъ «у» формы byḱí быки, по сравненію съ ед. ч. byk, «у» неопр. bŕošýť по сравненію съ 3. ед. ч. bŕóšyt (брехать, въ значеніи врать). Направленіе этого передвиженія нужно назвать «горизонтальнымъ», конечно съ условнымъ употребленіемъ выраженія. — Остается говорить о гласной е, привлекающей въ этой связи особое вниманіе. Строй говора сильно ограничиваетъ случаи, представляющіе по этому вопросу матеріалъ. Старшее е (изъ е какъ изъ ь) въ твердомъ слогѣ вообще перешло въ 'о; при отчетливомъ произношеніи это 'о все еще сохраняется, также въ неударяемыхъ слогахъ, а возмѣщается гласной е только при менѣе отчетливомъ выговорѣ (§ 13). Старшее ѣ, по § 4, только въ открытомъ, неударяемомъ концѣ слова развилось въ -е. Прямое сравненіе е твердаго и мягкаго слога поэтому возможно только въ весьма немногихъ случаяхъ. Для ударяемаго слога сопоставленіе формъ étot: éťi сейчасъ показало, что извѣстное, напр. изъ обыкновеннаго образованнаго русскаго языка правило объ «открытомъ»: «закрытомъ» е (ср. этотъ : эти) въ нашемъ говорѣ не существуетъ; два е не выказывали никакой замѣтной разницы. Сравненіе происшедшаго изъ ѣ въ извѣстныхъ случаяхъ напряженнаго ê съ ударяемымъ е мягкаго слога (ośeńéś есенясь, onoḿéďńi, śéďńe сегодня, ďeń, i̯eľ, koṕéi̯ka) показало, что послѣднее остается безсомнѣнно «открытомъ», даже при условіяхъ, особенно благопріятствующихъ закрытому его произношенію. — Относительно неударяемыхъ слоговъ осталось общее впечатлѣніе, будто е при слѣдующей палатализаціи имѣетъ оттѣнокъ большей закрытости. Не смѣю однако придавать этому впечатлѣнію никакого вѣсу. Нельзя забывать, что ненапряженное е въ неударяемомъ слогѣ по § 2 вообще склоняется къ болѣе закрытому произношенію. А сомнѣніе наблюдателя, даетъ ли собственно палатализація вполнѣ удовлетворяющее объясненіе наблюдаемыхъ иногда болѣе закрытыхъ оттѣнковъ, возрастаетъ подъ впечатлѣніемъ того обстоятельства, что повидимому не только палатали-

зація, но и характеръ самой слѣдующей палатальной согласной играетъ опредѣляющую роль; такъ, отмѣчая съ одной стороны немножечко болѣе закрытый оттѣнокъ e въ повел. ḿeťí, наст. ḿeťóš и т. д. (мести) и въ цѣломъ рядѣ подобныхъ примѣровъ (ńesťí и под.), я нашелъ съ другой стороны опять ясно открытое e передъ ľ въ мн. ч. прош. ḿeľí, ср. gńeľí, pľeľí и др. Поэтому, хотя и извѣстная слабая разница гласной e въ формахъ какъ ŕevíš (= плачешь) отъ 1. ед. ŕevľú, въ пов. ťepí отъ прош. мн. ťepľí (тепу) повидимому указывала на вліяніе палатализаціи, однако думаю, что имѣемъ полную причину быть осторожными насчетъ заключеній, тѣмъ болѣе что разница, какъ сказано, была минимальна, а выше упомянутыя наблюденія надъ ударяемыми слогами прямо противорѣчатъ такому вліянію[1]).

Въ сомнѣніи о качествѣ e, открыто ли оно или закрыто, напряженно ли или нѣтъ, я остался въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ слѣдующая за e согласная теперь безъ палатализаціи, но гдѣ сохраненіе гласной e, безъ перехода въ 'o, показываетъ, что согласная раньше была мягкой; это случаи съ er передъ губной или гортанной согласной: pérvoj śerp ćetvérk ďérgaj (ср. zaďérgivať) dvérka źérkało ćérkof verx, ср. k vérxu, vérxom; такъ и передъ š въ veršýna, veršók. И въ ударяемомъ слогѣ, значитъ, я при такихъ сочетаніяхъ сомнѣвался насчетъ качества e, въ Паньковскомъ какъ и въ Ихалицкомъ произношеніи. Сопоставленія съ существующимъ въ говорѣ ê однако привели меня къ заключенію, что и здѣсь правильнѣе считать e ненапряженнымъ, принадлежащимъ къ обыкновеннымъ e говора, хотя и оттѣненнымъ нѣсколько особо, въ направленіе къ напряженности.

---

1) Можно въ этой связи упомянуть, что при сравненіи 1 л. ед. ч. b'eŕegú съ пов. b'eŕegí мнѣ казалось, будто оба неударяемыхъ слога передвигались по качеству e параллельно, въ первомъ случаѣ съ болѣе открытымъ, во второмъ съ болѣе закрытымъ оттѣнкомъ, хотя и съ незначительнымъ различіемъ. Это могло бы какъ будто указать на «гласную гармонію», напоминающую объ одной чертѣ въ парѣ случаевъ съ гласной o, о которой въ § 14. Однако, указывая на выше сказанное, не могу придавать такому единичному примѣру никакого значенія.

§ 13. Дѣйствіе палатальныхъ согласныхъ на слѣдующія заднія гласныя; отношеніе a, u, o : ä, ů, ö—e. Что заднія гласныя a, u, o подъ вліяніемъ предшествующей «мягкой» согласной, j включительно, получаютъ болѣе переднюю артикуляцію, это и мало опытный изслѣдователь замѣтилъ бы сейчасъ въ описываемомъ говорѣ, — какъ и въ образованномъ русскомъ языкѣ, и вѣроятно во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ (сравните, напр., звуки u въ туда : сюда). Достаточно было для этого сопоставить, напр., два u слова дую (dúju), или конечныя гласныя морфологическаго ряда мѣсто, мѣста и т. д. съ гласными ряда полё, поля и т. д. (mêsto, mêsta, mêstu : pólö, pólä, pólu).

Такое общее и широкое начертаніе упоминаемаго явленія, однако, имѣло бы ограниченную цѣну. Это тѣмъ болѣе, что не нужно вникать глубоко въ явленіе чтобы отыскать, съ одной стороны рядъ случаевъ, въ которыхъ гласная, не смотря на предшествующую мягкую согласную, сохраняетъ въ главной своей части тотъ же самый звукъ, который имѣетъ послѣ твердой согласной (напр. kuju, kujút), — а съ другой стороны рядъ случаевъ, въ которыхъ, хотя извѣстное передвиженіе гласной замѣтно, но употребленіе знаковъ ä, ů, ö было бы неправильно, если сравнить съ произношеніемъ выше данныхъ примѣровъ. Первый рядъ случаевъ, конечно, не представляетъ столько трудностей для изслѣдователя. Иначе съ многочисленными случаями второго ряда. Разныя степени описываемаго движенія, вызывающія столько же оттѣнковъ гласныхъ, и при томъ случайность, которая повидимому царитъ въ распредѣленіи разныхъ оттѣнковъ, дѣлаютъ изслѣдованіе мало благодарнымъ. Однако, не считаю лишнимъ разсматривать явленіе по возможности широко[1]); особенно въ вопросѣ объ 'o въ отношеніи къ 'ö, и отсюда далѣе къ 'e, нельзя отрицать, что предметъ вмѣщаетъ

1) Свитъ, напр., въ своемъ эскизѣ (l. c. стр. 551), объ этомъ явленіи довольствуется выраженіями «has a tendency to draw forward», «sometimes», «often» и под. Попробуемъ выяснить хоть главныя линіи этихъ колебаній.

въ себѣ матеріалъ для довольно интересныхъ заключеній о русскомъ вокализмѣ.

Направленіе упоминаемаго артикуляціоннаго передвиженія — совершенно ясно. Стоитъ только бросить взглядъ на конечныя точки. Артикуляція притягивается впередъ, по линіи, которую слѣдуетъ опредѣлять вообще—конечно, условнымъ образомъ, считаясь съ формой полости рта — какъ горизонтальную. И u и ů — гласныя высокаго образованія, а первое принадлежитъ къ заднему, второе къ среднему ряду; o, ö и e всѣ среднія по высотѣ, а o принадлежитъ къ заднему ряду, ö и e лежатъ на границѣ или же уже внутри передняго ряда. Не углубляясь въ трудности насчетъ артикуляціоннаго положенія a, не затрудняемся ввести и отношеніе a : ä въ ту же самую схему.—Отмѣтимъ далѣе, что вполнѣ развитыя ä, ů, ö по моимъ наблюденіямъ слѣдуетъ постоянно считать «ненапряженными» (wide): ä—гласная передняго ряда низкая, ненапряженная; ů — лабіализованная гласная средняго ряда высокая, ненапряженная; ö — лабіализованная гласная передняго ряда, ненапряженная, средней высоты, нерѣдко принадлежащая вѣроятно среднему ряду («palato-guttural»), или же лежащая на границѣ гласныхъ этого ряда [1]).

Передъ тѣмъ какъ присматриваться ближе къ имѣющемуся матеріалу, можно еще указать, что подобное передвиженіе, какъ извѣстно изъ разныхъ нарѣчій, имѣло въ свое время вліяніе на судьбу первоначальнаго ę. Стоимъ здѣсь передъ готовымъ фактомъ, законы котораго даются прямо изъ примѣровъ вродѣ vźeť взять, vźéľi взяли : vźaų взялъ; ľágu лягу: ľéžöš ляжешь; pŕaų прялъ, pŕáľa : pŕéľi пряли, и под. Развитіе это при томъ повидимому было независимымъ отъ ударенія; ср. tŕasu (или теперь лучше tŕäsú, tŕàsú) : tŕešóš, tŕešeťó; zapŕagú : zapŕežóš, пов. zapŕegí; прош. zapŕák : zapŕegľí (запрячь). Видимъ и въ этомъ явленіи исключенія отъ всѣмъ яснаго правила. Съ одной стороны, от-

1) Главное: артикуляція ö повидимому часто еще сохраняетъ болѣе заднее положеніе, чѣмъ вполнѣ развитое e.

мѣтимъ ṕetaćók пятачокъ, явившееся вѣроятно подъ вліяніемъ законнаго ṕeť — если не считать его дальнѣйшимъ развитіемъ существующаго также ṕätaćok. Съ другой стороны, видимъ, что любопытнѣе, при упомянутомъ vźeť взять, однородное неопр. naćáť начать (ср. однако прош. мн. náćeľi). Близко лежитъ въ такомъ случаѣ объясненіе, что форма naćáť заимствована изъ языка столицъ; о существующей при ожидаемомъ rovńéť (ровнять) формѣ rovńáť прямо таки и сказалось, что она новѣе; такимъ же образомъ, къ ďéďä (дядя, ср. ďéďuška) мой источникъ добавилъ: «toṕéŕ ďáďä».

— Обратимся теперь къ подобнаго рода передвиженію артикуляціи, наблюдаемому въ пыпѣшнемъ говорѣ. Начнемъ съ ударяемаго слога. Если кромѣ предшествующей мягкой согласной еще и послѣ гласной слѣдуетъ мягкій звукъ, то нужно повидимому считать полное развитіе a, u, o въ ä, ü, ö общимъ правиломъ (ср. московское зять, чуть, землёй, въ моей транскрипціи «źäť», «čüť», «źemľöj»). Такъ, напр., bojüś, goŕüju, пов. goŕüj, ľübät, Их. ľüdi, bojätśe (-će? § 8), oṕäť и мн. др. Между тѣмъ, не имѣемъ права считать это правило неотступнымъ. Напр., въ словѣ царь выступила гласная, не доходящая вполнѣ до ä, а только до описываемаго ниже «à»: ćàŕ; и это, хотя тѣмъ болѣе ожидаемъ ä, что всѣ прочіе падежи выказываютъ форму ćäŕ- и слѣдовательно не представляютъ аналогіи, по которой можно бы объяснить вытѣсненіе ожидаемаго ä изъ именительнаго.—Если же въ ударяемомъ слогѣ имѣется мягкая согласная только передъ одной изъ упомянутыхъ гласныхъ, а не при томъ и послѣ нея, то движеніе гласной не отражается такъ сильно, хотя и тогда обыкновенно вся артикуляція ея притягивается нѣсколько впередъ (а въ гласныхъ a, o при томъ повидимому и немного вверхъ). Гласную a въ такомъ положеніи по моему можно сопоставить съ «высокимъ» французскимъ a въ «madame»; обозначаемъ ее удобно знакомъ «à» (между «a» и «ä»). Такое à встрѣчается, конечно, весьма часто, напр. въ 3. мн. ŕeväť, goŕäť, späť; ср. далѣе, напр., väžu väžeš и т. д. (вязать), orojäšu. Инте-

ресенъ случай какъ неопр. ǫpoj̯ä̊šȧt́, гдѣ занимаемое ударяемымъ ȧ положеніе языка переводится и на слѣдующую гласную, при которой собственно отсутствуютъ вызывающія оттѣнокъ ȧ условія. Въ парѣ единичныхъ случаевъ (напр. 3. мн. jiďȧ̈t ѣдятъ, govoŕä̊t) я отмѣтилъ, что ударяемое а названнаго положенія можетъ, какъ исключеніе, переходить черезъ границу ȧ, такъ что наблюдатель колеблется, передать ли его скорѣе ȧ или ä. — Ударяемое о въ упоминаемомъ положеніи представляетъ сходныя съ а явленія. Цѣлая артикуляція гласной передвигается впередъ (и немножечко вверхъ) въ «ȯ», которое, пожалуй — заключаю косвеннымъ образомъ, помощью діалектическихъ звуковъ своего роднаго языка — можно сопоставить приблизительно съ французскимъ оттѣнкомъ о, напр., въ dot, botte. Такъ, напр., ľićő, poďőmt́e (-t́ö) пойдемте, 2. мн. ŕev́it́ő, 2. ед. suj̯őš. Особенно цѣнный для наблюдателя былъ случай какъ 3. ед. boďőt, гдѣ сравненіе съ чистымъ о было подъ рукой; ср. съ нимъ возвратную форму boďőtśe (-će? § 8), гдѣ слѣдующее послѣ гласной мягкое сочетаніе довершаетъ переходъ въ ö, о чемъ выше. Отношеніе о : ȯ, однако, не всегда отражается вполнѣ ясно. Съ одной стороны, передвиженіе, подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго звука, можетъ быть такимъ минимальнымъ (напр., въ ďóržyš, держишь, Их. t́ótka), что различіе отъ о послѣ твердой согласной почти что исчезаетъ и становится сомнительнымъ; а съ другой стороны мнѣ казалось, что въ о послѣ мягкаго звука иногда замѣчается слѣдъ того, что гласная въ своемъ концѣ склоняется отодвинуться назадъ въ обыкновенную артикуляцію о. — Послѣднее указываетъ на черту, выступающую ярче въ гласной «u» ударяемаго слога подъ вліяніемъ предшествующей (но не при томъ и слѣдующей) мягкой согласной. Хотя и при u отмѣчены у меня случаи, въ которыхъ приходилось считать артикуляцію гласной въ цѣльности передвинутой впередъ, въ направленіе къ выше упомянутому u̇ (напр., въ 1. ед. spľu; а въ примѣрѣ borońü̇ видимъ даже полное u̇); но обыкновеннѣе только начинающая часть этой гласной подвергается передвиженію, между тѣмъ

какъ прочія ея части представляютъ собой постепенное движеніе въ обратномъ направленіи, пока конецъ ея не достигаетъ опять артикуляціи обыкновеннаго, задняго u. Такимъ образомъ, въ posťeľú можно передать послѣднюю гласную, условно, «ú + u» или «ûu»; такъ же, напр., въ doćúu̯ («eščó ńe doćúu̯»), v-rajú и др. Особенно удобные случаи для наблюденія представляли, напр., kuji̯ú, гдѣ легко слышалось, какъ второе u въ своемъ концѣ совпадаетъ вполнѣ съ u перваго слога, обыкновеннымъ заднимъ u, — и, съ другой стороны, pľûji̯ú плюю, гдѣ можно было сравнить съ яснымъ, вполнѣ развитымъ ú.

Переходя къ слогамъ неударяемымъ, найдемъ, что описываемое движеніе здѣсь достигаетъ дальнѣйшаго развитія. И безъ помощи слѣдующаго послѣ гласной палатальнаго звука, предшествующій таковой въ неударяемомъ слогѣ правильно притягиваетъ названныя гласныя впередъ (и вверхъ), и притомъ добавимъ, всю гласную — не только начальную ея часть — и вообще на степень сильнѣе, чѣмъ въ ударяемомъ. а доходитъ подъ такими условіями часто до ä (а въ единичныхъ случаяхъ еще далѣе, до e), и часто до ú и т. д. Слѣдуетъ, однако, сейчасъ отмѣтить, что многочисленные примѣры довольно разнообразны именно по степени передвиженія. Чистое ä имѣю, напр., въ слогахъ послѣ ударяемаго, въ kúfńä кухня, kórḿät, borôńät, «orát ńe báb̯ä robôta», prókľäta, postéľä, pétľä, xľipćä (род. отъ xľíbeć хлѣбецъ); такъ и при позднѣйшей палатализаціи: ŕêtkä (рѣдька; любопытно, что ê, а не i, см. § 4); ср. стянутую форму жен. р. toɫkôv́eńkā, т. е. -нькая[1]). e отмѣчено въ 3 мн. tôṕet топятъ при tôṕät, poś́i[j]ena посѣяна, prókľet при prókľät. А какъ показываетъ этотъ послѣдній примѣръ, переходъ a въ полное ä въ названномъ положеніи не составляетъ вполнѣ неотступное правило; попадается и «á», хотя повидимому рѣже: šúj̯á (родъ травы,

1) Здѣсь же можно указать на формы tôľk'ä, skôľk'ä; если это не ослышка вм. -k'e, то имѣемъ въ нихъ параллельныя формы къ упомянутымъ въ § 5 tôľk'ö, skôľk'ö.

«rosťót voľnô»), záftŕà (при záftŕe; ср. záftŕik); а отмѣчено даже а (подъ вліяніемъ слѣд. u̯?) въ прош. bájau̯, ср. мн. bájeľi. — Передъ ударяемымъ слогомъ видимъ, напр., kńäíńa (княгиня; послѣднее -а вѣроятно описка вм. -à или -ä), ćäjkóm чайкомъ, k-ćäŕú; безъ слѣдующаго палатальнаго звука, напр., zaŕágłá[1]); далѣе ťanú, съ чистымъ а, и zaŕagú, гдѣ удобное сравненіе съ первымъ слогомъ показывало, что второе а такое же какъ первое. Значитъ, въ слогѣ передъ ударяемымъ а не переходитъ въ ä и à такъ легко и полно, какъ послѣ ударяемаго; но прихотливость развитія — въ зависимости, вѣроятно, отъ случайнаго образа рѣчи, темпа и под. — выходитъ изъ примѣра какъ неопр. ťänúť, при только что названномъ ťanú; ср. pľásáť плясать, и въ 1 ед. даже pľášú. Развитіе а въ этомъ положеніи поневолѣ заставляетъ пользоваться выраженіемъ «склонность», а не «правило». — Подобное выходитъ для перехода u > ù, послѣ палатальнаго звука, въ неударяемыхъ слогахъ. Слогъ послѣ ударяемаго повидимому всюду, или же почти постоянно, выказываетъ полный переходъ. Такъ, напр., 1 ед. torgúi̯ù, iḿi̯ù, имѣю, ďêłai̯ù, žałái̯ù желаю, zagŕebái̯ù; 3 мн. sťéľùt, žou̯ťí[i̯]ùt желтѣютъ, zagńõtái̯ùt загнетаютъ, rozďíľivai̯ùt раздѣливаютъ, и др.; удобные случаи для сравненія съ заднимъ u предшествующаго слога представляли вин. жен. р. drugúi̯ù, złúi̯ù и др. Особенный интересъ представляетъ примѣръ boγátùi̯ù; второе ù принадлежитъ описываемому здѣсь явленію, а первое навѣрное обозначаетъ собой антиципацію этого же передняго положенія гласной; объяснить его происхожденіе вліяніемъ слѣдующаго i̯ представляется труднымъ. Передъ ударяемымъ слогомъ могу привести только пару примѣровъ съ ù: kŕùćók крючокъ, kľùi̯út, съ мягкимъ звукомъ также послѣ гласной; далѣе śùdá сюда.

Особый интересъ представляетъ изслѣдованіе гласной о подъ упоминаемыми здѣсь звуковыми условіями. Какъ уже сказано въ предварительномъ отчетѣ, говоръ насчетъ этого явле-

1) Гдѣ á къ концу звучитъ какъ чистое а.

нія находится, такъ сказать, въ отступающемъ, но еще не оконченномъ движеніи; и можно добавить, что разные говоры окрестности стоятъ на разныхъ ступеняхъ развитія.

Чтобы найти правильную исходную точку для обсужденія вопроса, нужно прежде всего обратить вниманіе на произношеніе, сохраняемое въ Паньковѣ при выговорѣ отчетливомъ, слогъ за слогъ. Я наблюдалъ, что какъ полное о, съ предшествующей палатализаціей, сохраняется въ такомъ выговорѣ всякое старшее е (первоначальное е и ь), какъ ударяемое такъ и неударяемое, если не слѣдуетъ за нимъ палатальный звукъ; въ 'о перешло далѣе и ѣ въ твердомъ слогѣ передъ ударяемымъ. Исключенія отъ этого правила имѣемъ въ сочетаніи ег, напр. въ па v́erxú, что объясняется раньше существовавшей палатализаціей r (§ 12), и во второмъ е полногласныхъ формъ какъ па ƀeŕegú, мн. ч. ƀeŕegá, уменьшит. ƀeŕežók (ср. напротивъ, произношеніе v́ećorá, ĺeṕotáĺ или скорѣе, какъ увидимъ ниже, ĺéṕötáĺ и др.), śeŕedá, глаголъ ƀeŕegú ƀeŕegút, śtéŕegú; ср. и послѣ ударенія ƀéŕek, не* -ŕok; но подъ удареніемъ: ḿeŕóža, мн. -ŕóžy.

Говоръ представляетъ, такимъ образомъ, весьма много слоговъ, содержащихъ при медленномъ произношеніи гласную о съ предшествующимъ палатализованнымъ звукомъ. Спрашивается, какую судьбу имѣетъ такое о въ скорѣйшей рѣчи, какимъ путемъ идетъ развитіе. Можно для произношенія такого о возстановить рядъ ступеней, границы которыхъ съ одной стороны — o (гласная средней высоты задняго ряда), съ другой стороны—e (гл. средн. высоты передняго ряда); какъ промежуточныя точки для опредѣленія развитія, имѣемъ выше описанныя ȯ и ö; отъ послѣдняго, особенно при болѣе ослабленномъ произношеніи, шагъ къ вполнѣ делабіализованному звуку, e, не дологъ; прибавлю однако, чего я касался и выше, что это ö, кромѣ лабіализаціи, отличается, повидимому, отъ e еще часто и немного болѣе заднимъ образованіемъ, на границѣ гласныхъ средняго (mixed) ряда.

Разсмотримъ и распредѣлимъ теперь по возможности имѣющіеся примѣры. Относительно о ударяемаго слога могу указать на то, что сказано уже выше; добавимъ, какъ примѣры съ «ȯ», 2 л. мн. zov́eťő зовете, tou̯ćeťő толчете; приближеніе къ ȯ, но еще не полный переходъ въ ȯ отмѣчено, напр., въ roƀónok; но какъ будто обыкновенное о въ 2 ед. pľóščöš (ср. 1 ед. pľöščú, неопр. pľöskáť); а сохраненіе о, хотя и со склонностью къ ȯ, но безъ ожидаемаго, подъ вліяніемъ мягкости и послѣ гласной, развитія въ ö, отмѣчено, напр., въ kľeńós̄'e клянешься.

Въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ отмѣчены разные оттѣнки. ö встрѣчается часто: i̯öžá (i̯oš ежъ), zaďöržáť, ľövóńťei̯ Леонтій, ďöržý держи, 1 ед. ďöržú, ср. 2 л. ďóržyš; xľöstáť хлестать, наст. xľöščú xľóščoš и т. д.; pľöščú, zagńötái̯ut; paśón мн. paśöný, sv́eďón — sv́eďöný, ńos — ńösłá, pŕińeśón — pŕińeśöná; v́ödú веду, ср. pľötú, bŕödú. Встрѣчаются случаи, гдѣ произношеніе приближается къ е, даже переходитъ въ него; такъ, при v́özła (v́os везъ) слышалось и почти что v́e-; при śövódńi[1]) śe-, при skŕöbłá skŕebłá (skŕȯbú скребу); ср. неопр. ćesáť чесать. Но въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ такой переходъ въ Паньковѣ повидимому рѣдокъ; гораздо чаще встрѣчались оттѣнки въ направленіе къ о; напр. śȯvódńi[1]), gŕȯbú, skŕȯbú, ťȯpłá (муж. ťop, кор. теп-), ńȯsú, ṕȯkú 3 мн. ṕȯkút (пеку), v́ȯzút, pov́eźȯná, ćv́ȯła цвѣла; частью скорѣе всего звучало обыкновенное о: oťošý (отеши, ср. тесать), ńosút, i̯omú ему, sv́oła (муж. sv́ou̯ свелъ), pľołá плела, bŕošýť («врать»); въ pobŕołá 'о уподоблялось вполнѣ предшествующему о. Такъ какъ разные гласные оттѣнки выступаютъ въ одномъ и томъ же корнѣ (pobŕołá — bŕödú — bŕȯdú и др.), даже въ одной и той же формѣ, то не могу указать никакого правила для ихъ проявленія. За то, какъ правило можно, какъ видимъ, выставить, что въ слогѣ, непосредственно передъ ударяемымъ, произношеніе о, вмѣстѣ съ передними оттѣнками ȯ и ö, еще рѣшительно преобладаетъ. —

1) Ждемъ -vô-, см. § 5, § 18, и къ тому § 16.

Для слоговъ передъ ударяемымъ, но дальнѣйшихъ, не отмѣчено такъ много матеріала; но по имѣющимся примѣрамъ, напр. pötux'í, можно сказать, что лабіализація склонна исчезать и оставить e, особенно въ болѣе скорой рѣчи.

Послѣ ударенія артикуляцію нужно, по § 2, считать вообще менѣе отчетливой; можно, поэтому, ждать, чтобы развитіе 'o, обозначающаго собой старшую, неослабленную гласную ступеньку, въ направленіе къ e пошло здѣсь дальше, чѣмъ въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ. Такъ и оказывается. Хотя можно еще, при особенно медленномъ произношеніи, напр., въ мн. ч. повелительнаго глагола лягу слышать l'ék't'o съ полно развитымъ o; но такое произношеніе нужно назвать до извѣстной степени вычурнымъ, искусственнымъ; въ обыденной рѣчи форма, смотря по темпу и отчетливости, колеблется между l'ék't'ö и l'ékt'é, И такъ постоянно въ повелительномъ. При болѣе довѣрчивой, скорой рѣчи -t'é (izgotôf't'e) уже было обыкновенной формой; но существуетъ при томъ и -t'ö, -t'o; послѣднее отмѣчено, въ особенно медленной рѣчи, даже передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ (n'e d'eŕí't'oś, въ скоромъ темпѣ -t'eś), конечно, по аналогіи съ невозвратной формой, такъ какъ слѣдующій мягкій звукъ требуетъ собственно e.—Подобное колебаніе замѣчается въ формахъ наст. времени; напр., 3. ед. k'ép'ŏt и -'et; любопытны здѣсь (ср. § 10, о выпаденіи j) отношенія какъ imájöt : imáet, zakrójot : zakróet; ср. далѣе 2. ед. j'id'öš, -eš ѣдешь; 1. мн. posp'íjöm поспѣемъ; 2. мн., напр. j'id'et'ö и -'e, ср. выше о повел.; и во 2. л. мн. наст. видимъ 'o, 'ö по аналогіи переведеннымъ въ возвратную форму: boi't'öś, ср. повел. n'e bój't'öś и -t'eś. — Возвратныя формы глаголовъ постоянно колеблются между -śö и -śe; напр. пов. n'e bójśö, прош. bojáuśö и -śe, 2. ед. наст. boiśe и -śö, и т. д.; нужно, значитъ, здѣсь постоянно припоминать, что хотя отмѣчена, можетъ быть, лишь одна форма, а слышится, въ зависимости отъ обстоятельствъ, и другая. — А то же самое проходитъ и черезъ другія формы. Напр., dvugŕív'öno̯j или же -v'eno̯j, съ чистымъ e; обыкновенно v'it'er вѣтеръ, но въ медленной рѣчи -t'or,

-ťör; ṕéṕöł (о -ł см. §§ 9 и 16); trój̯ö и -j̯e; «ďéńöška ńe-bóx a ḿiłúj̯öt». Въ сравн. степени, напр., proćńéj̯ö и -j̯e. Въ причастіи прош. чистое е, напр. въ napŕéďeno (напряденѳ, второе е ясно тождественно съ первымъ), pogrýźen, -źena и др., не исключаетъ появленіе «ö» въ томъ же окончаніи. Если о, ȯ беретъ верхъ, какъ, повидимому, напр. въ ćotýŕȯch четырехъ, то это вѣроятно объясняется вліяніемъ формальной категоріи, ср. «трёхъ»; ср. вполнѣ неорганическій твор. nóćj̯öj̯ (ночью) при скоромъ nóćj̯ej̯.

Можетъ быть, иной хотѣлъ бы оспорить, что имѣемъ право считать полное, дѣйствительное о, а не напр. «ö», исходной точкой этого движенія. Но видимъ точно такое же развитіе и тамъ, гдѣ о не изъ е, а первоначально, между тѣмъ какъ предшествующая палатальность возникла позже. Ср. bóľńö и -ńe, больно, davńóxońḱo, -ḱö и -ḱe, смотря по темпу, хотя послѣдняя форма обыкновенна; báťińḱe, и медленно -ḱo; xorošéńḱö, «съ исчезающей лабіализаціей». Ср. въ муж. р. прилагательныхъ žarkój̯ (жаркій), ćórsvoj̯ (черствый): śéľsḱöj̯, źeľéńeńḱöj̯ и -ḱej̯, и др.

Но, хотя и Паньковскій говоръ ушелъ уже далеко въ отступающемъ своемъ движеніи отъ 'о къ 'е, особенно въ скорой рѣчи, изъ сравненія ряда отдѣльныхъ случаевъ, оказывается, что Ихалицкій говоръ ушелъ еще гораздо дальше; этого любопытнаго отношенія я касался бѣгло уже въ предварительномъ отчетѣ. Въ Ихалицѣ е, во многихъ случаяхъ, одолѣло съ виду окончательно; напр., po-mój̯emu, ср. Паньк. po-mój̯ömu, pôgŕep[1]), род. мн. sôśen; такъ даже въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ: Их. koľesô — Паньк. koľösô, oćevô — П. oćovô (отъ чего), ťepłô, bŕevnô (мн. bŕóvna); ср. отъ стараго ѣ Их. ŕeḱa, ŕekú, zv́ezdá (мн. zv́êzdy), gńezdô (мн. gńózda) j̯ezdók (а П. j̯ozdók, ѣздокъ), śedóḱ (а П. śödók); далѣе, напр., Их. pľetú, ńesú ńesút, u sv́ekróv́i (а ср. u sv́ókra), ŕebrô (мн. ŕóbra);

1) М. б., впрочемъ, чужое слово; ср. обыкновеннѣе употребленное j̯áma; однако ô говоритъ за прирожденность.

даже žená [1]), ср. однакожъ «nášo ďêło ńe vášo», «mášot rukój».

Но хотя Ихалицкій говоръ развился далеко на пути къ вытѣсненію 'o, однако никакъ нельзя говорить въ этомъ отношеніи о «правильности»; оказывается, что описываемое явленіе и въ этомъ говорѣ путанно. -e уже владѣетъ въ иныхъ словахъ, такъ въ большинствѣ выше приведенныхъ; иногда (напр. ŕeká) по моему источнику безъ соперника; но если видимъ, съ одной стороны, ŕetúx, ńemój, то съ другой стоятъ v́osná, sĺorój съ яснымъ 'o; слышится не только móŕo, póĺo, vŕéḿo, гдѣ 'o могло поддержаться категоріей формы, но и, напр., jovô, jömú. При томъ, въ Ихалицкомъ, какъ въ Паньковскомъ, говорѣ можно указать примѣры съ двойнымъ произношеніемъ; такъ, напр., śeĺô и śóĺô село, v́edrô и v́odrô, ćetýŕje, а при медленной рѣчи и ćo-; и 'o, или граничащіе съ нимъ оттѣнки, выступаютъ часто въ положеніяхъ, гдѣ объяснить ихъ можно только помощью старшей, исчезающей традиціи; напр., 2 ед. kôĺoš колешь. Кажется поэтому безсомнѣннымъ, что звуковая подкладка и исходная точка въ этомъ явленіи въ Ихалицѣ тождественны съ Паньковскими; оба говора развиваются по одному и тому же звуковому направленію; только ступеньки, до которыхъ дошли одинъ и другой, нѣсколько различны.

— Отдѣльные примѣры заставляютъ спросить, не дѣйствуетъ ли и предшествующая шипящая согласная, хотя сама по себѣ «твердая», такимъ же образомъ на гласныя a, u, o какъ «мягкая» согласная? Въ ударяемомъ положеніи я остановился только на единичномъ случаѣ изъ Панькова: въ неопр. vož[d]-žátśe возжаться отмѣчено явственное «å»; на немъ, конечно, невозможно строить заключенія. Въ неударяемомъ положеніи могу привести для гласной a опять только мало случаевъ; въ 3 мн. ďóržat держатъ я слышалъ обыкновенное a; если сравнить его съ прош. мн. doržáĺi, съ a, не ă, то я остался при впечатлѣніи, что ž не

1) А въ Паньк. за то и въ дат. мѣст. žóńê.

дѣйствуетъ на а иначе, чѣмъ какая либо твердая согласная; другое впечатлѣніе оставляетъ сравн. ст. gózäi̯ä (при gózeji̯ö); но за то здѣсь нельзя забывать возможное вліяніе, въ гармонизирующемъ направленіи, слѣдующаго, правильнаго ä. Для и отмѣчено, напр. въ žuji̯ú жую, что передвиженія послѣ ž не замѣтно. Остается гласная о; за то при ней отмѣчено не мало примѣровъ, указывающихъ на передвиженіе. Такъ, часто во 2 л. ед.: l'ézöš ляжешь, pl'óščöš (pl'öskát' плескать), mózöš; ср. 3. ед. mózöt, mášöt (ср. ниже), 1. мн. mózöm; а также въ другихъ формахъ, напр. d'úžöi̯, Их. mł'átšöi̯ младшій, pšöńíšnaja пшеничная, poł'ózöno. Но, при томъ, напр., d'ózovo, paŕíšom, ćášok, nasažonô съ яснымъ о, «mášot rukój», и под. Значитъ, можемъ только говорить о «склонности», границы которой остаются неясными. А и все явленіе мнѣ неясно въ фонетическомъ отношеніи. Объяснить упоминаемое здѣсь ö изъ е помощью лабіализаціи шипящихъ (ср. § 8), представляется по моему невозможнымъ. Правдоподобнѣе, можетъ быть, предположить въ неударяемомъ положеніи послѣ шипящихъ извѣстное общее ослабленіе артикуляціи гласныхъ (ср. часто «э» и въ образованномъ русскомъ, напр. въ «же»), на основаніи котораго и о могло бы приближаться къ извѣстному, трудно опредѣляемому «ö» широкаго (ненапряженнаго) образованія. Небезвѣроятно, что вліяетъ при томъ и характеръ слѣдующаго звука (ćášok : mášöt); при слѣдующемъ «зубномъ» переходъ въ ö какъ будто состоится легче. Въ ударяемомъ слогѣ о, повидимому, оставалось послѣ шипящихъ чаще неизмѣненнымъ; напр. ƀoł'šój, ńeužól'i.

§ 14. Лабіализація. Предыдущій параграфъ показалъ, что ö отличается слабымъ употребленіемъ губъ, склоннымъ исчезать. Какъ употребленіе губъ слабѣе въ ö, чѣмъ въ о, такъ оно и менѣе сильно при ú, чѣмъ при u. Въ гласныхъ задняго ряда степень этой лабіализаціи соотвѣтствуетъ вообще ихъ внутренней напряженности и высотѣ; въ ô губы закрываются сильнѣе, чѣмъ въ о, а въ u опять вообще сильнѣе, чѣмъ въ ô.

Особая артикуляція этихъ лабіализованныхъ, а особенно заднихъ лабіализованныхъ гласныхъ имѣетъ, конечно, вообще способность переходить и на окружающіе звуки; частью только особое положеніе губъ, а частью и внутреннее положеніе языка; и то и другое можно собрать подъ выраженіемъ «лабіализація».

На слѣдующія согласныя лабіализація въ описываемомъ говорѣ имѣетъ такъ мало вліянія, что можно оставить его безъ вниманія; ср. вообще съ образованнымъ русскимъ языкомъ. Что касается до перехода и вліянія лабіализаціи лабіализованной гласной на согласныя предшествующія, то это явленіе, сколько мнѣ извѣстно, еще недостаточно освѣщено для русскаго языка. Изъ сказаннаго о немъ Свитомъ для московскаго произношенія (Russian Pronunciation, Transactions o. t. Philol. Soc. 1877—1879, стр. 550) отмѣчу:[1]) лабіализація, придающая извѣстнымъ предшествующимъ согласнымъ «the back-round quality of a weak english w», замѣчается прежде всего въ x, въ сочетаніяхъ xo, xy. Въ сочетаніяхъ my, mo лабіализація ясно слышна въ самой согласной. Въ сочетаніяхъ go, ko, bo, po слышится только «the off-glide», т. е. переходный звукъ отъ согласной къ гласной, подобный полу-подавленному u[2]), такъ что непривычное (англійское) ухо склоняется слышать то «ko», то «kwo». Только гортанныя и губныя согласныя лабіализируются этимъ образомъ. ɨ уже по своей природѣ вмѣщаетъ въ себѣ столько свойственной гласной и артикуляціи, что въ немъ и не можемъ ждать различія между «нелабіализованнымъ» и «лабіализованнымъ» видами. Кромѣ u и o также y (ы) имѣетъ лабіализирующее вліяніе на упомянутыя согласныя, почему сочетанія by, my, by производятъ дифтонгическое впечатлѣніе, «to a foreign ear something like ui».

Нѣтъ сомнѣнія, что за этими наблюденіями знаменитаго англійскаго фонетика скрываются явленія, заслуживающія даль-

1) Транскрибирую трудные знаки Bell.
2) Собственно, по Свиту, англ. «w».

нѣйшаго, обстоятельнаго изслѣдованія. Мои собственныя, къ сожалѣнію слишкомъ бѣглыя наблюденія надъ языкомъ образованныхъ русскихъ вполнѣ подтверждаютъ существованіе указаннаго Свитомъ произношенія; но не смѣю пока рѣшить, съ одной стороны, очертилъ ли онъ вѣрно границы этой лабіализаціи, не является ли она, напр., иногда и при зубныхъ и принадлежитъ ли она постоянно гортаннымъ и губнымъ,— а съ другой стороны, не зависитъ ли очевидно болѣе или менѣе сильное развитіе явленія отъ діалектическаго различія [1]).

Въ описываемомъ сѣверновеликорусскомъ говорѣ о гласныхъ o и u можно, повидимому, сказать какъ общее правило, что предшествующая согласная антиципируетъ ихъ степень лабіализаціи, т. е. адаптируется къ ихъ артикуляціи; заключаемъ это (ср. при палатализаціи, § 12) особенно отъ отсутствія особаго гласнаго переходнаго звука между согласною и гласной; пользуясь экспонентомъ, можемъ выразить это условно картинами «n̊o», «n̊u» и под. Какъ далеко доходитъ эта лабіализація въ сочетаніи согласныхъ, въ полной или слабѣйшей степени, пожалуй, не всегда поддается такъ легко рѣшенію наблюдателя, такъ какъ эта добавочная артикуляція можетъ явиться въ сочетаніи постепенно; но приведу какъ интересный случай «otv̊o-r̊n̊ût», отвернуть, гдѣ лабіализація, въ полной и ясной степени, доходитъ сплошь до слогораздѣла.

Передъ ô согласная, какъ отмѣчено уже въ § 5, склонна, повидимому, принимать сильнѣйшую степень лабіализаціи, чѣмъ свойственная гласной, а именно степень гласной u; можно условно обозначить это примѣрно «dv̊ôr» дворъ, «k̊ôt» котъ и под. Дальнѣйшее развитіе гласной, къ которому ведетъ это явленіе, достаточно освѣщено въ § 5.

Присвоить «лабіализацію» и согласнымъ, предшествующимъ гласной y (ы), мнѣ представляется, по разнымъ соображеніямъ,

1) Finck, въ своихъ транскрипціяхъ съ объясненіями въ Phon. Studien IX, согласуется вообще съ наблюденіями Свита, а новаго по этому вопросу не даетъ.

неудачнымъ [1]). Въ § 1 указано, что артикуляція самой гласной «у» зависитъ до извѣстной степени отъ окружающихъ, особенно предшествующихъ звуковъ. Это, конечно, не мѣшаетъ гласной передать, съ своей стороны, извѣстнымъ предшествующимъ согласнымъ свойственное ей положеніе языка. Въ какой степени это дѣлается, не могу пока рѣшить. А въ губныхъ согласныхъ описываемаго говора (какъ и въ языкѣ образованныхъ русскихъ) мнѣ кажется, будто антиципація свойственнаго (заднему) у (ы) положенія языка существуетъ только, такъ сказать, отчасти; во время закрытія губныхъ, задняя часть языка поднимается въ область верхнихъ гласныхъ задняго ряда и занимаетъ приблизительно положеніе ненапряженнаго u; только послѣ открытія губнаго затвора, задній языкъ довершаетъ свое движеніе отъ этого неяснаго «u» въ ясную артикуляцію «у», о которой въ § 1. Въ промежуткѣ отъ открытія губнаго затвора до достиженія языкомъ этой артикуляціи, т. е., когда съ одной стороны остались еще исчезающіе слѣды лабіализаціи, въ узкомъ значеніи слова, а съ другой задній языкъ еще не успѣлъ вычеканить артикуляцію «у», звучитъ, если не постоянно, то весьма часто переходный звукъ, глухое u, придающій иногда слогу до извѣстной степени дифтонгическій характеръ (условно «гаъцу» рабы). Свое пониманіе этого явленія, не согласующееся вполнѣ со мнѣніемъ Свита, опираю и на томъ, что тамъ, гдѣ послѣ губной слѣдуетъ «у» ослабленнаго, поэтому болѣе низкаго образованія, напр. въ неударяемой частицѣ -бы, переходный звукъ «u» по моему выступаетъ слабо или совсѣмъ нѣтъ.

Предоставляя дальнѣйшее изслѣдованіе этого явленія — напр., и вопросъ, перемѣняется ли также положеніе губъ въ губныхъ передъ ы — самимъ русскимъ, перехожу къ вліянію лабіализаціи въ описываемомъ говорѣ на непосредственно предшествующую гласную. Единственная гласная, поддающаяся по

1) Свитъ, пользуясь терминомъ «лабіализація», спрашиваетъ, не указываетъ ли это свойство гласной ы до сихъ поръ на первоначальный, праславянскій видъ ея, u. Не могу убѣдиться въ возможности такого объясненія.

моему наблюденію замѣтнымъ образомъ вліянію слѣдующей лабіализаціи, это — вообще довольно движимое о. Передъ u̯, напр. въ tou̯knúť толкнуть, tou̯kú толку, tou̯s толстъ и под., о звучитъ безсомнѣнно болѣе «закрытымъ», чѣмъ, напр., въ dom. Эту закрытость слѣдуетъ очевидно прежде всего приписать сильнѣйшему закрытію губъ; вызывалась ли при томъ и перемѣна во внутренней артикуляціи, т. е. въ положеніи задней части языка, я не въ состояніи рѣшить, но склоненъ отрицать.

Прим. Въ гласной о слѣды такой лабіализаціи могутъ даже выступать внѣ границъ того слога, гдѣ имѣемъ дѣйствующую причину (u, u̯, ô). Такъ, въ формахъ прош. вр. какъ poł̂ôu̯, poł̂ôła, koł̂ôu̯, porôu̯ поролъ, въ 3. мн. borôńät, неопр. koł̂ôť, porôť и др., въ vorôna, мн. vorôny замѣчалось, какъ нерѣдко (не могу сказать постоянно) и первое о принимало немного болѣе закрытый видъ, чѣмъ обыкновенное to, do и под. А въ прош. potou̯kłá потолкла, pošóu̯ пошелъ извѣстное слабое дѣйствіе u̯ достигало не только ближайшаго о (см. выше), но и о въ ро-, различающагося поэтому на малость отъ ро- въ, напр., posoḃí пособи. Такимъ же образомъ о звучало нерѣдко немножко болѣе закрытымъ передъ слогомъ съ u: na-bokú, f-poł̂kú. — Не хочу я скрывать этого наблюденія и моего пониманія его, хотя рѣчь идетъ здѣсь о минимальныхъ различіяхъ, не играющихъ при томъ важной роли въ фонетикѣ говора. Особенно приведенное отношеніе potou̯kłá, pošóu̯ : posoḃí позволяетъ заключить о дѣйствующей причинѣ, какъ я это сдѣлалъ. Однако, при обзорѣ примѣровъ невольно бросается въ глаза, что всѣ эти слоги, въ которыхъ я предполагаю вліяніе извѣстной «гармонизирующей» склонности — неударяемые, и при томъ имѣютъ о послѣ губной или же гортанной согласной. Поэтому и спрашивается невольно, не содѣйствуетъ ли къ болѣе закрытому произношенію и «лабіализація» предшествующихъ гортанныхъ и губныхъ въ

описанной Свитомъ формѣ[1]), проходившей вообще незамѣченной для моего уха?"

О свойственной согласнымъ š и ž лабіализаціи и ея вліяніи на слѣдующее e можно указать на сказанное въ § 8.

§ 15. Замѣтки объ извѣстныхъ звукахъ въ концѣ и въ началѣ слова. Разныя черты при столкновеніи согласныхъ. Какъ сказано въ § 6, встрѣчаемъ иногда, въ концѣ слова, гласныя, потерявшія свою голосность. Но это не правило или обыкновенная склонность; напротивъ, не только конечныя гласныя сохраняютъ обыкновенно голосъ, но и конечныя плавныя и носовыя, если имъ предшествуетъ гласная; ср. сказанное о словѣ toṕéŕ въ § 12. — Иначе, если согласной упомянутаго рода предшествуетъ согласная; тогда исчезаетъ не только голосность, но вся артикуляція. Такъ получается имя Александръ въ формѣ Oĺoksán; развилась ли эта черезъ промежуточную форму *-sánt(r), не можемъ болѣе рѣшить. Ср. формы какъ osmót род. -tra, осмотръ, dôp добръ, жен. р. dobrá.

Въ концѣ слова нашъ говоръ потерялъ далѣе постоянно t старшаго сочетанія st; s сохраняетъ старшую палатализацію такого сочетанія. Такъ, напр., kŕos крестъ, das дастъ, jês ѣстъ (новѣе jes), touș толстъ, xvôs род. xvostá, zvês род. мн. отъ zvózdá, gńês р. мн. отъ gńozdô, naizús наизустъ, «on słovís» (т. е. словистъ, «słovám (govoŕíť) ĺóvok on»), «gorás govoŕíť» (гораздъ); straś страсть, goś гость, jiś ѣсть. — Съ этой потерей t послѣ s въ концѣ слова связывается, конечно, и исчезновеніе его въ примѣрѣ какъ ĺíśja листья.

Изъ начала слова отмѣчу, что гласная безъ j-, напр. on, eščó («eš[t]šo», ср. § 8), ikrá и др., начинается повидимому нормально тѣмъ, что называется у Сиверса «leise gehauchter Einsatz»;

---

1) Т. е., выражаясь коэффиціентомъ, приблизительно «$k^{u}o$», «$t^{u}o$» и под.; см. выше.

т. е., она не начинается «взрывомъ», внезапнымъ разрываніемъ раньше сдвинутыхъ голосовыхъ связокъ, но такъ, что голосовыя связки сдвигаются въ положеніе звучности, когда выдыханіе уже успѣло начаться черезъ сначала открытую голосовую щель (ср. Sievers, Grundzüge и т. д., 5. изд. 382 сл., особенно 388). — Замѣчательную черту представляетъ при этомъ начальное е слова этотъ, въ абсолютномъ началѣ и медленной рѣчи; е само, по § 12, всегда не напряженно, «открыто», независимо отъ гласной слѣдующаго слога; а передъ нимъ, при упомянутыхъ условіяхъ, выступалъ обыкновенно слабый призвукъ болѣе закрытаго качества, какое-то «ê»; условно можно писать, напр., «ê̂étot», только съ тѣмъ, что ê нужно представить себѣ какъ особенно краткій звукъ, сильно «редуцированный» по сравненію съ обыкновенными гласными. Объясненія этого, ни въ какомъ другомъ примѣрѣ встрѣченнаго явленія, не умѣю дать[1]). При скорѣйшей рѣчи е- звучало однообразнымъ съ самаго начала. Объ е- этого слова въ сочетаніи съ предшествующей согласной ср. сказанное въ § 12.

Объ упомянутой нормальной артикуляціи гласной въ началѣ слова, безъ «взрыва» въ кадыкѣ, можно было бы предположить, чтобы она вообще облегчала слитіе въ дифтонгическое сочетаніе начальной гласной съ предшествующей конечной гласной, оканчивающейся съ своей стороны, по § 3, безъ смыканія голосовыхъ связокъ. Такое слитіе, между тѣмъ, не кажется обыкновеннымъ; я не отмѣтилъ примѣровъ его, а напротивъ наблюдалъ, какъ, напр., въ «ńe ušyƀíś», не ушибись, -е да u- сохраняются какъ два вполнѣ отдѣльныхъ слога.

Прим. Слитіе конечнаго слога съ слѣдующимъ начальнымъ въ одно сочетаніе дифтонгическаго характера я наблюдалъ въ единичномъ случаѣ, именно въ выраженіи «не

1) Въ словѣ ím̀o, имя, я впрочемъ далъ себѣ вопросъ, не предшествуетъ ли і нѣсколько болѣе узкая артикуляція, сближающая форму къ «jím̀o».

ржи». Начальное r слова ržy составляетъ, если не для говорящаго, то во всякомъ случаѣ для наблюдателя особый, второстепенный слогъ, «r̥»; а съ предшествующимъ ńe вышло «ńer-žý», гдѣ r притянулось къ предшествующему слогу въ качествѣ согласной. Однако, такое слогораздѣленіе составляетъ исключеніе отъ обыкновеннаго правила, высказаннаго уже въ § 3, объ общей склонности къ «открытости» слоговъ. Это правило не абсолютно; напр., кромѣ упомянутаго въ § 7 слогораздѣленія внутри согласныхъ долгихъ, я отмѣтилъ случай какъ oĭek-śí[j] (Алексѣй); но обыкновеннѣе иначе; такъ, постоянно наблюдалось дѣленіе ku-zńéć (не kuz-ńéć); отмѣчено даже, напр., tóu̯-šče (толще; объ -e см. § 8), а не tóu̯š-če, хотя слогораздѣленіе при šč по § 8 обыкновенно лежитъ внутри этого сочетанія; и прямо противъ «ńer-žý» стоитъ отмѣченное въ § 14, по вопросу о лабіализаціи, раздѣленіе «otvó-rnúť», отвернуть. Поэтому и не придаю случайному наблюденію о слитіи ńe съ слѣдующимъ r- особеннаго значенія.

Перемѣну начальной гласной имѣемъ въ извѣстномъ переходѣ i въ y послѣ твердой согласной; напр. J'xaĭić́a, но s-ýxaĭić́i; s-ýńom (s-ýńeńom, ср. Морфологію); s-ykónoi̯; «a v-upýx-ykrá», а въ иныхъ икра; такъ и послѣ k : k-yvánovu dńi.

— Въ § 7 уже упоминалось, какъ обыкновенные въ литературномъ русскомъ языкѣ законы о голосности и безголосности согласныхъ, въ паузѣ и въ сочетаніяхъ, наблюдаются и въ описываемомъ говорѣ: v́erx, ć́erkof оставляютъ r голоснымъ; но ассимиляцію къ безголосности слѣдующей согласной видимъ, напр., въ t на мѣстѣ старшаго d слова ŕêtko рѣдко, и мн. др.; обратное уподобленіе является, напр., въ «kag zdúmau̯» какъ сдумалъ, nášyx: nášyγ dĭt́éi̯, v́eź górot и под.

Примѣръ nášyγ- показалъ намъ длительное γ, происшедшее подъ вліяніемъ уподобленія изъ x. Оно встрѣчается еще и между гласными, въ извѣстныхъ изъ литературнаго языка слу-

чаяхъ какъ bóγu, kĭenúś bóγǫm, bоγátoj, bоγátsvo (съ потерей втораго t). А далѣе оно развилось передъ слѣдующимъ d: koγdá, ńékoγda. Подобное развитіе k видимъ передъ t въ чужомъ словѣ dóxtur и въ мѣстоименіи xto; по съ другой стороны имѣемъ kókťi когти, тв. kokťám; ср. k-ťêm dńam. Значитъ, развитіе не возстановило всюду одно и то же. О слитіи k + k, g + k и под. см. § 7.

Послѣднія замѣтки уже касаются столкновенія согласныхъ. Мы стоимъ здѣсь передъ предметомъ изъ «ученія о комбинаціи звуковъ», заслуживающимъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ то, что обыкновенно надѣляется ему. Общіе принципы остаются, повидимому, тѣми же самими, которые даетъ Сиверсъ въ своихъ «Grundzüge» (ср. Богородицкій, уп. соч. стр. 46 сл.). А это не должно остановить наблюдателя въ изученіи разныхъ подробностей. Пользуюсь случаемъ, чтобы коснуться двухъ-трехъ такихъ подробностей.

Мы уже отмѣтили, по поводу палатализаціи (§ 12), какъ столкновеніе звуковъ d и t приводитъ къ произношенію съ однимъ закрытіемъ и взрывомъ; долгота собственно двухъ звуковъ сохраняется тѣмъ, что удлиняется пауза между закрытіемъ и взрывомъ; такъ получаемъ «t̄», «d̄». Палатальнымъ такой звукъ становится только тогда, если вторая часть первоначальнаго сочетанія палатализована; а если только первая часть палатальна (ť + t, ď + t и пр.), то она теряетъ дорсальную свою артикуляцію, повидимому вполнѣ. Такъ происходитъ, напр., «kak nazvā́to», какъ назвать то, «jīt̄udá» ѣдь туда, «śét̄udá» сядь туда; но jīt̄e ѣдьте, śét̄e сядьте и т. д. — Взрывъ согласной t далѣе теряется въ сочетаніи какъ «отъ чего»; но здѣсь, повидимому, теряется и возникшая первоначально при слитіи долгота (въ паузѣ); по крайней мѣрѣ мой Ихалицкій источникъ произносилъ чистое «oćevô»; ср. разныя замѣчанія по поводу шипящихъ въ § 8.

t передъ ť — перенимающее по § 12 палатализацію отъ послѣдняго, т. е. t́ — теряетъ характерный ему, напр., въ положе-

ніи передъ гласными взрывъ; оно взрывается черезъ l', т. е. «латерально» (Сиверсъ, 462 сл.); такъ напр. въ ńêt : ńêtl'i, pétl'ä петля и под.

Подобнымъ образомъ взрывъ становится «носовымъ» (Сиверсъ 465 сл.) передъ n, напр. въ płótńiki, dńa; ср. къ этому мою статью въ Сборникѣ въ честь Θ. Корша, стр. 275 сл. также передъ ŕ, напр. въ stŕíća встрѣча[1]), пропадаетъ характерный для t взрывъ. Именно эти явленія часто затрудняютъ рѣшеніе вопроса о палатальности или непалатальности помощью акустическаго впечатлѣнія, такъ какъ принадлежащій характерному концу согласной «переходный звукъ» (напр., послѣ t́, передъ гласной, звукъ «chi», ср. § 12) часто даетъ наблюдателю наилучшій критерій для опредѣленія самой артикуляціи согласной.

Болѣе любопытно въ этой связи, впрочемъ, сочетаніе какъ «pét-pudôf» пять пудовъ. И здѣсь обыкновенный взрывъ t не состоится; уже раньше губы закрываются, образуя p, а открытіе артикуляціи t состоится внутри закрытаго рта; ср. къ этому замѣтки Сиверса, 5. изд., 457. И въ такомъ сочетаніи теряется всякое впечатлѣніе «палатализованнаго t́». — Передъ другими губными, напротивъ, t и d, повидимому, сохраняютъ самостоятельный взрывъ, напр. въ dv́éŕi, Matv́íi, dv́onáćeć двѣнадцать (во всѣхъ по § 12 «мягкая» зубная). Подобнымъ образомъ взрывъ t состоялся передъ k, напр. въ útka, род. útki; потому и легко было установить въ послѣдней формѣ мягкость t; такъ и въ ŕétka рѣдька (ср. § 43).

Примѣръ l'ókoi легкій показалъ намъ, въ § 7, что k передъ k развивается какъ t передъ t, о чемъ мы только что говорили. k передъ t или развивается въ x (ср. выше), или же остается неизмѣненнымъ; а въ такихъ случаяхъ, напр. k-ćeb̂é, оно сохраняетъ самостоятельный свой взрывъ. Подобнымъ образомъ оно взрывается передъ ć, напр. въ k-ćáŕú къ царю. Также передъ l и n, напр. k-nóći къ ночи, k сохраняетъ обыкновенный

1) Отмѣчена при томъ форма fstŕíća.

свой передъ гласными взрывъ, а не взрывается «латеральнымъ» или «носовымъ» образомъ; ср. выше, о t въ подобныхъ сочетаніяхъ.

То же самое слѣдуетъ подчеркнуть при губной взрывной согласной передъ l, напр. b въ bĺíže (-žə, см. § 8): b (твердое) взрывается передъ тѣмъ какъ языкъ занимаетъ свойственное ĺ положеніе.

Прим. Стяженіе, заслуживающее вниманія, не смотря на его обособленность, отмѣчено въ словѣ «пьяница». Въ медленной рѣчи оно звучало, какъ ожидается: ṕi̯éńiśa; но въ скорѣйшей рѣчи ṕi̯éń̄śa. Между двумя однородными согласными ń и ś языкъ, въ слабо ударяемомъ слогѣ, не успѣлъ отторгнуться отъ нёба для образованія узкой гласной i; n̄ является теперь, со своимъ удлиненіемъ, на мѣстѣ ńi; выдыхательный напоръ этого слога совершенно исчезъ, и слово перешло такимъ образомъ въ двуслоговое.

§ 16. Замѣтки о развитіи описываемаго говора; старое и новое. Въ предисловіи я уже очертилъ, для правильной оцѣнки разныхъ явленій, главныя линіи, по которымъ слѣдуетъ вліяніе чужихъ идіомовъ на описываемый говоръ. Какъ сказано тамъ, слѣды вліянія съ юга, съ московскаго произношенія, рѣдки и слабы; они, пожалуй, ограничиваются единичными случаями аканья, о которыхъ не можемъ рѣшить, получены ли они прямо или черезъ сѣверную столицу. Укажу на характерный такой случай: твор. vaĺóm воломъ; не только форма, но и самое слово voĺ собственно чуждо говору, употребляющему для этого понятія «śíščonoi̯ byk».

Тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ, по разнымъ причинамъ, указаннымъ въ предисловіи, тотъ самый сѣверновеликорусскій языкъ, къ которому принадлежитъ и описываемый говоръ. А какимъ образомъ — это понятно само собой, и уже часто указывалось въ отдѣльныхъ точкахъ Фонетики нашего описанія. Общія

черты всего сѣверновеликорусскаго, какъ напр. оканье, остаются вообще нетронутыми; особыя черты говора подвергаются перемѣнѣ по направленію къ возстановившейся павѣрное уже давно, такъ сказать, «сѣверновеликорусской пормѣ».

Первая типичная черта этой ассимиляціи повидимому — потеря гласной ô; при старомъ davnô даже у такихъ консервативныхъ элементовъ какъ мой главный Паньковскій источникъ слышалось davnó, и под. Что перемѣна зависитъ отъ вліянія извнѣ, выступаетъ явно. У тѣхъ, которые бывали въ Петербургѣ, ô исчезаетъ скоро. Поэтому оно въ самомъ Шуйскомъ уже слышится по моимъ наблюденіямъ довольно рѣдко, исключая, когда говорятъ развязно, болѣе «домашнимъ» образомъ. Населеніе Шуйскаго именно отправляется въ большомъ числѣ, иные дома пожалуй поголовно, въ сѣверную столицу, на заработки[1]).

О прочихъ перемѣнахъ въ томъ же направленіи не могу высказаться насчетъ очереди; онѣ возникаютъ повидимому всѣ рядомъ. Самаго широкаго развитія достигло, кажется, замѣщеніе звука u̯, развитаго изъ старшаго l (ł), этимъ самымъ звукомъ. Въ § 9 я уже высказался объ этомъ явленіи. Не исключена возможность, что къ возстановленію ł содѣйствуютъ и окружающія формы того же корня въ самомъ говорѣ; когда при ḿêu̯ мѣлъ у моего консервативнаго Паньковскаго источника уже чаще употреблялось ḿêł, то въ этомъ отчасти могутъ быть виноваты косвенные падежи, -łu, -łom и под., съ законнымъ ł. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что переходъ отъ старѣйшей формы, какъ напр. прош. вр. šau̯ ссалъ, къ повѣйшей (и сознательно повѣйшей) šał обозначаетъ собой во многихъ случаяхъ сознательное усвоеніе чужаго произношенія; вопросъ въ томъ, не вызвано ли это какъ будто обратное движеніе цѣлкомъ вліяніемъ извнѣ.

---

1) Вліяніе полу-образованнаго столичнаго говора понятно принимаетъ иногда, напр. у молодыхъ подрядчиковъ, карикатурныя формы, съ употребленіемъ выраженій какъ «я Вамъ скажу», «знаете что» и под. на весьма неподходящихъ и весьма многочисленныхъ мѣстахъ рѣчи.

Исключительно послѣднимъ образомъ объясняются указанные случаи вторженія новаго (и сознательно новаго) a, въ оттѣнкѣ ä (ср. литературное произношеніе), на мѣсто принадлежащаго самому говору e, напр. въ rovńäť при rovńéť, ďäďä при ďéďa; это ужъ явныя формы столичнаго и школьнаго языка.

Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ же образомъ слѣдуетъ объяснить также новѣйшее, болѣе «ученое» roj̓éś поѣсть при старшемъ roj̓íś, соотвѣтствующемъ развитію говора (§ 4), вѣроятно далѣе ko mńe при ko mńê ко мнѣ, а можетъ быть и 3. ед. j̓es ѣстъ при болѣе обыкновенномъ j̓ês (ср. однако сказанное въ § 4). Лично я и думаю, что отмѣченное при «v-odnóm-to mísťe» «...mêsťe» обозначаетъ собой вліяніе извнѣ[1]); противъ этого не говоритъ гласный оттѣнокъ ê, который отражаетъ здѣсь по моему мнѣнію «закрытое» e образованнаго русскаго языка (ср. мѣстѣ : мѣсто). Но ê въ mêsté можно, конечно, объяснить и помощью аналогіи изъ формъ вродѣ mêsto, mêsta и под. Во всякомъ случаѣ, нужно обратить вниманіе на то, что черты, различающія нашъ говоръ отъ столичнаго произношенія на почвѣ стараго ѣ, удерживаются вообще очень цѣпко, вѣроятно потому что онѣ, вполнѣ или отчасти, принадлежатъ весьма широкому кругу сѣверновеликорусскихъ нарѣчій. Прислушиваясь къ говору на улицѣ Шуйскаго, я дошелъ до заключенія, что менѣе всего подвергаются измѣненію тѣ случаи стараго ѣ, гдѣ оно развилось, по § 4, въ i.

Объ описанномъ въ § 13 «отступающемъ» движеніи нашего говора отъ o съ предшествующей мягкой согласной черезъ ö въ e, нужно сказать, что оно принадлежитъ само по себѣ внутреннему развитію говора. Но нѣтъ сомнѣнія, что эта склонность въ новѣйшее время получила сильную подпору въ вліяніи извнѣ, вѣроятно особенно изъ образованнаго, «литературнаго» произношенія.

Въ связи съ отмѣченными, такъ сказать грубыми, всѣмъ сейчасъ видными чертами вліянія извнѣ, не могу обойти вопроса,

1) Не говоря уже о формѣ odnóm; ср. выше.

не преобразовались ли и болѣе тонкія, труднѣе уловимыя стороны произношенія, какъ то темпъ и интонація рѣчи, въ этихъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ того же самаго теченія изъ чужихъ идіомовъ? Объ интонаціи и темпѣ я высказался въ § 3, что они, у Ихалицкой старушки какъ и около Шуйскаго, не удаляются по моимъ наблюденіямъ замѣтно отъ того, что обыкновенно слышится у образованныхъ сѣверныхъ русскихъ, стоящихъ подъ вліяніемъ столицы и высшей школы. Но это не значитъ, чтобы нарѣчіе въ упомянутомъ отношеніи и раньше совпадало съ этимъ же типомъ произношенія. Напротивъ, Ихалицкая старушка указала, что говорили тамъ въ ея дѣтство болѣе «протяжно». Я попробовалъ отыскать въ ея памяти кое-какихъ слѣдовъ того старшаго положенія дѣла, на которое она какъ будто намекала; но не удалось уловить ничего опредѣленнаго, кромѣ указанной въ прим. къ § 5 черты по интонаціи: что дифтонгическое сочетаніе, появившееся на почвѣ стараго ô, выговаривается у нея съ нисходящимъ тономъ, что̀ не соотвѣтствуетъ наблюдаемому изъ Панькова произношенію.

Хотя эта черта сама по себѣ незначительна, но она вмѣстѣ съ упомянутымъ указаніемъ старушки достаточна чтобы доказать, что и по этой части существовали въ нарѣчіи особенности, заслуживающія вниманія. Имѣемъ поэтому право спросить, не разошлись ли линіи раньше въ сильнѣйшей степени, чѣмъ теперь, и не сгибаются ли онѣ теперь подъ вліяніемъ извнѣ?

Для окончательнаго рѣшенія этихъ вопросовъ требуется прежде всего внимательное изслѣдованіе сѣверновеликорусскихъ говоровъ и болѣе отдаленныхъ мѣстностей этого края—прекрасная задача для музыкально образованнаго наблюдателя. То, что сохраняется въ Ихалицѣ, можетъ быть, только въ памяти старыхъ людей (ср. выше о темпѣ) или въ маленькихъ остаткахъ (ср. интонацію ô), не безвѣроятно выступитъ въ живой, болѣе ясной формѣ, или можетъ быть какъ часть болѣе крупнаго явленія, въ болѣе отдаленной, глухой мѣстности.

II. Морфологія.

Морфологія описываемаго говора не отличается отъ обыкновеннаго сѣверновеликорусскаго типа. Безъ матеріала по морфологіи однако трудно составить себѣ ясное понятіе о говорѣ; потому считаю не лишнимъ его привести. Указывая на разные параграфы первой части можемъ довольствоваться вообще простой транскрипціей; сохраняя, напр., знаки ä, ü, ö, обозначающіе собой полное развитіе описаннаго въ § 13 движенія, оставлю безъ вниманія промежуточные между ними и обыкновенными a, (u), o оттѣнки ȧ, ȯ которые обозначаю здѣсь просто a, o.

§ 17. Существительныя. Отмѣтимъ какъ характерную, хорошо извѣстную черту номинальной флексіи, совпаденіе дательнаго и творительнаго падежей множ. числа въ формѣ перваго. Исключая это, флексія соотвѣтствуетъ, вообще, системѣ литературнаго русскаго языка.

1. Основы на -a, -ja.

Ед. ч. И. gorá	Мн. ч. И. góry
Р. gorý	Р. gôr
Д. М. goŕê	Д. Т. gorám
В. góru (ná-goru pód-goru).	М. goráx
Т. gorój̇	

Ср. nogá — nogí — nogê — nógu — nogój̇; мн. nógi — nôk — nogám — nogáx. gołová : мн. gółovy — gołôf и т. д.; skovorodá : мн. skóvorody — skovorôt.

śostrá—śostrý и т. д. ударяетъ въ им. мп. śostrý, род. śesťór и т. д.; такъ же žoná въ им. мп. ударяетъ žoný (žon, žonám и т. д.).

Оттянутое ударепіе въ дат. ед. (Прогр. § 1) отмѣчено въ g-źíḿe, къ зимѣ, k-stórońe (ср. o źiḿê, na storońê); но только «k-j̯övô goľovê», g-borońê, k-stíńê и т. д.

Особой формы для звательнаго пад. не найдено; кричатъ, напр., máḿeńka![1]).

púľă	púľi
púľi	puľ
púľe	púľam
púľu	púľax.
púľöj̯.	

Въ твор. ед. при púľöj̯ часто слышится и -ľej̯; эту форму можно считать или собственной «мягкой», ср. моск. пулей, или же развитою изъ -öj̯ по § 13; такъ, отъ pťíća видимъ pťićéj̯ и, при вычурномъ произношеніи, также -ćoj̯.

dušá	dúšy
dušý	duš
dušê[2])	dušám
dúšu	dušáx.
dušój̯.	

Ср. ofćá м. ofćê, мн. ч. ófći — oŕéć и т. д.

Род. мн. въ заимствованной изъ основъ на -i формѣ отмѣченъ, напр., въ voždžá возжа[3]): мн. vóždży—voždžéj̯, или «voždžöj̯» подъ вліяніемъ ž, ср. § 8.

---

1) Ср. «báuška» вм. батюшка.
2) О произношеніи см. § 8.
3) Къ сочетанію ždž ср. сказанное въ § 8.

ṕísńa пѣсня въ род. мн. имѣетъ ṕíśen; прочіе формы — «мягки».

ďéńǵi въ дат.-твор. мн. при ďéńǵam имѣетъ также -ďam; ср. § 12.

2. Основы на -o, -u и -jo.

а) *Слова мужскаго рода.* Какъ въ литературномъ языкѣ, видимъ теперь въ сущности только одно склоненіе, съ извѣстнымъ различіемъ между «твердыми» и «мягкими» основами. Остатки флексіи основъ на -u, образованіе множ. числа па -a и на -ja, род. мн. ч. изъ основъ на -i и др., подобно какъ въ литературномъ языкѣ, дѣлаетъ картину этого склоненія, съ исторической точки зрѣнія, пестрою, такъ какъ традиція, какъ всѣмъ извѣстно, распредѣляетъ разныя образованія по словамъ или группамъ словъ, не соотвѣтствующимъ первоначальной группировкѣ. Примѣры:

dom	domá
Р. Д. dómu	Р. domôf
Т. dómom	Д. Т. domám
М. dóḿe	М. domáx.

ľês	ľosá
Р. ľêsa, ľêsu	ľosôf
Д. ľêsu	ľosám
Т. ľêsom	v-ľosáx.
М. v-ľíśe, v-ľosú.	

Къ род. ед. ч.: говорятъ, напр., dva ľêsa; но ср. íz ľösu; отъ svêt род. всегда совпадаетъ съ дат., svêtu; ср. мѣст. na svíťe. Лишь форму на -a видимъ, напр., въ mužýk — mužyká, множ. mužyḱí, mužykôf и т. д.; úgoų уголъ — úgľa; úzoų узелъ — úzľa, гдѣ z вм. ожидаемаго ź въ им. привлекаетъ вниманіе.

Прибавимъ здѣсь же примѣры «мягкаго» типа:

ćaŕ	ćäŕí
ćäŕá	ćäŕéį
ćäŕú	ćäŕám
ćäŕóm	ćäŕáx.
ćäŕê.	

kuṕéć — kupćá и т. д., мн. kupćí — kupćóf и т. д.; о произношеніи окончанія род. мн. см. § 5. kĺúć («отъ замка»), мн. kĺúćí, въ род. имѣетъ -ćéį или -ćóf. И въ мягкихъ основахъ встрѣчается род. ед. ч. на -u, напр. isv́íńću, изъ свинца.

Мѣстный пад. ед. ч. на -ú, послѣ предлоговъ na и въ, ср. выше v-ĺosú, встрѣчается часто: na ługú, na mostú, v-rovú (rof ровъ), f-sadú, na bokú, f-połkú, na-połú, f-śńogú (въ снѣгу), na ugłú, f-škapú, na v́erxú, v-godú, na b́eŕegú (ср. § 13), na poĺotú (на полетѣ); v-rajú.

Именительный множ. на -á, ср. выше domá, ĺosá, также обыкновенное явленіе; напр. głazá, ługá, b́eŕegá, v́ećorá (вечера), kućará (kúćar кучеръ), doxturá. Но pôgŕöby (pôgŕop погребъ), śńêgí отъ śńêk снѣгъ; объ ê ср. § 4.

Родительный пад. мн. ч. въ краткой формѣ отмѣченъ, напр., въ «šöę́ś ras» шесть разъ (о формѣ числительнаго ср. § 8); ṕeć aršýn; saĺdát при saĺdátof.

Именительный пад. множ. ч. въ формѣ собирательнаго встрѣчается часто, какъ и въ литературномъ языкѣ; какъ здѣсь же нужно группировать случаи по ударенію; соотвѣтственно съ послѣднимъ распредѣляется форма родительнаго пад.

1. Удареніе не на конечномъ слогѣ; какъ род. множ. употребляется тогда старый род. пад. единственнаго числа отъ собирательнаго на -ie, -ье; такимъ образомъ формы Им., Род. и вин. падежей множ. ч. теперь совпадаютъ. Напр. stuu̯ стулъ: и. в. мн. stúĺ̯a, род. также «vnôgo štúĺ̯a» много стульевъ; zup зубъ: zúb̯a («vgrabĺáx», иначе zúby — zubôf и т. д.); ď́év́eŕ: ď́e-

v́éŕi̯a; ľist : ľíśi̯a (§ 15); káḿeń (р. kámńa и т. д., въ мѣстномъ, съ удареніемъ на концѣ, на kamńê) : kaḿéńi̯a; kóŕeń : koŕéńi̯a; ŕéḿeń : ŕeḿéńi̯a. Ср. еще nókoť ноготь : nokóťi̯a (Их. nógoť : nogóťi̯a); но ľápoť мн. ľápťi — ľapťéi̯ и т. д.

2. Удареніе на конечномъ слогѣ; родительный пад. мн. ч. тогда согласуется съ литературной формой -ей. Напр. kńeś князь : kńeźi̯á—kńeźi̯éi̯; druk другъ : druźi̯á—druźéi̯—druźi̯ám, при drúǵi — drúgof и пр. Такъ и въ расширенныхъ образованіяхъ: brat — bráta : bratov́i̯á, -v́éi̯, -v́i̯ám; muš—múža : mužov́i̯á, -ov́éi̯; syn—sýna:synov́i̯á, -ov́éi̯; kum : kumov́i̯á; źeť : źeťev́i̯á, -v́éi̯.

Какъ въ литературномъ языкѣ ćort, чертъ во мн. ч. имѣетъ ćérťi — ćérťéi̯ и т. д., suśêt сосѣдъ suśíďi — suśíďei̯ (или suśêdof).

— Къ описанному здѣсь склоненію примыкаетъ и типъ (môi̯) syńíško, род. syńíška, дат. syńíšku и т. д.

Существительныя на -инъ: xŕeśi̯éńin (крестьянинъ; ср. xŕesťii̯ańín христіянинъ): мн. ч. xŕeśi̯ána — xŕeśi̯án — xŕeśi̯ánam; tatáŕin : tatára — tatár и т. д.; báŕin : bára — bár; gospoďín : gospodá — gospôt. Ср. xoźéin : xoźéeva (§ 10) — xoźéi̯of. Иначе šúŕin : šurov́i̯á — šurov́éi̯.

Слова на -енокъ согласуются вполнѣ съ литературнымъ языкомъ; напр. roḃónok — roḃónka и т. д., множ. ч. roḃáta — roḃát и т. д.; ťeľónok : ťeľáta — ťeľát и пр.

6) *Слова средняго рода.* Мягкія основы заимствовали въ им.-вин. ед. ч. окончаніе твердыхъ: móŕo море; подъ удареніемъ однакожъ это окончаніе различается отъ твердаго: śołô село, но ľićó, i̯ei̯ćó яйцо; ср. § 5. Примѣры:

ḿêsto	ḿostá
ḿêsta	ḿostôf
ḿêstu	ḿostám
ḿêstom	ḿostáx.
na ḿísťe.	

gńozdô—gńozdá—gńozdú—gńozdóm—gńizďê; мн. ч. gńêzda—gńês — gńêzdam или gńozdám — gńêzdax или gńozdáx. Когда

ďêło во множ. числѣ выказываетъ ďełá (р. ďêł) — ďełám — ďełáx, а не *ďołá и т. д., то это зависитъ, конечно, отъ церковнаго или школьнаго вліянія; см. § 16; такъ же, вѣроятно, произошли формы ťełá — ťełôf и т. д., отъ ťêło тѣло.

póľö	poľá
póľä	pôľ или poľéj
póľü	poľám
póľom	poľáx.
póľe.	

Такъ же móŕo: мн. moŕá, род. môf или moŕéj.

Данные примѣры уже показываютъ, какъ колеблется родительный пад. мн. ч. между старой формой и заимствованной изъ мужскаго рода. Ср. еще, напр., słóvo : słová — słôf, śołô : śóła — śoł, ľićó : ľića — ľić, oknô : ókna — ókon; но píśmô : píśma — píśmof при píśen (n!). Полный переходъ въ мужской родъ видимъ въ «odľn jábłok», мн. -kj. — jejćó яйцо, въ род. мн. соотвѣтствуетъ литературной формѣ: jeíć.

Множественное число въ формѣ собирательнаго видимъ, напр., въ kryłô : kryľja, съ дальнѣйшей флексіей какъ въ подобныхъ словахъ мужскаго рода. — pörô во множ. ч. обыкновенно употребляетъ форму póryška. Ср. еще źornô, съ мн. źórna, род. źórnof, или же źéŕńata, род. -ńat.

Развитію въ литературномъ языкѣ соотвѣтствуютъ úxo: мн. úšy — ušéj — ušám, óko: мн. óći — oćéj и пр., koľêno : koľíńi — koľińéj. Но pľećó : мн. pľéća, род. pľeć, и пр.

3. Основы на -i и остатки основъ на согласной.

Въ женскихъ основахъ на -i слѣдуетъ отмѣтить вторженіе окончаній дательнаго, мѣстнаго и творительнаго падежей ед. ч. изъ другихъ основъ; напр. noć, р. nóći, д. м. nóće, тв. nóćjöj (-ćjej, см. § 13); мн. nóći — noćéj — noćám — noćáx. koś кость,

мн. kósťi — kosťéi̯ и пр. Послѣ š, i принимаетъ видъ y: voš, мн. fšy — fšei̯ и пр.

Послѣ предлоговъ въ и на, мѣстный падежъ часто имѣетъ ударепіе на конечномъ слогѣ, выказывающемъ въ такомъ случаѣ гласную -ê: v-noćê, f-raḿeťê въ памяти, na łošaďê, v-étoi̯ vołosťê и др.

Женскія основы на -r слѣдуютъ вообще основамъ на -i. Сохраняется однако различіе между именительнымъ и винительнымъ падежами: doć, р. dóćeŕi, д. м. -ŕe, т. -ŕi̯öi̯ (-ei̯), вип. dóćeŕ; мп. dóćeŕi, -ŕéi̯, -ŕám, -ŕáx. Такъ же maťi; въ этомъ словѣ въ пастоящее время какъ вин. употребляется однако и форма maťi.

Въ ťubôf, ťubôvi и пр. гласная ô привлекаетъ вниманіе; ср. § 5. Тв. ťubóvi̯öi̯ вѣроятно описка вм. -bô-. Ср., съ другой гласной, krof кровь, króvi, kŕóvi̯öi̯. — ćérkof перешло въ твердую основу, склоняющую какъ gorá: р. ćérkvy, д. м. ćerkvé, т. ćérkvoi̯; мн. ćérkvy, ćerkvám, ćerkváx; однако род. мп. ćerkvéi̯.

— Мужское «путь» въ нашемъ говорѣ перешло въ женскій родъ: odná puť, впп. «na étu puť»; р. д. м. въ этомъ словѣ еще совпадаютъ, насколько я слышалъ, въ формѣ puťí; раньшій родъ сохраненъ въ твор. падежѣ: druǵím puťóm. Во множ. числѣ предпочитаютъ dorôǵi — dorôk и т. д., отъ dorôga.

Въ словѣ ďeń род. имѣетъ форму dńi («ot tovô dńi») при dńa («tŕeťóva dńa»); дат. «k-tomú dńi»; т. dńóm, м. dńê; мн. dńi — dńei̯ — dńam — dńax.

— Основы средняго рода на -n: íḿo, р. íḿa (íḿä), д. íḿu, т. íḿom, м. íḿe; мн. iḿaná — iḿán и т. д. При этомъ видимъ дат. «poíḿeńi», твор. и род. «sýḿeńom Iván, bezýḿeńi bołván», мѣст. obýḿeńi; но стары ли эти формы или новыя, подученныя, это не видно. Ср. vŕéḿo, -ḿa, -ḿu, м. -ḿe; мн. vŕeḿaná, -ḿán; въ твор. ед. ч. отмѣчено «so vŕéḿeńom». По этимъ примѣрамъ склоняются еще bŕéḿo, znáḿo, płámo, śíḿo сѣмя, и tíḿo темя.

Слово «дитя» я слышалъ въ ед. числѣ частью какъ средній родъ, nášo ďiťá, а частью въ сочетаніи odná ďiťá, о дѣвочкѣ;

оно повидимому вообще рѣдко. Во множ. числѣ отмѣчены и. d̆ĭt́i, р. d̆ĭt́éi̯ (при болѣе частомъ, повидимому, d̆êtk̆i, d̆êtok), д. т. d̆ĭt́ám, м. d̆ĭt́áx. Слово стоитъ во флексійномъ отношеніи вполнѣ про себя.

— Формы какъ ćud̆esá р. ćud̆és и пр. (ед. ч. ćúdo), ńeb̆esá ńeb̆és и пр. (ńóbo, ср. м. «na śömóm ńéb̆e») уже своими гласными е въ твердомъ слогѣ, вм. 'о, доказываютъ чужое свое происхожденіе.

§ 18. Мѣстоименія; слѣды «члена».

1. *Мѣстоимѣнія, не различающія родовъ.*

i̯a	ty	
ḿeńá	t́eb̆á	śeb̆á (Ср. въ возврат-
mńê	t́eb̆ê	śeb̆ê ныхъ глаголахъ
mnoi̯	tobói̯	sobói̯ -śo, -śe, -ś).

	my	vy
	nas	vas
Д. Т.	nam	vam.

xto kovô komú k̆êm kôm. ščo, što ćovô ćomú ćêm ćom.

2. *Мѣстоимѣнія, различающія роды*; выбираю нѣсколько примѣровъ.

on, onô : i̯övô — i̯ömú — i̯im — i̯ôm
oná : i̯ei̯ó, Д. М. Т. i̯ôi̯
ońê, ońí : i̯ix — i̯im.

Названныя формы употребляются и послѣ предлоговъ: k-i̯ömú, ob i̯ôm, ś-i̯ôi̯ (собственно k̆ и т. д.), и под. Формы им. мн. числа повидимому не распредѣляются по родамъ; ońí — обыкновенно въ связи предложенія, ońê — при паузѣ.

môi̯, moi̯ó : moi̯ovô — moi̯omú — mo[i̯]ím — moi̯ôm; жен. р. moi̯á, р. moi̯ôi̯ или moiii̯ó, в. moi̯ú; д. м. т. moi̯ôi̯; мн. ч. moí — moíx (mo[i̯]íx) — moím. Къ род. ед. ч. жен. р. ср. svoi̯ôi̯ или svoiii̯ó. — Иное удареніе, подобно литературному языку, видимъ въ выраженіяхъ po mói̯omu и под. — naš, nášo : nášova — nášomu — nášym — nášom; жен. р. náša, р. nášoi̯ или nášyi̯o, в. nášu, д. м. т. nášoi̯; множ. ч. nášy — nášyx — nášym.

tôt, tô[1]) : tovô — tomú — ťêm — tôm; ta : tôi̯ или tyi̯ó — tu — tôi̯; мн. ťê — ťêx — ťêm.

étot, éto : étova — étomu — éťim — étom; éta: в. étu, всѣ прочіе падежи étoi̯; мн. éťi — éťix — éťim. О произношеніи e - см. § 15.

«сей» осталось только въ извѣстныхъ выраженіяхъ, какъ то śédńi или śovôdńi, śe[i̯]cás.

ćei̯ (чей), ćio : ćiovô и т. д.; ćia : род. имѣетъ лишь одну форму, ćiei̯ó, д. и пр. ćiôi̯ (ср. § 5); мн. ćii (а иногда скорѣе «ćií») — ćiix и пр.

Sam, samó : samovô и пр., твор. saḿím; samá : p. samôi̯ или samyi̯ó, д. м. samôi̯, вин. samoi̯ú. Мн. ч. sáḿi — saḿíx — saḿím.

śeś, śso : śsovô — śsomú — śsêm — śsom; śsa : p. śsôi̯, śsiiô, в. śsu, д. и пр. śsôi̯; śsê — śsêx — śsêm.

Вполнѣ какъ прилагательное склоняется kotôroi̯; при томъ отмѣчены, впрочемъ, и краткія формы: «śöłô, kotôro. . .», «ta, kotôra. . .», вопросительно «kotôra byłá?», и под. — Ср. еще kakói̯, kakói̯o : kakóva и т. д.; kaká[i̯]a : p. kakôi̯ или kakíi̯o и т. д.; мн. kakíi̯o — kakíx; какъ видимъ, вполнѣ склоненіе прилагательныхъ; такъ же, конечно, и сочетанія вродѣ kakói̯-to, étaka[i̯]a и под. — Какъ относительное и вопросительное мѣстоименіе видимъ еще kôi̯, kôi̯a, мн. kôi; ср. «áka[i̯]a žoná», тоже самое что kakái̯a-to.

— Изъ формъ выше названнаго мѣстоименія tôt развились

1) Какъ неударяемая частица to, см. ниже. Являющаяся иногда какъ мѣстоименіе форма to очевидно чужая; см. § 16.

слѣды того, что можемъ называть «членомъ», явленіе, хорошо извѣстное изъ разныхъ сѣверновеликорусскихъ мѣстностей.

Въ формѣ им. ед. муж. рода отражается еще старый видъ мѣстоименія; напр. ṕriḿêr-ot, samovár-ot, ućíťeľ-öt, «na mýs-ot, za ŕokój». Прочіе именительные падежи ед. числа соотвѣтствуютъ ожидаемому: žoná-ta, karaúłka-ta. Именит. мн. числа интересенъ своей формой, отличной отъ самостоятельной (ударяемой) мѣстоименной формы; góry-ťi, ućeńiḱí-ťi, «krupnýj̯ö kaḿéńj̯a-ťi».

Исключая именительный, видимъ этотъ членъ въ соотвѣтствующей данному падежу формѣ лишь въ вин. ед. ч. женскаго рода: Их. f-tôťmu-tu, въ Тотьму то, «na moǵíłu-tu», žonú-tu. А здѣсь уже и слышится to: «n̈a ṕeŕeľífku-to». Послѣдняя форма въ прочихъ падежахъ является постоянной, переходивши, такимъ образомъ, въ хорошо извѣстную частицу: žoný-to, o žońê-to, ẕ̌onój̯-to (съ ж-); ućítéľa-to, ućíťeľu-to[1]), ućítéľem-to; ućeńikôf-to, ućeńikám-to, ućeńikáx-to; «vodľe ŕiḱí-to»; «vodý-to».

И при словахъ не существительныхъ находимъ иногда «членъ»; ср., напр., «boľšýi-ťi» («die grossen»), «po ťê-ťi gódy», «ďeŕevá, — tou̯stýi-ťi». Про частицу to это разумѣется само собой: ón-to, ḿńê-to и под. Въ парѣ подобныхъ сочетаній отмѣчено не to, а ta: progłoťít̄a (проглотить), «ńe kośít̄a» (вм. kośíť-ta).

§ 19. Прилагательныя. boγátoj̯, ср. p̥. boγátoj̯o: boγátavo, -tomu, -tym, -tom; жен. р. boγátaj̯a, в. -tuj̯u, всѣ прочіе падежи -toj̯; мн. ч. boγátyj̯o (-j̯e, см. § 13), -tyx, -tym.

При удареніи окончанія частью перемѣняютъ видъ (ср. § 5): złoj̯, złój̯o: złôva — złômu — złym — złôm; złáj̯a: złúj̯u — złôj̯; złýj̯o — złyx — złym. Также, напр., głuxój̯, głuxôva и пр.; мн. głux'íj̯ö, głux'íx.

---

1) Одинъ разъ отмѣчено, въ дат. муж. ед. ч. tu, но вѣроятно это ослышка. to различается отъ самостоятельнаго мѣстоименія tô, очевидно, вслѣдствіе своей безтонности.

Въ названныхъ прилагательныхъ отмѣчена лишь одна форма родительнаго пад. ед. ч. жен. р.; но ср. выраженіе «u dobryi̯ö žoný» при «u dôbroi̯..»; такъ же mołodýi̯o; ср. слѣдующій ниже примѣръ мягкой основы.

Къ приведенной формѣ именительнаго пад. множ. ч. слѣдуетъ добавить, что у крестьянина изъ Баскакова, подъ Шуйскимъ, я слышалъ ясно и -yi̯a. Не могу отрицать, чтобы существовала эта форма и у другихъ; но у главнаго моего источника все слышалъ -yi̯o. При томъ, передъ «членомъ» (ср. предшествующій параграфъ), видимъ, напр., boľšýi-ťi, tou̯stýi-ťi; послѣднее, при особенно отчетливомъ произношеніи, получило выше упомянутую форму -ýi̯o.

śíńei, ср. р. śíńei̯o : śíńova — śíńomu — śíńim — śíńom; жен. р. śíńei̯a : в. śíńù[i̯]ù, р. śíńei̯ или śíńii̯o, д. и пр. śíńei̯; мн. ч. śíńii̯o — śíńix — śíńim.

Въ им. пад. ед. ч. мужскаго рода слова útŕeńei̯ отмѣчено также, но какъ болѣе рѣдкая форма, окончаніе -öi̯; гласная о заимствована здѣсь очевидно изъ твердыхъ основъ, какъ, напр., въ литерат. «землёй». Въ pôzńöi̯ поздній только это окончаніе и отмѣчено.

Краткія формы прилагательныхъ не даютъ вообще поводу къ замѣчаніямъ; ср. примѣры въ родѣ ṕötrôv-ďeń Петровъ день, ṕötrôva-dńi, ṕötrôvu-dńi и пр.; óśi̯ö gńozdô осье гнѣздо, xúže («-žə») óśi̯a gńozdá и под. Къ сравненію съ формами литературнаго языка привожу нѣсколько примѣровъ: róbok, ŕópko, ropká, мн. rópḱi; ср. длинную форму ropkói̯ робкій. dółok дологъ, kŕêpok, łômok, łóvok, ńízok, półon, tónok; słátok сладокъ, ḿákok мягокъ. korotók, ľogók. zoł; но gôu̯ къ gôłoi̯, съ ожидаемымъ переходомъ -ł въ -u̯, см. § 9. mółot молодъ; ср. dôp добръ; но опять о въ strok, къ strógoi̯ строгій, какъ и tou̯s толстъ.—śiľón, x́ıtóŕ, vosťoŕ, uḿón umná; ḱíśoł, słobôďön (и -ďen, ср. § 13), v́íŕön (-ŕen). Ср. еще goŕéć горячь.

Въ среднемъ родѣ видимъ извѣстную намъ изъ § 5 разницу между -о неударяемымъ и -о ударяемымъ; xółodno, daľóko,

łádno, móžno, ópasno, ťómno, trúdno, vnôgo много и др., — но b̓öłô, xorošô, d̓ůžô, głybokô глубоко, gožô, ľok̄ô, šyrokô, ťopłô, vysokô.

Добавлю здѣсь же рядъ примѣровъ прилагательныхъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, въ различіе отъ принятаго въ литературномъ русскомъ (ср. Программу и т. д., стр. 5): gŕaznói̯ žarkói̯ krupnói̯ łofkói̯ (но łóvok, см. выше) ľůtói̯ ḿödovói̯ pŕösnói̯ ropkói̯ (при rópkoi̯ робкій) surovói̯ strašńói̯ soñói̯ ťosnói̯ tołstói̯ (о ł : u̯ ср. § 9) toščói̯ ustałói̯ šatkói̯ i̯ötkói̯ (ѣдкій); xŕên goŕkói̯, рѣже góŕkoi̯. Но, напр., tôpkoi̯, vôstroi̯, ćórsvoi̯ черствый, и мн. др.

— О короткой формѣ сравнительной степени, ср. литературное -ѣе или -е, отмѣтимъ, что ѣ, и послѣ и подъ удареніемъ, выступаетъ въ видѣ е, чего не ожидаемъ передъ слѣдующею мягкою согласною: boγaťéi̯ö, b̓iľéi̯ö, gńiľéi̯ö и др. (§ 4). Примѣры эти показываютъ конечное, первоначальное -е въ ожидаемомъ при отчетливомъ произношеніи видѣ 'о; а такое 'о опять, по § 13, часто принимаетъ форму -е. Поэтому обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что -е сравнительной степени, когда ему не предшествуетъ ѣ, не отмѣчено мною никогда въ формѣ -'о, а только какъ -е: šýŕe, korôće, kŕípće крѣпче (і корня заслуживаетъ вниманія, ср. § 4); ľékće; въ немъ е корня (не 'о) указываетъ на мягкость слога, какъ и і предшествующаго слова. Далѣе, напр., dóľe, bôľe, ḿéńe. Послѣ ž и š это -е получаетъ (ср. § 8) приблизительно характеръ нѣмецкаго неударяемаго е, напр., въ Gabe: mołôžə, ńížə, ŕéžə, bľížə, ćíščə, pogłàžə, stróžə, głýbžə (głybôkoi̯ глубокій), xúžə, výšə, stáršə. При ľ въ bôľšə, dáľšə отмѣтимъ твердое n въ tónšə, ḿénšə.

При окончаніи -ei̯ö (-ei̯e) находимъ часто -ai̯a, а отсюда далѣе -a[i̯]a, -áa; ср. развитіе въ глаголахъ на -ать. Законно развитымъ слѣдуетъ, конечно, считать это окончаніе въ случаяхъ какъ zvonćáa; но оно распространилось далеко, какъ самостоятельное окончаніе и является, такимъ образомъ, и тамъ, гдѣ ожидается -ei̯ö. Видимъ, напр., b̓iľéi̯ö voľńéi̯ö x́itŕéi̯ö xołodńéi̯ö stu-

deńéjö śiĺńéjö serďitejo po-śmirńéjö — no umńája vostŕája ťepĺája śmiĺá[j]a po-ĺiváá, полѣвѣе, po-jedřeńáa (крѣпче, громче?). И ту и другую форму имѣемъ, напр., въ skoŕéjö — skoŕá[j]a, proćńéjö — proćńá[j]a, góžejö — góžäjä (§ 13). Тоже самое положеніе дѣла наблюдалось и въ Их. и въ окружающихъ Шуйское селеніяхъ. Получилось впечатлѣніе, будто форма на -aja болѣе обиходная въ домашней рѣчи.

§ 20. Числительныя.

odĺn, odnô: odnovô и т. д.; odná: p. odnôj или odnyjó, в. odnú, прочіе падежи odnôj; множ. ч. odńê — odńêx — odńêm; формъ съ гласной i во множ. числѣ не найдено.

dva, жен. p. dvê: dvux — dvum.
tŕi — tŕox — tŕom.
ćotýŕo — ćotýŕox — cotýŕom.

Сочетаніе этихъ числительныхъ съ существительными и прилагательными соотвѣтствуетъ повидимому литературному русскому: dva múža, ćôłovêka; dva śołá, p. dvux śoų, м. dvux śołáx и пр.; dva bogátyjo śołá, dvux bogátyx śoų; dvê báby, dvux bap; dvê złýjo báby. Въ женскомъ и среднемъ родахъ встрѣчается, однакожъ, въ именительномъ падежѣ и употребленіе именительнаго множ. числа. Такъ: dvê nogí или dvê nógi, dvê gorý или dvê góry, tŕi gorý или tŕi góry; ćotýŕo mêsta или mostá; ср. съ прилагательнымъ: dva xorôšyjo mêsta или... mostá.

Съ формами dva ср. óba (всегда съ род. ед. ч., máĺćika, śołá), ж. р. óbe. Прочіе падежи совпадаютъ для всѣхъ родовъ: obêx, obêm. Формы въ родѣ «обое» неизвѣстны; ср. сущ. obôji, p. -jof: обои на стѣнѣ.

śeť. «шесть» выговаривается приблиз. «šöęś», см. § 8. śem. vôśem. ďéveť. ďéśeť.

od'ĩnaćeť[1]). dv́önáćeť. ťrináćeť. ćötýrnaćeť. ṕatnáćeť. šosnáćeť. śomnáćeť. vosmnáćeť или osmnáćeť. ďev́atnáćeť.

dváćeť, dváćeť od'ín и т. д. tŕíćeť. sórok. ṕed̄eśát. šözďeśát (ö приближается къ «ə», см. § 8; ср. выше šosnáćeť). śémďeśat. vôśemďeśat. ďev́anôsto.

Склоненіе числительныхъ отъ ṕeť включительно проводитъ -í черезъ всѣ падежи; такъ и въ творительномъ: s-ṕeťí ćołov́êkam (им. ṕeť ćołov́êk). Въ винительномъ пад. живыхъ существъ обращаетъ на себя вниманіе употребленіе двухъ формъ: on uḃíu̯ ṕeťí ćołov́êk или ṕeť ćołov́êk; такъ же ṕeťí bap или ṕeť bap (бабъ); но, конечно, всегда (guḃíu̯) ṕeť śou̯, селъ. — vôśem въ косвенныхъ падежахъ звучитъ ośḿí, напр. k-ośḿí. — Въ сложныхъ числительныхъ видимъ, напр., ṕeďeśát — ṕeťíďeśeťí и под., ср. литературный языкъ.

sto въ косв. падежахъ имѣетъ sta, а для дат. падежа отмѣчено при томъ и stu. Въ сочетаніи съ предлогомъ удареніе, если не постоянно, то весьма обыкновенно отходитъ на этотъ: ná-sto.., ú-sta.., só-sta ćołov́êkam, ó-sta и т. д. — 200: dvá-sta и dv́ê-sťi[2]) употребляются смѣшанно, не завися отъ рода. Род. dvux sot и т. д. tŕísta. ćötýŕesta. ṕeť sot и т. д. týśeća.

Собирательныя: dvói̯o, trói̯o; dvói̯o máľćikof, u dvoíx m-f, g-dvoím máľćikam и пр. — ćetv́óro. ṕéťöro (-ťero). Къ «шесть» видимъ «šö̯ésťero», ср. § 3 и § 8. śéḿero. óśḿero. ďév́eťero. ďéśeťero и т. д.; находимъ, напр., и dváćeťero, tŕíćeťero.

— ṕérvoi̯ ftorói̯ tŕeťéi̯ ćetv́órtoi̯ ṕátoi̯ šostói̯ śomói̯ ośmói̯ ďev́átoi̯ ďeśátoi̯ od'ĩnaćatoi̯ dv́onáćatoi̯... dvaćátoi̯ tŕićátoi̯ sorokovói̯ ṕeťíďeśátoi̯ . . . ďev́anóstoi̯ sótoi̯. Склоненіе, конечно, при-

---

1) Въ этомъ и слѣдующихъ числительныхъ я все колебался, писать ли собственно ć или «tć»; указываю на сказанное въ § 3 и § 8. Нужно помнить, что палат. ť, съ дорсальной своей артикуляціей, совпадаетъ съ начальнымъ, взрывнымъ звукомъ сочетанія ć; это вмѣстѣ съ неударяемостью слога затрудняетъ наблюдателю въ опредѣленіи конца слога и характера этого конца

2) Отмѣтимъ ê, въ мягкомъ слогѣ, а не i, потому что dvê сохраняетъ характеръ самостоятельнаго слова. Предпочитаютъ, впрочемъ, выраженіе dvê sótńi.

лагательное. Отмѣтимъ только нѣсколько формъ tŕeťéi̯: ср. р. tŕeťi̯ṓi̯ö (-i̯e), — tŕeťi̯ôva — tŕeťi̯ômu — tŕeťi̯ím; жен. р. tŕeťi̯ái̯a — tŕeťi̯ôi̯ и пр. О введеніи нефонетичнаго ô путемъ аналогіи см. § 5. Удареніе колеблется; напр., f-tŕéťi̯om godú при f-tŕeťi̯óm. Изъ Их. им. п. жен. р. отмѣченъ въ формѣ tŕéťei̯a.

Въ сочетаніяхъ съ sam находимъ все длинныя формы: sám -tŕeťèi̯, sám-ṕàtoi̯, sám-śomòi̯ и под.; главное удареніе падаетъ на sam.

Сочетанія съ pou̯, пол-, соотвѣтствуютъ литературнымъ: pou̯torá púda — pou̯torý ńedíľi; род. połútora púda, тв. połútorym púdom и т. д. Ср. pou̯púda, s-połupúdom, и под.

§ 21. Глаголы: спряженіе. Существующія формы — тѣже самыя, что въ литературномъ языкѣ. Указывая на сообщаемый ниже довольно широкій матеріалъ отдѣльныхъ глаголовъ, даю здѣсь только типы спряженія настоящаго времени.

1. Основы на первоначальномъ o-e послѣ согласнаго, исключая глаголы на -nuť. Различается два типа, смотря по положенію ударенія:

paśú paśóš paśót paśóm paśeťó paśút.
búdu búďoš (-ďöš) búďot búďom búďeťö (-ťe) búdut.

2. Основы на no-ne; ударенія на конечномъ слогѣ, кромѣ 1. лица ед. ч., (случайно?) не отмѣчено:

ťanú ťéńoš..... ťánut.
źábnu źábńoš и т. д.

3. Основы на первоначальномъ jo-je (i̯o-i̯e) послѣ согласной; удареніе на конечномъ слогѣ, кромѣ 1 лица ед. ч., и здѣсь не отмѣчено, исключая одинъ примѣръ:

poľú pôľöš... pôľut (połôť полоть)
głožú głôžoš... głôžut (głodáť)

но orú oŕóš... oŕeťó orút (r, не ŕ! Неопр. oráť).

4. Основы на jo-je послѣ гласной; въ ударенiи типы совпадаютъ, въ глаголахъ непроизводныхъ, съ 1:

dúi̯ú dúi̯oš (-i̯eš) и т. д. (duť дуть).
roi̯ú roi̯óš.... roi̯eťó (ro[i̯]eťó, roeťó) roi̯út (ṕiť пѣть).

5. Основы на jo-je глаголовъ производныхъ знаютъ только неударяемыя окончанія: ďêłai̯ú, vaľéi̯ú валяю, uḿíi̯u, goŕú̯i̯ú и под., ср. первый типъ предыдущаго класса. Какъ особое подраздѣленіе выдѣляются глаголы на -ają, -jają (нынѣ -éju); въ нихъ наблюдаются, при выпаденіи междугласнаго i̯, указанныя въ § 10 ассимиляціи и стяженія гласныхъ; напр., къ ďêłaju, во 2 л. при медленномъ, «подчеркнутомъ» произношеніи отмѣчено ďêłai̯öš, а въ скорѣйшей рѣчи ďêłaeš и ďêłaaš; рѣже съ полнымъ стяженіемъ: ďêłāš; въ § 10 уже указано, какъ такая долгота далѣе иногда склоняется къ сокращенію, такъ что скороговоркой вышло, напр., zaboŕáńivaš, съ едва замѣтнымъ удлиненіемъ послѣдняго слога. Ср. vaľéi̯öš валяешь, а въ скорой рѣчи vaľéeš; vaľéet, т. е. приблизительно «vaľêt», съ нисходящимъ тономъ и обыкновенно, но не постоянно и вполнѣ ясно, съ новымъ напоромъ экспираціи во второй части гласной.

6. Основы на первоначальномъ -i; отмѣтимъ опять упомянутые въ другихъ классахъ два типа ударенія:

gľažú gľeďíš gľeďít gľeďím gľeďíťó gľeďát (gľeďíť гладѣть); но vížu víďiš... víďíťö (-ťe) víďat; ср. еще roxorońú roxorôńiš... roxorôńat.

Послѣ š, ž і конечно переходитъ въ y: sɬýšu sɬýšyš и т. д.

7. dam, i̯êm — см. въ слѣдующемъ матеріалѣ отдѣльныхъ глаголовъ.

Прочія формы глагола выходятъ, какъ сказано, съ достаточною ясностью изъ матеріала слѣдующаго параграфа. Можно здѣсь о прошедшемъ времени добавить, что оно правильно выражается помощью причастія на -лъ; формы какъ «on výpišy» встрѣчаются очевидно рѣдко. Повелительное накл. находимъ и въ

такихъ выраженіяхъ какъ напр. (клади) «i oná kładí», а пусть и она кладетъ; «i oné kładíte», пусть и они...; но напр. «ja kładí» я не слыхалъ.

§ 22. Отдѣльные глаголы. Раздѣленіе слѣдуетъ въ главныхъ чертахъ извѣстному «Handbuch» Лескина. Послѣ наст. времени отмѣчаются пов. наклоненіе — прош. время (причастіе на -лъ) — неопр. наклоненіе — прич. прош. страд. залога, насколько они собраны и не кажутся лишними.

I. A.

ńosú ńešoš... ńešeťó ńosút. ńeší-ťe. ńos, ńösłá ńesłí. ńestí. vý-ńešen; pŕi-ńešón, pŕi-ńešöná.
vozú veźóš и т. д. veźí. vos, vözłá, vezłí. vestí.
pasú. paší. pas, pasłá pasłí. pastí. pašón, pašöný.
połźú[1]). połs, połzłá. połstí (ср. połzát).
ľeźu ľiźeš... ľezut. ńe ľiš, ľišťe. peŕe-ľes, -ľezła, -ľizłí. ľist.
gryzú... gryźeťó gryzút. po-grys, pogrýzła. po-grýźen, -źena (съ ясными e!).
tŕasú (и tŕäsu; см. § 13) tŕešóš... tŕasút. tŕeší. tŕas, tŕasłá, tŕeslí. tŕestí. ros-tŕešönô.
vödú veďóš... veďeťó vödút. veďí. s-voų, s-vołá, s-veľí. s-veďón, s-veďöná.
ḿötu ḿeťóš... ḿoų, ḿołá, ḿelí. ḿestí. ḿeťöná, vý-ḿeťöna.
gńötú gńeťóš... gńoų, gńelí. gńestí. gńeťöná. Ср. zagńötáįut; ńe nagńötáį.
pľötú... pľetí. pľoų, pľelí. pľestí. pľeťón.
bŗ̈ödú. po-bŕóų, po-bŕelí. bŕestí.
ćveťót, ćvötút. ćveťí. ćvoų, ćvelí. ćvestí.
rostú... rosťeťó rostút. rostí. rôs, rosłá. rostí.
bod-: byk boďót, 3 мн. bodút. ńe boďíš, ńe boďíteš. pro-bóų, pro-bołá. po-bostí.

1) O l : ų см. § 7.

kładú. kładʹí. kłau̯, kłáła, kłáľi. s-kłáďeno.
padú. ńe u-padʹí. u-páu̯, u-páła.
kradú. u-kráu̯, u-kráła. éta v́eš u-kráďena.
pŕadú... pŕeďeťó pŕadút. pŕeďí. pŕau̯, pŕéľi. na-pŕéďeno.
(gręd — очевидно только церковно; это доказывается искуственно удержаннымъ а вм. е въ выраженіи «kudá gŕäďóš»).
śádu śéďeš... śéďeťe śádut[1]). śeď (ср. śétudá сядь туда), мн. śéťe. śêu̯, śêła, śíľi. śisť.
búdu. buť, búťe. byu̯, byłá, býľi.
idú. idʹí. šou̯, šła, šľi. itʹí. Ср. сочетанія: podú poďóš... podʹí. pŕidú pŕiďóš и т. д.; pŕíďöš, pŕíďöt, по словамъ Степана—формы новѣйшія. pridʹí. výi̯du výi̯ďöš... výšou̯, výšła. Ср. еще неопр. накл. «ńe xoćú utʹí», уйти, otoťí отойти.

Добавимъ еще i̯édu (о гласной перваго слога см. § 4) i̯íďöš... i̯édut. Пов. i̯iť, i̯íťe. i̯éxau̯.

gŕobú gŕeb́óś... gŕeb́í. gŕop, gŕobłá, gŕebľí. gŕesťí. Ср. zagŕebái̯ù.
skŕobú. skŕop, skŕöbłá. skŕesťí. skŕeb́oná.
ťopú. ťeṕí. ťop, ťopłá, ťepľi, ťepsťí. ťeṕón.
žyvú žyv́oš. žyv́í. žyu̯, žyłá, žýło, žýľi.
b́eŕegú b́eŕežóš... b́eŕežeťó b́eŕegút[2]). po-b́eŕeǵí. b́eŕók, b́eŕegłá. b́eŕekćí.
sťeŕegú. sťeŕók. sťeŕekćí.
ṕokú ṕećóš... ṕećeťó ṕokút. ṕeḱí. ṕok, ṕokłá, ṕekľí. ṕekćí.
vołokú vołoćóš... vołoḱí. vołôk, vołokłá. vołokćí.
tou̯kú tou̯ćóš... tou̯ḱí. tou̯k, po-tou̯kłá. tou̯ćí.
śokú śićóš... śokút. śiḱí. śêk, śokłá, śikľí., śikćí. iśićón.
stŕigu stŕižóš... stŕiǵí. ot-stŕík, stŕígła. pot-stŕikćí (ср. otstŕignúť).
za-pŕagú, za-pŕežóš... za-pŕeǵí. za-pŕak, zapŕagłá, zapŕegľí. zapŕekćí.

---

1) O -ʹeš : ʹoš, -eťe : -eťo и под. см. § 13.
2) e, не ʹo, во второмъ слогѣ полногласія; ср. въ § 13.

mogú móžöš (ср. § 13)... móžeťö mógut. po-moǵí. môk, mogłá. po-mokćí.
ľágu ľéžöš... ľágut. Пов. ľek, ľékťö (-té). ľok, ľogłá, ľegľí. ľekćí.
mnu mńoš... mńi. ḿau̯ (ťêsto; ср. na-ḿináu̯). ḿať. na-ḿáto.
žmu žḿos. žḿi. žau̯, žáła. žať. na-žáta. — Ср. žnu žńoš. žńi. žau̯, žáła. žať. so-žáta.
na-ćnú. naćńí. náćau̯, naćałá, naćałó, náćeľi. naćáť (! ждемъ -éť!). náćato.
voźmú voźḿóš... voźḿí. vzau̯, vźałá, vźeľí. vźeť.

Ср. еще kľonúś (ƀóγom) kľeńóṣ́e... 2 мн. kľeńeťóś. ńe kľeńíś. kľóu̯śö, kľołáś, kľelíś. pró-kľat.
tru... tŕeťó... tŕi. pro-ťór, pro-ťórła, pro-ťérľi. ťeŕéť (ср. pro-ťiráť).
u-mrú. umŕí. úḿör (úḿer, церковно?), uḿorłá, úḿerľi. uḿeŕéť.

Ср. еще płovú... płoví. pó-płyu̯, pó-płyło, pó-płyľi; zá-płyu̯ и т. д. płyť. — *słyť не найдено.

I. B.

ƀörú ƀeŕóš... ƀeŕí. brau̯ (ср. sóbrau̯), brałá, brałó, bráľi. brať. otó-bran.
ďörú. drau̯, drałá, dráľi; drau̯śó, drałáś, draľíś.
žorú žoŕoš... žoŕí. žrau̯, žrałá, žráľi; ср. só-žrau̯. so-žrałá; pŕí-žraľi; na-žrau̯śó, na-žraľíś. žrať. só-žrano.

(Ср. so-gnáť, so-gnáu̯, по наст. вр. so-gońú; ср. gońíť).
ždu žďoš... ždau̯, ždałá, ždáľi. «žďı» произносится «žḍ́y», «žḍ́yťe; объ артикуляціи d послѣ ž см. въ § 8.
vru vŕoš... vŕi. só-vrau̯, so-vrałá, só-vraľi (*łgať повидимому неизвѣстно).

Ср. orú oŕóš... orút. ńe oŕí. oráu̯, oráła. oráť «ревѣть», о людяхъ и о коровахъ. Оно вполнѣ одной формы съ глаголомъ oráť подъ III.
съсать: 3 ед. ṣ́ot, 3 мн. ṣut. ṣ́i. ṣau̯, ṣałá. ṣať. za-ṣaná.
sku sḱoš... sḱeťó... sḱi. skau̯, skałá, skáľi. skať (ср. ṣykáť).
tku tḱoš tḱot tḱom tḱeťó tkut. tḱi. tkau̯, tkałá, tkáľi. tkať.

Во 2. и 3. л. ед. ч. наст. вр. употребляются кромѣ приведенныхъ формъ также ć̄oš, ć̄ot.

koń ržot, 3. мн. ržut. ńeržý (§ 15). ržau̯, ržáľi. ržať. (Собственно III. 1. B.?).

rvu. rví. rvau̯, rvałá, rváło, rválí. rvať. vý-rvan.

zovú. zoví. zvau̯ (pó-zvau̯), zvałá, zváľi; ср. ńé-zvaľi. ńezvánoi̯ goś.

II.

ťanú ťéńoš... ťánut. ťeńí. ťanúu̯ [1]), ťanúła. ťanúť. po-ťéńöno (-ńeno).

po-dvínu. po-dvíń. po-dvínuu̯. dvínuť. po-dvíńöno.

o͞manú, обману, o͞máńet... o͞manúu̯. o͞máńena.

Къ отношенію o: ô ср. tonú tôńeš... tônut. ńe tońí. tonúu̯. tonúť.

Краткая форма прош. времени встрѣчается часто; напр. źábnu (пов. źébńi) — źábnu[u̯] и т. д., по oźáp, oźábła, oźébľi; poǵínu — poǵínu[u̯] или poǵíp; ugásńöt — ugás, ugásła; stýnuť — kiśéľ ostýu̯, káša ostýła.

III. 1. A.

znáju. znau̯, znáła. znať. u-znáta.

gŕíju. gŕii̯. oto-gŕêu̯, -gŕêła, gŕíľi. gŕiť, oto-gŕêt.

zŕii̯öt. so-zŕêła. zŕiť.

sḿíju. ńe sḿii̯. sḿêu̯, sḿêła.

1. мн. po-spíi̯om. po-spêu̯, po-spíľi.

3. ед. vói̯öt. voi̯. vyu̯, výľi. vyť. Ср. móju, króju, róju; on nói̯öt.

poi̯ú... po[i̯]eťó (и просто poeťó) poi̯út. poi̯. pêu̯, pêła, píľi, piť. s-pêta, po-pêta.

dúju. dui̯. duu̯. duť.

Корни этого подраздѣленія на -i затрудняютъ въ наст. времени тѣмъ, что наблюдатель нерѣдко остается въ сомнѣніи, со-

1) Объ -u̯ см. § 11.

ставляетъ ли корень самостоятельный слогъ или нѣтъ. Напр. въ «пью», послѣ палат. ṕ слѣдуетъ i̯, чаще всего именно неслоговое i̯ безъ фрикативнаго тренія, а иногда и скорѣе спирантъ j (см. § 10); но между нимъ и предшествующимъ ṕ легко какъ будто вторгается слабый слогъ съ гласной i, такъ что слышится то «ṕi̯u», то скорѣе «ṕii̯ú». Придерживаюсь здѣсь перваго образа писанія:

ṕi̯u ṕi̯oš... ṕei̯. na-ṕiu̯śó, na-ṕiľíś. ṕiť. vý-ṕita, na-ṕitá.
b́i̯u. b́ei̯. b́iu̯, b́íła. b́iť. iz-b́ita.
v́i̯u. v́ei̯. v́iu̯, v́iłá. v́iť. s-v́itá.
ľi̯u. ľei̯. ľiu̯, ľiłá, ľíľi. ľiť. pro-ľitá.

Въ этомъ глаголѣ односложность ľi̯u мнѣ казалась несомнѣнной; за то ясный слогъ съ i выступалъ въ 3. ед. gńi[i̯]ót, мн. gńii̯út. z-gńíło. gńiť.

Въ šyť, шить (šyi̯. šyu̯, šýła. vý-šyto) упоминаемый краткій гласный (слоговой?) звукъ передъ i̯, подъ вліяніемъ š, принялъ характеръ y, такъ что «ši̯u» и т. д. звучало отчасти «š(y)i̯ú» и под.

Ср. еще o-bŕíi̯u, брѣю. o-bŕii̯. o-bŕíu̯. bŕiť. vý-bŕit. —

— s-ḿeľú s-ḿéľöš... mołóu̯, mołóła. mołôť.
poľú pôľöš... pôľut. poľí. połôu̯, połôła. połôť. is-pôłoto, vý-połoto.
poŕú pôŕöš... poŕí. porôu̯, porôła. porôť.
koľú kóľeš... koľí. kołôu̯. kołôť.

Эта маленькая группа представляетъ трудности по вопросу o: ô. Появленіе ô при оттягиваніи ударенія въ наст. времени (poŕú: pôŕöš) хорошо извѣстно изъ многихъ другихъ глаголовъ (напр., tôńeš подъ II; ср. далѣе подъ III. 1. B. и подъ IV); о koľú: kóľeš и т. д. я, поэтому, склоненъ думать, что послѣднія формы, не съ ô, новѣйшаго происхожденія, появившіяся напр. подъ вліяніемъ книжнаго произношенія, хотя этого, конечно, невозможно доказать. Въ «полногласныхъ» формахъ ожидаемъ, по § 5, ô во второмъ слогѣ какъ твердое правило; такъ дѣйствительно и есть, но съ исключеніемъ mołóu̯ mołóła и пр. (при mołôť).

Если эти формы не просто описки, то не знаю, какъ ихъ объяснить — развѣ онѣ заимствованы извнѣ, ср. § 16. Обратно находимъ, противъ даннаго въ § 5 правила, переходъ о въ ô въ слогѣ передъ плавною полногласнаго сочетанія, въ прич. ispôľoto; не безвѣроятно, что это ô вызвано вліяніемъ ô въ томъ же слогѣ, но не въ полногласной формѣ, а именно въ наст. времени. Объ оттѣнкѣ перваго о подъ вліяніемъ ô слѣдующаго слога см. Прим. къ § 14.

III. 1. B. a).

báju báeš[1]) báet... baj. bájau. báeť. — Ср. «sńêk tájöt».
śíju. śij. śíjau. śíeť (xľêp). po-śíjan[2]).
sḿijűś (иногда sḿi [j]űś) sḿijóśö... sḿijáuśe. sḿijétśe (-će? § 8). —
— kujú kujóš... kuj. kováu. kováť. s-kóvano.
sujú. sováť. sóvano (т. е. сс)-.
snujú. snováť. o-snóvano.
kľůjú... kľůjút. kľováť.
pľůjú. pľůj (ср. pľuń). pľováť. o-pľóvan. — Ср. bľůjú bľováť, žujú žováť. Ср. III. 2. B.

b) tŕepľú tŕépľeš... po-tŕepľí. tŕopáť. vý-tŕopan.
kľépľu[3]) (kósu), kľépľeš... po-kľepľí. kľopáu. kľopáť. po-kľópana.
dŕemľú dŕémľeš... dŕemľí. z-dŕomáu. dŕomáť.
sýpľu. sýpľi. sýpať. sýpano.

Послѣ š, ž i пов. наклоненія, конечно, переходитъ въ y: v́ažú, v́azáť: v́ažý; ťošú, ťosáť: ťošý. Но, конечно, mážu, mázať: po-máš; ŕêžu, ŕêzať: ŕêš.

Отмѣчаю здѣсь собранные, кромѣ уже названныхъ, примѣры этого типа: brýzgať — o-brýždžu. ćesáť — po-ćošú, пов.

---

1) Обыкновенно такъ; рѣже отчетливое bájöš и под.
2) а склоняется къ е (§ 13); скорѣе произнесено слово звучитъ «pośí[j]ena».
3) Вѣроятно описка вм. kľepľú.

po-ćošý. xl̈östáť — xl̈öščú xl̈óščoš, ńe xl̈oščý. iskáť — iščú, poiščý. kápať — kápl̈et. kazáť — po-kažú. kl̈íkať — kl̈íću. kł̈ýkať (schlucksen) — robónok kł̈ýćet. l̈epötáť — l̈epećú l̈epéćöš, l̈epecí. l̈izáť — l̈ižú, l̈ižý. maxáť — mašú. ḿötáť — s-ḿećú s-ḿéćoš при s-ḿotáju. paxáť — pašú pášöš, pašý. ṕisáť — ṕišú. pl̈ákať—pl̈áću, ńe pl̈ać. pl̈asáť — pl̈ašú. o-pojásať — opojášu, opojáš. ṕrátať — po-ṕréću. pyxáť — pyšú pýšoš, pyšý. rýskať — kôń rýščöt. skakáť — skaću, skací. po-słať (постлать) — posťel̈ú posťél̈öš (-l̈eš). strugáť — stružú. svístáť — svíščú. ščypáť — za-ščypl̈ú. týkať — týću.

Но ščopáť — ščopáju (łućínu); poimáju; dvígať — dvígaju; stradáť — stradájot; kl̈evótáť — kl̈evotáju; zdyxáť — zdyxáju. Вмѣсто «брехать» находимъ bŕošýť, съ паст. «étodurák bŕošýt na śebá i na l̈uďéj», ср. IV.

Отмѣтимъ далѣе, въ особомъ отдѣленіи, корни съ гласною o. Если такое o изъ стараго e, то оно по § 5 правильно не переходитъ въ ô; поэтому pl̈oskáť — po-pl̈öščú popl̈óščoš и т. д.; ср. šoptáť — šopćú šópćeš. За то bormotáť — bormoćú bormôćeš и т. д.; głodáť — głožú głôžoš (но въ прич. o: ogłódano!); xłorotáť («судиться») — xłoroćú xłorôćeš; xoxotáť — xoxoćú xoxôćeš; ср. при полногласіи: połoskáť — połoščú połóščöš. Напротивъ, если o развилось изъ ъ, оно остается безъ перемѣны: toptáť — topćú tópćeš; ср. roktáť — rokćú rókćeš; послѣдній глаголъ значитъ «роптать» и вѣроятно изъ этого и переобразовано. А что ó, не ô, можетъ стоять, подъ указаннымъ условіемъ, и на мѣстѣ первоначальнаго o, доказываетъ zobáť — zobl̈ú zóbl̈öš; насколько такой случай указываетъ на нѣчто старое, первоначальное, или же онъ потерялъ свое ô подъ позднимъ вліяніемъ извнѣ, не могу рѣшить.

Про себя стоитъ глаголъ oráť («oráť kosúl̈öj; a paxáť, to boronój»): orú oŕóš... oŕí. oráju. Онъ совпадаетъ формально совершенно съ oráť «ревѣть», ср. выше. Безъ смягченія въ 1. ед. ч. находимъ еще stonáť: stonú stôńöš и т. д.

III. 2. A. Довольствуюсь парой примѣровъ.

ďêłajû ďêłajöš и т. д., а обыкновенно (§ 13) ďêłaeš, ďêłaaš (§ 10). ďêłaj. ďêłaų. ďêłať. z-ďêłano.

vaľéjû vaľécš vaľéet... (см. § 10; отчетливо произносится vaľé[j]öš). vaľéj. vaľáų, vaľáła, vaľéľi. vaľéť, валять.

guľéjų guľéet. guľéť гулять. Ср. 3. ед. śiéet (и «śiêt», § 10); неопр. пакл. śiéť сіять. Принадлежитъ ли сюда случайно отмѣченное xrámľeju[1]) xrámľeeš... (ср. xromój хромой)? —

— uḿí[j]u. uḿíj. uḿêų, uḿíľi. uḿíť.

iḿíjû. iḿíť.

3 ед. žouťíjöt (скорѣе: žouťí[j]et). źouťêło. žouťíť.

ê въ 3. ед. rozuiḿêetšo слѣдуетъ считать заимствованнымъ.

III. 2. B. (Ср. III. 1. B.). Примѣры: gorújû. goŕúj. goŕováť.— źimújû. źimováť. — torgújû. torgováť. — noćújû. noćováť. — ḿežújų. ḿežováť. iz-ḿežóvany.

IV. A.

víŕu... víŕät. víŕ. víŕių, víŕiła. víŕiť вѣрить.

vêšu víšiš... víšät. pere-víšių. s-víšiť.

ľeščú ľesťíš... ńe ľesťí. ľesťíť льстить (по mšču. ńe mśťi. mśťiť мстить).

ućú úćiš... ućí. ućíť.

drazńú drázńiš... drazńíų. drazńíť.

Ср. kaćú — kaťíť; bužú — budíť; sužú — sudíť; otvíńćú — otvinťíť; smýsľu — smýsľiť; jéždžu, пов. ńe jízdi, jízdiť (о je- см. § 4), и др. Къ ćísťiť впдпмъ прич. «ćíščonoj byk» (волъ).

Особый интересъ представляютъ корни съ гласною o, гдѣ опять наблюдаемъ мѣну o : ô (при постоянномъ ударепіи на конечномъ слогѣ, звукъ ô понятно исключенъ; напр. košú košíš... koší. košíť; po-grožú grožíš... grožíť; proščú prosťíš... prosťíť; Ср. одпáко, къ po-dojú... podojáť, podoíła, doíť — повел. накл.

1) Отъ предполаг. xrámľeť?

dôi̯, какъ при подобномъ примѣрѣ слѣдующаго подраздѣленія пов. stôi̯ стой).

При неподвижномъ ударепіи на коренномъ слогѣ отмѣтимъ strôju... strôi̯šö. strôiť.

z-gotôvľu... пов. iz-gotôf, мн. iz-gotôfťe. gotôvíť. z-gotôvľöno. Ср. прил. gotôf, gotôvo.

«стоить» отмѣчено случайно лишь въ 3. ед. наст. вр. «ńe stôit». Другая форма, отдѣльная, но не оставляющая сомнѣпія, что принадлежитъ къ этому ряду — неопр. пакл. zabôťitšö (-će). Ср. дальше pômľu, -ľiš (помню)... zapômľi̯u. pômľiť (но, напр. pómer померъ, и др.).

Иначе is-pórťu(!) pórťiš... is-pórťi̯u. pórťiť. Здѣсь о происходитъ изъ ъ (см. Микл. perti-), что можетъ объяснить оттѣнокъ о; впрочемъ, форма 1. ед. наст. вр. -ťu, въ сравненіи, напр., съ kaćú : kaťíť, возбуждаетъ вопросъ, не заимствованъ ли весь глаголъ. Судя по источнику, онъ, между тѣмъ, чувствуется какъ свой. Возможно, что форма pórťu стоитъ предвѣстникомъ хорошо извѣстнаго съ другихъ краевъ развитія, которое выбрасываетъ старое «смягченіе» конечной согласной въ 1. лицѣ ед. ч., подъ давленіемъ вида корня въ прочихъ лицахъ.

Перейдемъ къ глаголамъ съ подвижнымъ удареніемъ. Первоначальное o, какъ и второе o полногласнаго сочетанія, во всѣхъ собранныхъ примѣрахъ является подъ удареніемъ въ видѣ ô:

borońú... boróńat. boroníť.

xožú xôďiš... xôďat. xoďí. xoďi̯u. xoďíť.

po-xorońú poxoróńiš... poxoroníť.

kołoćú kołôťiš... kołoťíť.

łovľú łôviš... łovíť.

mołoćú mołôťiš... mołoťíť.

nošú nôši̯š... nošíť. vý-nošono.

prošú prôšiš... prošíť.

topľú tôpiš... topíť.

vožú vôžiš... vožíť.

А при первоначальномъ ъ: kormľú kórmiš... kormíť.

IV. B. О судьбѣ стараго ѣ см. § 4.

v́ížu v́íďiš... v́íďät. v́íďeu̯, v́íďeła, v́íďeľi. v́íďeť.
ŕoká šuḿít. šuḿêła, šuḿíľi.
grom gŕeḿít. gŕeḿêło.
dom goŕít, domá goŕát. goŕêu̯, goŕíľi.
gľažú gľeďiš... gľeďiťó gľéďát. ńe gľeďí. gľeďêu̯, gľeďêła, gľeďíľi. gľeďíť.
3. ед. v́iśít. v́iśêło. v́iśít.

ŕevľú (= płáću) ŕev́íš... ŕev́í. ŕev́êu̯, ŕev́íľi.
kryćú... kryćát. kŕyćí. kryćáu̯, kryćéľi. kryćéť кричать.
mołćú. mołćí. mołćáu̯, mołćéľi. mołćéť.
słýšu słýšyš... (słúšaj̯). słýšau̯, słyšeľi. u-słýšeť.
ďöržú ďóržyš... ďöržý. ďoržáu̯, ďoržáľi. ďoržáť. Послѣднія двѣ формы своимъ а вмѣсто ожидаемаго е возбуждаютъ сомнѣніе, не стоятъ ли подъ вліяніемъ литературнаго языка.

stoj̯ú stoíš... stoj̯át. stôj̯, stôj̯ťö. stoj̯áu̯, stoj̯éľi. stoéť. Иначе въ boj̯ú́ś boíś̯e... boíťöś... ńe bój̯śö, ńe bój̯ťeś. boj̯áu̯śö, boéľiś. boétśe (ср. § 8).

Полный переходъ въ IV. A. представляетъ «смотрѣть»: śmotŕú smôtŕiš... smôtŕät. smotŕí. smotŕíu̯, smotŕíła. smotŕíť.

Другое направленіе приняло развитіе въ xoťíť, прош. xoťêu̯, гдѣ наст. время перешло вполнѣ въ спряженіе основъ на jo-je: xoćú xóćöš(-ćeš)... xóćeťö xóćut. Но въ пов. наклоненіи находимъ еще «ńe xoťí».

Добавимъ еще
spľu śpiš... śpiťó śpat. śpi. spau̯, spałá, spáľi. spať.
ƀogú ƀežýš... ƀežyťó ƀogút. ƀeǵí. ƀežáu̯. ƀežáť.

V.

dam daš das daďím daďiťó dadút. daj̯. dau̯, dałá, dáło, dáľi. dať.
j̯êm j̯êś j̯es (о j̯e- : j̯ê- см. § 4) j̯iďím j̯iďiťó j̯iďát. ńe j̯êš, ńe j̯êšťe.

Приложеніе.

Частью для удобства читателей, а частью для пополненія даннаго описанія, прибавляются въ настоящемъ приложеніи кое-какія замѣтки къ поставленнымъ въ *Программѣ для Собиранія Особенностей Нар. Говоровъ* (СПБ. 1900 г.) вопросамъ. Числа соотвѣтствуютъ параграфамъ Программы. Гдѣ таковой или не вызываетъ замѣтокъ или же считается по моему уже достаточно освѣщеннымъ въ раньшихъ главахъ моего описанія, просто обойду его молчаніемъ.

3. 1. okśíńja okuĺína ondŕí[i] outôn oĺoksán (Александръ, см. § 15), жен. р. oĺoksándra.

2. báťuško ivánuško (-kv̆, см. § 6) díťätko, moi̯ báťińko (-kö, -ke, см. § 13). Но moi̯ déďuška. Далѣе moi̯ domíško, dvoŕíško stúpiško (но díťćónka).

3. onbár opťéka okurátno ońís oťtáŕ; а напротивъ akušérka atamán arbús; ср. далѣе ŕestánt вм. арестантъ. — borán zobóta koťáć koŕéta korovái̯ poťáta poťáťi porôm. rovńéť rokíta. stokán tońćovát toŕéťka (ť: см. §§ 9, 16) torokán.

Въ прочихъ приведенныхъ словахъ я пишелъ лишь а, такъ kanát kanáva kaťóša garmóńi̯ä (u -i̯e, ср. § 13) lanpátka tabún karmán travá vospáĺéńi̯e (ĺókix) okai̯áńoi̯ paroxôt (ср. съ такими сочетаніями sumo- въ sumošétšoi̯ сумасшедшій) krapíva rabý vaśíĺei̯ páxaŕ, ńe płać и т. д. — Ср. въ этой связи potyťôk потолокъ (§ 5). — ťótka, kúmuška.

4. roz-, ros- во всѣхъ сочетаніяхъ; однако rázum, при rozúmnoi̯. robôta robôtať (или robotáť, «myšitám odńím»).

4. płaćú płáťiš; kaćú káťiš; posažú posáďiš (vaŕú vaŕíš и т. д.).

5. Встрѣчается смѣсь: zamorážyvať, udváivať, ustráivať; но prosróćivať, zaťósyvať. Ср. далѣе zaďárži̯vať, zavórtyvať.

6. 1. manáx manastýŕ saudát (повѣе saľdát); но továŕiš ponomáŕ.

2. Приведенныя слова вообще имѣютъ о (такъ и kokúška); однако karáp tvarók patŕét. mańêtka, mańêta, kanŕêty (ср. § 4).

3. dóbrova xudóva и под., ср. Морфологію.

7. odvá oľóna ovdóťja oprośíńja. eščo (šč: см. § 8) не имѣетъ j-; но još, jožá ежъ, jóžyk; jeḿeľján.

roḃónok, мн. ч. roḃáta. toṕéŕ.

Говорятъ ďónyško oďéńje («u łôtḱi»), но bóbŕik kusóćik pósľe (pôsľe).

8. Разные вопросы получили свое освѣщеніе въ Фонетикѣ, особенно въ § 13. O v́eršók v́erxom ćérkof и под. см. въ § 12.— За ястребъ я слышалъ только jéstŕep. — О формѣ boľne, при bóľńo (-ńö) ср. въ § 12, добавлю, что кромѣ даннаго тамъ объясненія исчезновенія палатализаціи n («больнэ») можно, конечно, и думать, чтобъ твердое n перешло по аналогіи изъ формъ какъ śíľno, ńepraviľno, гдѣ n осталось нетронутымъ сосѣднимъ ľ. Нахожу однако свое объясненіе болѣе правдоподобнымъ.—Къ ѣ передъ ударяемымъ слогомъ ср. еще и въ § 4.

9. ćełov́êk šołuxá ľićöḿêr žoná ńeužóľi žońíx žoľêzo doḿíščo (šč: § 8) nasažonô połóžöno ćášok mášöt naṕíšom nášo vášo šṭó-žo (ṭ: § 8) užó, on žóstok. О сравн. степ. góžejö ср. § 19. — Про себя стоитъ žémćuk; позднее заимствованіе? Объ о : ö послѣ š, ž см. § 13.

10. Словъ съ у на мѣстѣ е не замѣчено: ćovô óćeń máćoxa и т. д.

11. Отмѣчено žaľať, žałáju; но dvugŕívöñoj (-eñoj) proščájťö (-ťe) ćotýŕö skoŕéjö (ср. § 4).

— zapŕak. Но gołov́óška. kŕêsła (мн. ч.: odńê k.). słov́esno вѣроятно чисто церковное слово. Ср. koľösô, мн. ч. koľósa (ср. впрочемъ koľáska). ľókojo paľitó или paľtó.

— izv́óska известка.

12. i (и) вм. э, е не найдено; такъ, напр., ľéḃeť jeľ ďeń ḿéľńića ńeľźá ḿeńá ńedíľä sv́atój v́azáť и т. д.

13. Отношеніе стараго ѣ къ е подробно освѣщено, особенно въ § 4. Такъ, отвѣты на вопросы Программы въ *14* вообще лишни. Для удобнаго обзора можно прибавить и здѣсь нѣсколько примѣровъ:

1. xľêp, gŕêx и т. д. Также ḿêdnoi̯, несмотря на старшее ь послѣ d. — Про себя стоятъ ŕézvoi̯ рѣзвый и ćep, мн. ч. ćéṕi, цѣпь.

2. b̓êłoi̯ ľêto и т. д., i̯êxať.

3. ćołúi̯ú b̓ödá ćv̓ötók źováť и т. д.

4. zďiś, ḿiť мѣдь, ľiń лѣнь и т. д.

Для сочетанія -ѣй имѣю лишь одинъ примѣръ, rotoźéi̯, е котораго указываетъ на заимствованіе; ср. oďi̯iało подъ 6.

5. ḿíťiť pov́íśiť v́íńik и т. д. Отдѣльно стоитъ ďév́eŕ, вѣроятно не своя форма.

6. ćiďíť śiḿaná stŕiľéť oďi̯iáło и т. д.

Въ концѣ слова:

1. na stoľê — v-bołôťe, na ruḱê — v-ḿísťe[1]).

2. ťeb̓ê mńê.

3. fśê fśêx fśêm.

4. dv́ê.

5. gďê, gďê-to. pôsľe, índe.

[*55.* Находимъ ожидаемое о въ приведенныхъ примѣрахъ; вниманія заслуживаетъ только, подъ 2, kuvýľ. (Вм. korḿíľeć говоръ имѣетъ -ńeć)].

60. Произношеніе «я» достаточно освѣщено въ моемъ описаніи (ср. особенно въ § 13). Приведу какъ примѣры здѣсь ńećáañ̄o (§ 10), ćasý. žaľíť и šaľún (ľ!) имѣютъ а не смотря на слѣдующую мягкость. — doćḱä. pľeḿéńik. zá[i̯]eć. másľeńića.

62. Говорятъ v́êtxoi̯; по ďórskoi̯ zaďórška ľof ńóbo. kŕos (крестъ) по kŕésťik. otśóľa (отсель). О i̯ôi̯ см. Морфологію, § 18. «ейный» не употребляется (i̯ei̯ó dom). i̯ésľi. spľétńi. — Объ е передъ r (v́erx и под.) см. въ § 12.

---

1) Куда ставить voopšy'?

63. Въ приведенныхъ словахъ находимъ всюду ожидаемое ê: v́êska и т. д.; такъ и tŕêsnuť, bŕêzgovať, tŕêzroi̯, ḿêľoć, v́êdra (v́odrô); по ćер цѣнь.

64. Всюду видимъ ожидаемый переходъ въ 'о; отмѣтимъ однако ćéŕńeńḱöi̯, źeľéńeńḱöi̯; kŕúćók, по kŕúćéćik.

66. ínaće íva íščut. Но ḱ-jim (i̯-). Ср. далѣе iván izb́íu̯. Объ отношеніи i̯ (j): [i̯] см. впрочемъ § 10.

68. Я отмѣтилъ здѣсь имя ďeḿítŕii̯.

70. Говорятъ kŕik, по kryćéť. skŕipka, šyŕínka, gŕip р. мн. gŕibôf; ŕíga, továŕiš и т. д. Tŕífan. — kryłô, is korýsťi.

graf́ín xrakôťina (Их. xarkôťina) smorôďina.

72. pôiło, stôiło; ḿixái̯ło.

73. Говорятъ báryńa. b́eŕózyńḱa. ryćát (!не -k!). Но rôxłoi̯ въ значеніи нездоровый.

78. Изъ Морфологіи знаемъ, что окончаніе им. ед. муж. прилагательныхъ въ твердыхъ основахъ постоянно звучитъ -oi̯; напр. kŕêpkoi̯ xołôdnoi̯ połôtńañoi̯ ośóñoi̯ (осенній); ср. pustói̯.

Въ основахъ мягкихъ этому соотвѣтствуетъ -ei̯: xvôs ov́éćei̯, ťeľéćei̯ tułúp, boráńei̯ połušúbok. Ср. къ этому «медвѣжій», что въ перепискѣ дало бы скорѣе всего ḿedv́êžei̯ (въ русскихъ типахъ «-жэй»); слышалось, какъ звукъ е какъ будто насильственно выдвигался въ чистомъ видѣ, безъ свойственной ему обыкновенно послѣ š, ž лабіализаціи (§ 8); это доказываетъ силу формальной категоріи.

Съ этимъ окончаніемъ сравнимъ имена vaśíľei̯, gŕigôŕei̯, ignáťei̯, ľövónťei̯. — Но ťimof́í[i̯], i̯eľeśíi̯ (Елисѣй), matv́íi̯; ср. къ *68* ďeḿítŕii̯.

85. Отмѣчено bółoźe («davái̯, kuťí, bółoźe i̯eś ďéńǵi»), óbołoko; но stram. (ńe dou̯žnô, stou̯p, tóu̯ščə, bŕovnô, Их. bŕevnô; śerp, ćetv́érk, ćétv́erť, naćerťíť).

87. rot: iz rótu, v-rotú. Въ potyłôk род. potyłôka, потолокъ, ô вѣроятно указываетъ на гласную не ъ? См. § 5. Далѣе: íz-rovu, v-rovú; łop: ot łóba; iz móxu. Но is̯ná, изъ спа, izo-ľdú (ľot), na-ľdú.

88. Говорятъ r̥žanói̯, съ чистымъ r̥; ľńanói̯, vdová, ľgôta, xľêf, gumnô, moxovói̯. Ср. только слово oftôŕńik вм. вторникъ.

89. Говорятъ pšoná, pšońíća и под., какъ ожидаемъ. Вмѣсто гречиха имѣютъ «gŕećúga». — tou̯knúť, maxnúť.

90. Гласныя сохраняются отдѣленными другъ отъ друга, напр. sľovooxôćei̯, ondŕíi̯of, skoŕá[i̯]a (см. Морф., § 19); ṕoigráť, poimáť, съ полными слогами i (см. въ § 15). Ср. однако podú вм. пойду. Но ńeizv́êsnyi̯o ľúďi и под., безъ стяженія.

91 сл. освѣщены подробно въ § 10.

97. Говорятъ óľi̯a (Ольга), osá множ. ósy род. os, ókun, ovćá мн. óvći, óśip, ókarak (!), óśeń, óźöro, óćeń. Но vôľxa (ольха), vôśem (восемь); особенно интересно послѣднее слово, въ сравненіи съ ośmói̯. См. § 5.

Безъ v- также u-: úxo, útka, úćeś (участь).

98. v сохраняется всюду; напр. vnuk, davnô.

99. ḿitrofán, f́ódor, kartóf́eľ. na faťéŕe, kúfńä. Но kvartáľna[i̯]a (т. е. próśöka).

ofonáśei̯ saf́i̯án ľofšá (лѣвша). — xvóros xvástať. — oxôta.

100. Объ отношеніи ł: u̯ указываю на §§ 9 и 16.

Здѣсь можно добавить, что ľ сохраняется въ случаяхъ какъ kolokôľna (n, не ń!), boľnói̯ и под. Такъ же, съ палатализаціей и слѣдующаго за ľ k, въ skôľḱö tôľḱö stôľḱö. — Отношеніе ł съ u̯: ľ соотвѣтствуетъ вообще литературному русскому языку.

101. rožostvó, ḿežu-i̯ím . . ., urožái̯, oḃižáť. — vozvraćú ďéńǵi.

102. О koγda см. § 15. Я отмѣтилъ притомъ и kou̯dá, tou̯dá; ср. fśou̯dá (всегда).

Говорятъ γosudáŕ, γospôť, однако такъ, что «γ» слѣдуетъ скорѣе понимать какъ g + γ, т. е. оно начинается какъ взрывный а развивается въ длительный звукъ.

gďê. gľeďí-ko. Но kńäíńa. i̯enerał[1]). (i̯ogóŕei̯. ḱitára).

110. Переходъ k въ ḱ подъ вліяніемъ предшествующей

1) Ср. «ľevórv́er» вм. револьверъ.

палат. согласной представляетъ частое явленіе въ описываемомъ говорѣ, и освѣщенъ въ § 12. Въ нѣкоторыхъ примѣрахъ можно и здѣсь опредѣлить границы явленія:

xoźéi̯ka ćäi̯kóm koṕéi̯ku postrôi̯ka. — vôi̯śḱö (войско). — váńḱa, na ćetv́eŕéńḱax, odna ďéńǵa, и такъ обыкновенно послѣ ń.— ŕêťḱä.—tôľḱö и др. Послѣ š: sáška, ťótuška, какъ и ждемъ, по характеру шипящей.

g > i̯: áńi̯oł ангелъ; óľi̯a Ольга.

Предшествующее ŕ не подѣйствовало на гортанную, а и ŕ само перешло въ r; см. § 12: na v́erxú, ďérgai̯ú, ćerkóvnoi̯.

112. Указываю на § 7. При ясномъ произношеніи слышалось k̄uzńećú; при скорѣйшей рѣчи произношеніе приближалось къ простому kuz-, вм. къ кузнецу. — k-ćäŕú къ царю. g-ďéŕevu. k-ťeb́ê (см. § 15). — ḿák̄oi̯, ľók̄oi̯.

dóxtur. traxťír.

119. О совпаденіи ч и ц въ мягкое ć, и о самомъ этомъ звукѣ см. въ § 8. Тамъ же о сочетаніи t + ś, въ формахъ возвратныхъ.

120, *121*, *123* и *124* находяхъ себѣ достаточное освѣщеніе и матеріалъ въ § 8. Къ 124 добавимъ: говорятъ doš, род. dožḏ̌žá при dož[d]žá. — dróž[d]žy дрожжи; vóž[d]žy возжи. vož[d]žátśe возжаться. — Къ 123: roš̱ybú расшибу. «вещь» имѣетъ форму v́êš; см. § 5.—Странна гласная y въ словѣ «štšyľ» щель.

122. końéšno. pŕivýšno. połnomóšnyi̯. pšöńíšnai̯a. rušńik. vostošnoi̯ (Их. -ôšnoi̯). Паньк. narôšno, нарочно, въ Их. имѣло s: narôsno; въ обоихъ говорахъ находимъ s въ словѣ mołôsnoi̯ молочный.

Въ словѣ «почта» можно было писать pótšṭa или póčta, скорѣе пожалуй первое, хотя я самъ колебался. Шипящій звукъ сочетанія во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ «заднимъ» (см. § 8). Второе t приближается болѣе или менѣе къ супрадентальному (или церебральному?) ṭ. — Въ «почти» я такимъ же образомъ колебался, писать ли лучше «poćťí» или «potsťí», см. въ началѣ § 8.

125. ovaŕíť обварить, ov̄iń́ćéť обвѣнчать. Указываю насчетъ поставленныхъ здѣсь вопросовъ особенно на § 7.

127. morôs, i̯oš ежъ, rot род. ródu, druk. — própka, łôtka, vôtka и под.

129. vnôgo, много.

131. boγátsvo, śirôtsvo; по ср. udovôľstvo.

ńev́êska. goś и под., ср. § 15. xorôšyi̯ö gvoźi̯á (ср. ед. ч. gvoś). nózŕi. prázńik.

(kukšýn). ráźe вм. развѣ.

muśḱói̯ö płáťi̯o (ср. впрочемъ въ § 7).

xvôs, tou̯s и т. д.

noi̯áp ďekáp. ṕot. Ср. въ § 15.

i̯arosłáf [вм. голавль gółov́eń].

fstań, vzdôr, по stŕíća (при fs-).

134. stram, dostók.

137. O krof, ľubôf и под. см. въ § 12.

148. Говорятъ kołokôľna, bói̯na. (końúšna[i̯]a).

Христіанія въ Норвегіи.
Февраль, 1905 г.

Содержаніе.

I. Фонетика.

Стр.

§ 1. Обозначеніе и характеръ гласныхъ 5
§ 2. Ослабленные оттѣнки гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ; «состоянія безразличности» языка 10
§ 3. Къ характеру слоговъ и ударенія 17
§ 4. Судьба стараго ѣ; произношеніе гласной «ê» 22
§ 5. Отношеніе гласныхъ о и ô; произношеніе послѣдняго 32
§ 6. Гласныя безголосныя 51
§ 7. О согласныхъ говора. Согласныя долгія 52
§ 8. Согласныя «шипящія» 55
§ 9. Отношеніе ł : u̯ 63
§ 10. Отношеніе j : i̯; [i̯] и испаденіе i̯ между гласными 64
§ 11. Согласная v въ отношеніи къ w и u̯; знакъ [u̯] 72
§ 12. Моменты къ патализаціи 75
§ 13. Дѣйствіе палатальныхъ согласныхъ на слѣдующія заднія гласныя; отношеніе a, u, o: ä, ů, ö-e 92
§ 14. Лабіализація 103
§ 15. Замѣтки объ извѣстныхъ звукахъ въ концѣ и въ началѣ слова. Разныя черты при столкновеніи согласныхъ 108
§ 16. Замѣтки о развитіи описываемаго говора; старое и новое 113

II. Морфологія.

§ 17. Существительныя 117
§ 18. Мѣстоимѣнія; слѣды «члена» 124
§ 19. Прилагательныя 126
§ 20. Числительныя 129
§ 21. Глаголы: спряженіе 131
§ 22. Отдѣльные глаголы 133
Приложеніе: Разныя замѣтки, собранныя по Программѣ для Собиранія Особенностей Нар. Говоровъ 143